

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

№ 24 (47)

Санкт-Петербург
2022

Россия в глобальном мире

Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Вуйтович Б. – д.пед.н., профессор (Краковский педагогический университет им. Комиссии Народного Образования, г. Краков, Польша);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Гюнеш Д. – к.полит.н. (Норвежский университет естественных наук и технологии, г. Тронхейм, Норвегия);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Кожирова С.Б. – д.полит.н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Нурсултан, Казахстан);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва, Россия);

Лю Шицзин – Генеральный секретарь Западного исследовательского центра развития (Сычуаньская академия социальных наук; г. Сычуань, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Муза Д.Е. – д.филос.н., профессор (Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная Республика);

Оспанова А.Н. – PhD (Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева; г. Нурсултан, Казахстан);

Отт М. – PhD, профессор (Льежский университет, г. Льеж, Бельгия);

Петров А.Н. – профессор (Университет Северной Айовы, г. Сидар-Фоллз, США);

Пинсон Ж. – PhD, директор Национального центра истории (Совместное исследовательское подразделение, г. Тулуза, Франция);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – к.ист.н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия);

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения);

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история, 5.6.4. Этнология, антропология и этнография, 5.6.6. История науки и техники, 5.6.7. История международных отношений и внешней политики);

5.4. Социология (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ).

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2022

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

№ 24 (47)

Saint Petersburg
2022

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Bożena E. Wójtowicz – Doctor of Education, Professor (*Pedagogical University of Cracow, Cracow, Poland*);

Qafarov Mihad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Gunes Dilan – PhD in Political Sciences (*Norwegian University of Science and Technology, Trondheim, Norway*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Svetlana B. Kozhirova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Shijing Liu – Secretary General of the Western Development Research Center (*Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Dmitry E. Muza – Doctor of Philosophy, Professor (*Donetsk National University; Donetsk, Donetsk People's Republic*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan*);

Otte Marcel – Professor (*University of Liege, Liège*);

Andrey N. Petrov – Professor (*University of Northern Iowa; Cedar Falls, USA*);

Pinçon Geneviève – Doctor of History, Director of National Center of Prehistory (*UMR (unité mixte de recherche) TRACES, Toulouse, France*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – PhD in History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*).

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer-reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations);

5.6. Historical sciences (5.6.1. Domestic History, 5.6.2. General History, 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.6.6. History of Science and Technology, 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy);

5.4. Sociology (5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes; 5.4.5. Political sociology; 5.4.6. Sociology of Culture).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications” No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL).

ISSN 2304-9472; ISSNe 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Политология. Политические науки

- Дубасова П. К.* Культура и культурная дипломатия как основной инструмент внешней политики «мягкой силы» Италии 7
- Киселева А. Р.* Влияние исторической памяти китайцев о Китайско-японской войне 1937–1945 гг. на современные отношения между Китаем и Японией 23

Международные отношения

- Аллямова В. В.* Проблемы внешней политики Европейского Союза, вызванные эпидемией Covid-19 37
- Калинина В. Ю.* Техническое сотрудничество как область стратегического взаимодействия России и Китая на современном этапе: реалии и перспективы 51
- Нечай А. А.* Советско-китайские отношения в 1980-е годы 68

Евразийская интеграция

- Го Шаньшань.* Культурное взаимодействие Китая со странами инициативы «Один пояс – один путь» 84
- Цуй Лун.* История развития китайско-российских отношений в 1990-х гг. 104

Страны и народы

- Лагойко А. Г.* Развитие туризма в Южной Карелии Финляндии в первой половине 2010-х гг. 115
- Ван Ли.* Советская историография социалистических преобразований и осуществления ленинского кооперативного плана в Узбекистане (историческая литература 1930–50-е гг.) 128
- Понкратова И. Ю., Береговых А. В.* Население города Гижигинска в XIX – начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных) 145

Обзоры и рецензии

- Рябова А. Л.* Профессиональная этика в российском современном высшем образовании 167

CONTENTS

Political science

- Dubasova P. K.* Culture and cultural diplomacy as the main instrument of Italy's "soft power" foreign policy 7
- Kiseleva A. R.* Influence of Chinese historical memory of the Sino-Japanese War 1937–1945 on current relations between China and Japan ... 23

International relations

- Allyamova V. V.* European Union foreign policy problems caused by the Covid-19 epidemic 37
- Kalinina V. Yu.* Technical cooperation as domain of strategic interaction between Russia and China at the present stage: realities and prospects 51
- Nechai A. A.* Relations between The Soviet Union and China in the 1980s 68

Eurasian integration

- Guo Shanshan.* China's cultural interaction with the countries of the "One Belt, One Road" initiative 84
- Cui Long.* The history of Chinese–Russian relations' development since 1990s 104

States and nations

- Lagoyko A. G.* Tourism development in South Karelia Finland in the first half of 2010s 115
- Wang Li.* Soviet historiography of socialist transformations of Leninist cooperative plan in Uzbekistan (historical literature of the 1930–50s) 128
- Ponkratova I. Yu., Beregovykh A. V.* The population of the city Gizhiginsk in the XIX – early XX centuries (based on the reconstruction of the genealogy of the Bragin's family) 145

Reviews

- Riabova A. L.* Professional ethics in Russian contemporary higher education 167

ПОЛИТОЛОГИЯ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCE

научная статья
УДК: 328
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.1

Культура и культурная дипломатия как основной инструмент внешней политики «мягкой силы» Италии

Дубасова Полина Константиновна [✉],
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
[✉] dubasova.polina@icloud.com; <https://orcid.org/0000-0003-0489-8762>

***Аннотация.** Термин «мягкая сила» активно используется во внешнеполитической практике многих стран мира. Среди европейских стран, которые активно наращивают потенциал «мягкой силы», безусловным лидером культурной дипломатии в мире является Италия. Культура Италии на протяжении веков впитывала в себя лучшие достижения культуры Средиземноморья и Востока, соединяя их с европейскими особенностями. Как среднее европейское государство, она активно пытается применять культуру как основной элемент своей внешней политики. Итальянская концепция «мягкой силы» была интерпретирована в собственное понимание – «Dolce potere» (мягкая сила). Политика «мягкой силы» предполагает всестороннее развитие публичной и культурной дипломатии, продвижение культуры и языка итальянского народа. Италия способна демонстрировать образцовый пример такой дипломатии. Страна стремится к активному формированию международной италоязычной общности, подчеркивая привлекательность Италии и своего брэнда «Made in Italy». Италия использует культурную дипломатию в качестве популяризации собственного культурного достояния и исторического опыта с целью получения определенных преференций в международных отношениях. Методика культурной дипломатии Италии отождествляется с той концепцией «мягкой силы», которая служит укреплению геополитических позиций, разрешению внешнеполитических задач государства, способствует сближению взглядов по различным аспектам взаимодействия с зарубежными странами. Предлагаемая публикация посвящена изучению культурной дипломатии Италии и ее применению на практике, особенностям инструментов «мягкой силы» и выявлению эффективности культурной дипломатии в продвижении внешнеполитического вектора страны в период пандемии коронавируса. Подчеркивается необходимость перенесения большей части культуры в институты внешней политики и культурной дипломатии, чтобы превратить ее в фактор влияния*

в условиях адаптации к условиям восстановления страны после пандемии коронавируса. Научная новизна состоит в использовании оригинальных документов итальянских институтов, проанализированы новейшие подходы Итальянской Республики к культурной дипломатии и «мягкой силе» в условиях коронавируса, что ранее не было исследовано.

Ключевые слова: Италия; дипломатия; международные отношения; культура; «мягкая сила»; публичная и культурная дипломатия

Для цитирования: Дубасова П.К. Культура и культурная дипломатия как основной инструмент внешней политики «мягкой силы» Италии // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 7–22. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.1

© Дубасова П.К., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 328

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.1

Culture and cultural diplomacy as the main instrument of Italy's "soft power" foreign policy

Polina K. Dubasova ✉

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

✉ dubasova.polina@icloud.com; <https://orcid.org/0000-0003-0489-8762>

Abstract. *"The term "soft power" is actively used in the foreign policy practice of many countries of the world. Among the European countries that are actively building up the potential of "soft power", Italy is the undisputed leader of cultural diplomacy in the world. The culture of Italy for centuries absorbed the best achievements of the culture of the Mediterranean and the East, combining them with European features. As an average European state, it is actively trying to apply culture as the main element of its foreign policy. The Italian concept of "soft power" was interpreted in its own understanding – "Dolce potere" (soft power). The policy of "soft power" involves the comprehensive development of public and cultural diplomacy, promotion of culture and language of the Italian people. Italy is able to demonstrate an exemplary instance of such diplomacy. The country strives to active formation of international Italian-speaking community, emphasizing the attractiveness of Italy and its brand "Made in Italy". Italy uses cultural diplomacy to promote its own cultural heritage and historical experience in order to obtain certain preferences in international relations. The methodology of Italian cultural diplomacy is identified with the concept of "soft power", which serves to strengthen geopolitical positions, resolve foreign policy tasks of the state, and promotes convergence of views on various aspects of interaction with foreign countries. This work is devoted to the study of Italian cultural diplomacy and its application in practice, the features of "soft power" tools and the identification of the effectiveness of cultural diplomacy in promoting the country's foreign policy vector during the coronavirus pandemic. The need to transfer most of the culture to the institutions of foreign policy and cultural diplomacy is emphasized in order to turn it into a real "soft power" in the conditions*

of adaptation to the conditions of the country's recovery after the coronavirus pandemic. Thus, the scientific novelty of this work consists in the fact that documents of Italian institutes written in the original were used as a source base, as well as the latest approaches of the Italian Republic to cultural diplomacy and "soft power" in the conditions of coronavirus, previously not investigated in scientific works, were analyzed.

Keywords: Italy; diplomacy; international relations; culture; "soft power"; public and cultural diplomacy

For citation: Dubasova, P.K. Culture and cultural diplomacy as the main instrument of Italy's "soft power" foreign policy. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 7–22. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.1

© Dubasova, P.K., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение. Рассматривая структуры, в ответственность которых входит продвижение «мягкой силы» Италии, необходимо отметить, что наиболее показательными, с точки зрения эффективности ее продвижения, выступают институты культуры, культурные фонды и некоммерческие организации, реализующие «мягкую силу» Италии на «местном уровне».

Следует отметить, что «мягкая сила» Италии, находя свое выражение в виде культурной, общественной, цифровой, зеленой, медицинской, кулинарной, спортивной дипломатии, может быть идентифицирована в качестве высокоэффективного инструмента продвижения национальных, политических интересов Италии, поскольку основной функцией выступает позитивный итальянский имидж, а также адаптация имиджевой стратегии Италии к существующим геополитическим условиям [1].

Такая позиция способствует более четкой детализации целей итальянской дипломатии, к которым относится системное распространение итальянского языка, высокой и массовой культуры, образа жизни, морально-ценностных и духовных ориентиров на европейском пространстве и за его пределами, что позволяет укрепить положительное восприятие Италии в умах зарубежных целевых аудиторий. Реализация данных подходов координируется на базе итальянских институтов культуры, а также МИД Италии, Национальной комиссии по распространению итальянской культуры, Национального института внешней торговли Италии, Министерства культурного наследия, культурной деятельности и туризма Италии, Генеральной дирекции по продвижению концепции «Система – Страна», а также отдельными

некоммерческими организациями, включая фактически каждого жителя Италии, итальянские диаспоры, которые выступают ретрансляторами «мягкой силы» итальянского государства [2].

Постановка проблемы и материалы. Анализируя роль МИД Италии, необходимо отметить, что в сферу компетенции данной структуры входит продвижение концепции «Система – Страна», дополняя культурный аспект экономическим, техническим сотрудничеством, сотрудничеством в научной сфере, в сфере экологии. Магистральными направлениями в таком случае выступает системное продвижение итальянского языка, высокой и массовой культуры Италии, развитие отношений с зарубежными государствами (проведение культурных мероприятий, перекрестных годов культуры, продвижение итальянской музыки, кинематографа, искусства), а также интернационализация итальянских компаний (позиционирование итальянского бизнеса и производителей как ретрансляторов «мягкой силы» Италии за счет популярности бренда и отражения в содержательной части данных брендов итальянских морально-ценностных и духовных ориентиров – утонченности, красоты, возвышенности, нацеленности на этическую и эстетическую привлекательность, точности, расслабленности, спокойствию, элегантности).

В свою очередь, формируются подходы МИД Италии к развитию культурной дипломатии и на базе Генеральной дирекции по продвижению инициативы «Система – Страна» [3]. В данном случае наблюдается более широкий спектр взаимодействия, что позволяет дополнить продвижение языка, истории и культуры такими аспектами, как организация долгосрочных культурных мероприятий (Недели итальянского языка, Недели итальянской культуры, Месяцы итальянского языка и культуры, Годы итальянской культуры, Перекрестные годы и т.п.). Это дополняется грантовой политикой (предоставление стипендий, «стимулирование» образовательной дипломатии) и координацией работы институтов культуры и языковых школ (популяризация образования, также относится к образовательной дипломатии). Включается также и укрепление «удельного веса» Италии в работе некоммерческих культурных организаций и фондов, что позволяет продвигать положительный образ Италии, итальянский язык, культуру в рамках круглых столов, культурных мероприятий, творческих вечеров, научных конференций и т.п.

В свою очередь, по оценкам С. Бокерия, выше обозначенные шаги способствуют проведению свыше 500 культурных мероприятий ежегодно, с акцентом на Неделях итальянского языка (проводятся с 2001 г.), за счет профильных выставок (к примеру, выставка «Леонардо, черты гения», нацеленная на знакомство японских целевых аудиторий с достижениями итальянской высокой культуры) [4, с. 647].

Другим важным аспектом выступает работа некоммерческих организаций. Одной из ключевых организаций выступает Фонд общества «Данте Алигьери» (создан в 1889 г.), цели которого связаны с популяризацией и защитой итальянского языка и культуры в мире, а также с установлением духовных связей с соотечественниками за рубежом и «привития иностранцам любви к Италии» [5]. Стратегическая роль данного общества заключается в его широкой географии присутствия (свыше 400 заграничных представительств), на базе каждого из которых проводятся выставки, концерты, кинофестивали, показы мод, литературные события, дополняемые организацией курсов итальянского языка, изучением культуры и т.п. [6].

Другой важной организацией выступает Академия Брера (Милан), задействованная в популяризации итальянского образования и культуры (изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура, дизайн). Академия принимает участие в программе «Эразмус+» [7], активно сотрудничает с зарубежными высшими учебными заведениями в контексте студенческих, академических, научных обменов) [8].

Схожим по своей сути субъектом культурной дипломатии также выступает Академия делла Круска, в компетенцию которой входит продвижение итальянского языка [9], а также Академия Понтаниана (развитие и распространение научных, литературных и художественных знаний) [10].

Другой важной некоммерческой организацией выступает Итальянский институт культуры, в спектр задач которого входит распространение итальянской культуры, поддержка и координация программ изучения итальянского языка. Роль данной структуры видится достаточно важной, поскольку география присутствия включает в себя функционирование более 90 объектов за пределами Италии [11].

Пример данного института прослеживается как в адаптации структуры взаимодействия между объектами, так и в продвижении мягкосилового компонента в условиях пандемии. Так, в период с 2 августа 2021 г. по 31 июля 2022 г. на базе организации проводится виртуальная выставка «Легендарные голоса Италии» (музыкальная выставка, организованная театром ла Скала и Театральным музеем ла Скала). [12]. Другими примерами выступают виртуальное вручение Детской Премии «Стрега» (16–21 мая 2022 г.) [13], проведение в виртуальном формате Туринской международной книжной ярмарки, в рамках которой также проводятся профильные мероприятия – круглые столы, лекции писателей (к примеру, А. Гоша), а также обсуждения развития книжного пространства для детей («Bookstock») [14].

Необходимо отметить системный подход Италии к реализации культурных мероприятий за рубежом, что способствует последовательному развитию интереса иностранных целевых аудиторий как к Италии в целом, так и к итальянской высокой и массовой культуре, в частности. Прослеживается данная тенденция и на примере итальянских музеев (Археологический музей Мила, Вилла Некки Кампильо, Музей Новеченто, Кавеллу Сан-Северо, Королевский дворец в Неаполе, Музей Пигорини, Галереи Боргезе, Музея Галилея, Палаццо Питти, Барджелло), развивающих дистанционные (виртуальные) туры для ознакомления зарубежных целевых аудиторий с историей и высокой культурой Италии [15].

Как результат, активная работа итальянских институтов культуры и некоммерческих организаций способствует последовательному развитию культурной дипломатии Италии, к которой мы относим формирование позитивного имиджа Италии, развитие интереса к итальянской культуре, образованию, искусству, истории, включая популяризацию итальянского языка.

Это способствует благоприятному и последовательному продвижению итальянских политических, экономических, гуманитарных интересов на региональном и глобальном уровне, включая развитие двусторонних и многосторонних форматов в области культуры, что позволяет выгодно «конвертировать» итальянский язык, культуру, историю, традиции, моральные и нравственные ориентиры в конкретные форматы политического и экономического взаимодействия. Главным

образом это происходит за счет реализации культурной дипломатии на базе следующих акторов:

- государственных акторов (МИД Италии, Национального агентства по туризму Италии)

- негосударственных акторов, задействованных в организации культурных мероприятий – к примеру, в рамках продвижения товаров «Made in Italy», концепции «Система – Страна», выставок ЕХРО, выставок «Здравствуй, Италия!», формата «Italia comes to You», а также двусторонних кинофестивалей;

А также путём проведения следующих мероприятий:

- недель итальянского языка в мире и развития образовательной дипломатии посредством двустороннего и многостороннего сотрудничества высших учебных заведений в рамках «Эразмус+»;

- спортивной дипломатии и сотрудничества итальянских спортивных клубов (ФК «Ювентус», ФК «Аталанта», ФК «Интер», ФК «Милан»), с ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО;

- кулинарной дипломатии – к примеру, мероприятия «World Pasta Day», направленного на популяризацию итальянской кухни (при содействии Ассоциации предприятий кондитерской и макаронной промышленности), а также регулярных выставок «Solo Italiano» (т.н. «винная дипломатия»), выставок «I Saloni WorldWide», «Saloni Internazionale del Mobile» (выставки итальянского интерьера, в рамках которых отражаются итальянские традиции, история и подходы к дизайну) [16].

Таким образом, необходимо отметить системную работу итальянского государства в контексте продвижения культурной дипломатии. Специфические подходы Италии к реализации «мягкой силы» (в целом), и культурной дипломатии (в частности), связаны с такими аспектами, как: сопряжение отдельных направлений и элементов «мягкой силы» (культурная, спортивная, общественная, научная, кулинарная, экологическая дипломатия), и системными взаимосвязями между государственными и негосударственными акторами, каждый из которых, действуя в рамках «единой связки», концентрирует свои усилия на успешном создании благоприятного, позитивного имиджа Италии в умах зарубежных целевых аудиторий и работает на благо страны. Данные подходы также способствуют реализации широкого комплекса культурных

и «смешанных» по своему составу мероприятий, с целью популяризации итальянского языка, традиций, культур, морально-ценностных, духовных и мировоззренческих ориентиров, существенным образом влияющих на итальянские подходы к взаимодействию в политической, экономической, гуманитарной, технической, научной, образовательной и иных сферах.

Рассматривая специфику применения и реализации культурной дипломатии во внешней политике Италии, в первую очередь необходимо отметить, что по состоянию на середину 2022 г. на систему внешнеполитических приоритетов Италии, равно как и на реализацию «мягкой силы», комплексное влияние оказывает два фактора, не касающиеся реформирования структуры отдельных ведомств или делегации полномочий от одного министерства или ведомства другому.

В данном случае, ключевым фактором выступает тенденция активного распространения пандемии коронавируса в период за 2020 – 2022 гг. Необходимо отметить, что роль данного фактора связана с широким спектром деструктивных тенденций, к которым мы относим сокращение темпов роста ВВП, сокращение деловой, торгово-экономической и инвестиционной активности, рост социально-культурных и этнических напряжений. Результатом влияния данных тенденций выступает, с одной стороны, уменьшение внимания со стороны итальянского государства и итальянского общества вопросам развития культуры. Поскольку на первый этап выходят вопросы поддержания экономической устойчивости, вопросы стабилизации политического ландшафта (продвижение отказа политиков от эксплуатации пандемии коронавируса для укрепления своих позиций и использования действий государства в данной сфере для эскалации внутривнутриполитической борьбы), что дополняется необходимостью поддержки уязвимых слоев населения, стабилизацией системы здравоохранения, поиском источников стабильных поставок энергетических ресурсов (включая Четвертый энергопереход на возобновляемые источники энергии), а также поставок медицинского оборудования.

С другой стороны, обозначенные аспекты могут иметь отношение и к «мягкой силе» Италии и к ее культурной дипломатии, поскольку в системе векторов взаимодействия Италии наблюдается усиление таких тенденций, как героизация работы медицинских сотрудников, социальных

служб [17]. Это также включает продвижение на глобальном уровне идей о необходимости консолидации итальянского, европейского и международного сообщества в сфере противодействия пандемии коронавируса, при повышении важности осознания в умах целевых аудиторий невозможности одного государства эффективно противостоять пандемии коронавируса, в силу транснациональности, трансграничности и высокой взаимосвязанности государств Европы и всего мира как непосредственного результата глобализации.

Как результат, в рамках культурной дипломатии находят свое отражение такие аспекты как необходимость поддержки здравоохранения, пропаганда здорового образа жизни, пропаганда помощи уязвимым слоям населения, проведение культурных мероприятий с целью популяризации системного противодействия пандемии коронавируса и активизации усилий всех слоев итальянского и европейского общества в сфере противодействия данной проблеме. Тем самым, культурная дипломатия Италии может способствовать политике ЕС в направлении формирования системы «солидарного поведения стран» [18].

Вторым аспектом выступает практика адаптации общества к коронавирусным ограничениям. На практике это прослеживается в интеграции инновационных технологий в политическую, экономическую и культурную сферу – как было отмечено в предыдущем параграфе, отдельные некоммерческие организации Италии, задействованные в продвижении культурной дипломатии, отдают предпочтение проведению круглых столов, переговоров в дистанционном формате.

Дополняется это разработкой виртуальных туров музеями и библиотеками Италии, что позволяет ознакомиться с высокой итальянской культурой безличного посещения. Очевидно, что дистанционный формат не позволяет в полной мере заместить восприятие, которое получает человек от ознакомления с итальянской высокой культурой лично, но позволяет выработать смежные и сбалансированные форматы, при которых сохраняется возможность ознакомления с объектами культуры при минимизации риска заражения.

Тем не менее, данные аспекты не ограничиваются деятельностью отдельных музеев или некоммерческих организаций. На более глобальном уровне наблюдается адаптация культурной, научной, образовательной

дипломатии к коронавирусным условиям, что проявляется в интеграции информационных технологий в жизнь общества – в контексте развития дистанционных программ обучения, круглых столов, семинаров, конференций посвященных вопросам культуры, включая проведение в дистанционном формате выставок, творческих вечеров, политических встреч, бизнес-встреч и т.п.

Вышеизложенное подтверждается высказыванием о том, что в условиях пандемии культура Италии – это «убежище и облегчение для души, она является одним из самых плодотворных достояний страны, а также ее самой хрупкой красотой и когда введенные ограничения заставляют нас опасаться, что мы больше не сможем наслаждаться живой музыкой, театром, кино, спектаклями, мы видим, что наша культурная система способна умело трансформироваться и подстраиваться под обстоятельства» [19].

Характерным влиянием пандемии коронавируса выступает трансформация структуры продвижения «мягкой силы» Италии и культурной дипломатии. Это проявляется в последовательном переводе существующих форматов взаимодействия в виртуальное пространство. Негативным аспектом в данном случае выступает «концептуальное искажение» сути «мягкой силы» и культурной дипломатии, использование данных ресурсов «во вред, а не во благо», что в целом ограничивает потенциал эффективного и системного развития «мягкой силы» Италии в обозримой перспективе.

В своем же комплексном виде, в случае «выноса за скобки» данных факторов, необходимо отметить, что модель культурной дипломатии Италии и ее специфические черты базируются на культурно-историческом (высокая культура, язык), и туристическом потенциале. Данный аспект формирует первую специфическую особенность культурной дипломатии Италии, поскольку в отличие от США или КНР, делающих ставку на массовую культуру, высококультурный потенциал Италии позволяет опираться на историю и созерцательные идеи развития международного взаимодействия.

Другим аспектом выступает влияние пандемии коронавируса, требующее от Италии последовательной и системной адаптации к новым условиям взаимодействия, что ограничивает возможность физического проведения мероприятий и актуализирует процесс интеграции

информационных технологий в жизнь общества, способствуя развитию дистанционных форматов взаимодействия в научной, образовательной и культурной сфере. В январе 2022 г. в Министерстве иностранных дел появилась новая структура: Главное управление общественной и культурной дипломатии Италии. На сайте министерства поясняется, что структура была создана с целью сделать итальянскую «мягкую силу» в столь непростых условиях более эффективным инструментом влияния и формирования глобального консенсуса по вопросам, которые Италия считает приоритетными. Опираясь на такие принципы как коммуникация, культурная дипломатия, присутствие Италии в международных организациях, новое управление будет укреплять постоянный диалог со СМИ, исследовательскими центрами, университетами и международными организациями, чтобы продвигать и интегрировать Италию с производительными и культурными силами мира [20].

Другим важным аспектом, указывающим на специфику культурной дипломатии Италии, выступает т.н. «культурная децентрализация», под которой мы подразумеваем упомянутое ранее влияние как государственных, так и негосударственных акторов в процессе продвижения культурной дипломатии. Эти аспекты формируют вторую специфическую черту инструментария «мягкой силы» и культурной дипломатии Италии на современном этапе.

Содействие итальянского государства развитию «мягкосиловой автономии» НКО, которые могут на самостоятельной основе формировать на местном уровне программы развития культурного взаимодействия можно определить в качестве еще одного аспекта. Эта специфическая черта способствует активному развитию культурной дипломатии как на условно-официальном, так и на местном уровне взаимодействия. Производным от данного аспекта направлением выступает и «автономия посольств», активно развивающихся, с учетом местной специфики, структуры взаимодействия с местными культурными фондами и некоммерческими организациями. Описанные выше аспекты позволяют учесть местную специфику при формировании культурных инициатив, сохранив при этом «сетевой характер» взаимодействия между итальянскими субъектами «мягкой силы» (координируется МИД РФ).

Заключение. В итоге, в существующих условиях активного влияния глобальных факторов, обуславливающих экономические проблемы для Италии, итальянское государство продолжает позиционировать «мягкую силу» и культурную дипломатию в качестве ключевых ресурсов развития и укрепления влияния государства на региональном и глобальном уровне. Это прослеживается в сохранении уровня финансирования существующих программ и практике отказа от упразднения отдельных моделей взаимодействия. В данном случае, культурная дипломатия и «мягкая сила» могут выступать и инструментом восстановления экономики, и инструментом благоприятного позиционирования Италии, итальянских национальных интересов на региональном и глобальном уровне, поскольку зарубежные государства, выступают целевой аудиторией итальянской «мягкой силы» [21].

В то же время отдельные политики, эксперты, лица, принимающие решения о сотрудничестве, выступают более узкой целевой аудиторией «мягкой силы» Италии в рамках данного направления. Имея положительное восприятие страны, они могут оказывать большее содействие в обсуждении вопросов экономической помощи и экономического взаимодействия. Это в целом позволяет создать устойчивые условия для выхода Италии из кризиса за счет «конвертации» своего благоприятного имиджа в конкретные экономические форматы сотрудничества. Дополняется это и повышением вклада туристической сферы, поскольку благоприятное позиционирование Италии, дополняемое адаптацией к коронавирусу и гибридными ограничениями, способствует сохранению стабильного притока туристов, делая туризм (и, по сути, высокую культуру), инструментом развития и поддержки экономической состоятельности Италии.

Необходимо отметить, что по состоянию на 2022 г., специфические аспекты продвижения «мягкой силы» связаны с пандемией коронавируса. Влияние ее факторов прослеживается в ориентации итальянского государства и общества на проблемы социального, политического, экономического и геополитического характера, что обуславливает ситуативные дисбалансы в поддержке программ (без отказа от них, но с переориентацией на более актуальные вопросы здравоохранения, при позиционировании в структуре «мягкой силы» и культурной дипломатии

акцентов на консолидации, общем противодействии проблемам и поддержке здравоохранения, героизации работников сферы здравоохранения и социальной сферы как более важных компонентов, по сравнению с условными вечерами культуры).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ellwood, D. Italy: soft power superpower? The new official projection of Italian creativity. // USC Center on Public Diplomacy. 16 February 2022. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/italy-soft-power-superpower-new-official-projection-italian-creativity> (дата обращения: 30.06.2022).
2. Ellwood, D. Investire nel soft power Italiano. // Il Mulino. 25 gennaio 2022. URL: <https://www.rivistailmulino.it/a/investire-sul-soft-power> (дата обращения: 02.07.2022).
3. Direzione generale per la promozione del sistema Paese // Ministero degli Affari Esteri. URL: <http://www.esteri.it/MAE/IT/Ministero/Struttura/DGPromozioneSistemaPaese/> (дата обращения: 02.07.2022).
4. Бокерия С.А., Данилов В.В. Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 643–654.
5. Società Dante Alighieri. // Società Dante Alighieri. Il mondo in italiano, 2022. URL: <https://ladante.it/chi-siamo.html> (дата обращения: 04.07.2022).
6. Kessel, T. Cultural promotion and imperialism: the Dante Alighieri Society and the British Council contesting the Mediterranean in the 1930s. // Library of the University of Amsterdam, 2011. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/1312005/91752_05.pdf (дата обращения: 04.07.2022).
7. Regulation (EU) No 1288/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing 'Erasmus+': the Union programme for education, training, youth and sport. // Official Journal of the European Union URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013R1288> (дата обращения: 04.07.2022).
8. Accademia di Brera, Milano // l'Accademia di Belle Arti di Brera. URL: <https://www.accademiadibrera.milano.it/> (дата обращения: 06.07.2022).
9. Accademia della Crusca // Accademia della Crusca: Pagina d'entrata. URL: <https://accademiadellacrusca.it/> (дата обращения: 06.07.2022).
10. I compiti istituzionali dell'Accademia Pontaniana // Accademia Pontaniana. URL: <https://www.accademiapontaniana.it/> (дата обращения: 06.07.2022).
11. Sihombing, H., Arbi, I., Kusumawardhana I. Applying Soft Power Diplomacy through Istituto Italiano di Cultura to Promote Italian Culture. // Research on Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 10. Iss. 17. URL: <https://www.iiste.org/Journals/index.php/RHSS/article/download/54605/56413> (дата обращения: 04.07.2022).
12. Istituto Italiano di Cultura Mostra virtuale del Museo Teatrale Alla Scala. // Istituto Italiano di Cultura. URL: https://iicmosca.esteri.it/iic_mosca/it/gli_eventi/calendario/2021/08/caruso-corelli-di-stefano-miti.html (дата обращения: 05.07.2022).

13. Premio Strega Ragazze e Ragazzi. // Istituto Italiano di Cultura. URL: https://iicmosca.esteri.it/iic_mosca/it/gli_eventi/calendario/2022/05/premio-strega-ragazze-e-ragazzi.html (дата обращения: 08.07.2022).
14. XXXIV edizione del Salone Internazionale del Libro di Torino. // Istituto Italiano di Cultura. URL: https://iicmosca.esteri.it/iic_mosca/it/gli_eventi/calendario/2022/05/xxxiv-edizione-del-salone-internazionale.html (дата обращения: 09.07.2022).
15. Roccella, E. Arte e diplomazia: una questione di soft power // Exibart. 8 febbraio 2021. URL: <https://www.exibart.com/mercato/arte-e-diplomazia-una-questione-di-soft-power/> (дата обращения: 08.07.2022).
16. Maldera, M., Galantini, L. Gastro-diplomazia: quando la cucina si trasforma in diplomazia. // Magazine Dichecibo6. 15 giugno 2020. URL: <https://magazine.dichecibo6.it/gastro-diplomazia-quando-la-cucina-si-trasforma-in-diplomazia/> (дата обращения: 10.07.2022).
17. Asproni, P. Come l'Italia può sfruttare il suo soft power per ripartire dopo la pandemia. // Linkiesta. 1 aprile 2021. URL: <https://www.linkiesta.it/2021/04/soft-power-pandemia-turismo-cultura/> (дата обращения: 09.07.2022).
18. Valenza, D. The Trap of Geopolitics: Rethinking EU Strategic Communication // College of Europe Policy Brief. March 2021. URL: http://aei.pitt.edu/103383/1/valenza_cerop_3_2021_final.pdf.pdf (дата обращения: 08.07.2022).
19. La diplomazia culturale alla prova del Covid, dialogo con la Vice Ministra Sereni (la Discussione) // Esteri. 30 ottobre 2020. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/2020/10/la-diplomazia-culturale-alla-prova-del-covid-dialogo-con-la-vice-ministra-sereni-la-discussione/ (дата обращения: 08.07.2022).
20. La nuova Direzione Generale per la Diplomazia pubblica e culturale della Farnesina. La parola all'Ambasciatore Terracciano // Esteri. 3 Gennaio 2022. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2022/01/la-nuova-direzione-generale-per-la-diplomazia-pubblica-e-culturale-della-farnesina-la-parola-allambasciatore-terracciano/ (дата обращения: 11.07.2022).
21. Ellwood, D. Investire nel soft power Italiano. // Il Mulino. 25 gennaio 2022. URL: <https://www.rivistailmulino.it/a/investire-sul-soft-power> (дата обращения: 11.07.2022).

REFERENCES

1. Ellwood, D. Italy: soft power superpower? The new official projection of Italian creativity. *USC Center on Public Diplomacy*. 16 February 2022. Available at <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/italy-soft-power-superpower-new-official-projection-italian-creativity> (accessed: 30.06.2022).
2. Ellwood, D. Investire nel soft power Italiano. *Il Mulino*. 25 gennaio 2022. Available at <https://www.rivistailmulino.it/a/investire-sul-soft-power> (accessed: 02.07.2022).
3. Direzione generale per la promozione del sistema Paese. *Ministero degli Affari Esteri*. Available at <http://www.esteri.it/MAE/IT/Ministero/Struttura/DGPromozioneSistemaPaese/> (accessed: 02.07.2022).
4. Bokerija, S.A., Danilov, V.V. Osobennosti kul'turnoj diplomatii Italii na sovremennom jetape [Features of Italian cultural diplomacy at the present stage]. *Vestnik*

- Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2019. T. 19. № 4. S. 643–654. (In Russ.).
5. Società Dante Alighieri. Società Dante Alighieri. Il mondo in italiano, 2022. Available at <https://ladante.it/chi-siamo.html> (accessed: 04.07.2022).
 6. Kessel, T. Cultural promotion and imperialism: the Dante Alighieri Society and the British Council contesting the Mediterranean in the 1930s. *Library of the University of Amsterdam*. 2011. Available at https://pure.uva.nl/ws/files/1312005/91752_05.pdf (accessed: 04.07.2022).
 7. Regulation (EU) No 1288/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing 'Erasmus+': the Union programme for education, training, youth and sport. *Official Journal of the European Union* Available at <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013R1288> (accessed: 04.07.2022).
 8. Accademia di Brera, Milano. *l'Accademia di Belle Arti di Brera*. Available at <https://www.accademiadibrera.milano.it/> (accessed: 06.07.2022).
 9. Accademia della Crusca. *Accademia della Crusca: Pagina d'entrata*. Available at <https://accademiadellacrusca.it/> (accessed: 06.07.2022).
 10. I compiti istituzionali dell'Accademia Pontaniana. *Accademia Pontaniana*. Available at <https://www.accademiapontaniana.it/> (accessed: 06.07.2022).
 11. Sihombing, H., Arbi, I., Kusumawardhana I. Applying Soft Power Diplomacy through Istituto Italiano di Cultura to Promote Italian Culture. *Research on Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 10. Iss. 17. Available at <https://www.iiste.org/Journals/index.php/RHSS/article/download/54605/56413> (accessed: 04.07.2022).
 12. Istituto Italiano di Cultura Mostra virtuale del Museo Teatrale Alla Scala. *Istituto Italiano di Cultura*. Available at https://iicmosca.esteri.it/iic_mosca/it/gli_eventi/calendario/2021/08/caruso-corelli-di-stefano-miti.html (accessed: 05.07.2022).
 13. Premio Strega Ragazze e Ragazzi. *Istituto Italiano di Cultura*. Available at https://iicmosca.esteri.it/iic_mosca/it/gli_eventi/calendario/2022/05/premio-strega-ragazze-e-ragazzi.html (accessed: 08.07.2022).
 14. XXXIV edizione del Salone Internazionale del Libro di Torino. *Istituto Italiano di Cultura*. Available at https://iicmosca.esteri.it/iic_mosca/it/gli_eventi/calendario/2022/05/xxxiv-edizione-del-salone-internazionale.html (accessed: 09.07.2022).
 15. Roccella, E. Arte e diplomazia: una questione di soft power. *Exibart*. 8 febbraio 2021. Available at <https://www.exibart.com/mercato/arte-e-diplomazia-una-questione-di-soft-power/> (accessed: 08.07.2022).
 16. Maldera, M., Galantini, L. Gastro-diplomazia: quando la cucina si trasforma in diplomazia. *Magazine Dichecibo6*. 15 giugno 2020. Available at <https://magazine.dichecibo6.it/gastro-diplomazia-quando-la-cucina-si-trasforma-in-diplomazia/> (accessed: 10.07.2022).
 17. Asproni, P. Come l'Italia può sfruttare il suo soft power per ripartire dopo la pandemia. *Linkiesta*. 1 aprile 2021. Available at <https://www.linkiesta.it/2021/04/soft-power-pandemia-turismo-cultura/> (accessed: 09.07.2022).

18. Valenza, D. The Trap of Geopolitics: Rethinking EU Strategic Communication. // *College of Europe Policy Brief*. March 2021. Available at http://aei.pitt.edu/103383/1/valenza_cepob_3_2021_final.pdf (accessed: 08.07.2022).

19. La diplomazia culturale alla prova del Covid, dialogo con la Vice Ministra Sereni (la Discussione). Esteri. 30 ottobre 2020. Available at https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/2020/10/la-diplomazia-culturale-alla-prova-del-covid-dialogo-con-la-vice-ministra-sereni-la-discussione/ (accessed: 08.07.2022).

20. La nuova Direzione Generale per la Diplomazia pubblica e culturale della Farnesina. La parola all'Ambasciatore Terracciano. Esteri. 3 Gennaio 2022. Available at https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2022/01/la-nuova-direzione-generale-per-la-diplomazia-pubblica-e-culturale-della-farnesina-la-parola-allambasciatore-terracciano/ (accessed: 11.07.2022).

21. Ellwood, D. Investire nel soft power Italiano. Il Mulino. 25 gennaio 2022. Available at <https://www.rivistailmulino.it/a/investire-sul-soft-power> (accessed: 11.07.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Дубасова Полина Константиновна – Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: dubasova.polina@icloud.com; ORCID: 0000-0003-0489-8762

Dubasova Polina K. – Saint-Petersburg State University.
E-mail: dubasova.polina@icloud.com; ORCID: 0000-0003-0489-8762

*Статья поступила в редакцию 08.08.2022. Одобрена после рецензирования 26.08.2022. Принята 31.08.2022.
Received 08.08.2022. Approved after reviewing 26.08.2022. Accepted 31.08.2022.*

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.24.2

Influence of Chinese historical memory of the Sino-Japanese War 1937–1945 on current relations between China and Japan

Aleksandra R. Kiseleva ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ a.kiseleva22222@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0774-4785>

Abstract. *Historical memory of the nation is a set of memories about historical events that passes from generation to generation. For the Chinese people the events of the Sino-Japanese War 1937–1945 are of particular significance, just the same as for the Russians is our memory of the Great Patriotic War. Nevertheless, the historical memory of the Chinese people about those events was controlled and changed by the Communist Party. There was even a period when the war was completely forgotten. In this paper, the evolution of the historical memory of the Chinese about the war was studied, so the periods of its changes were identified. These changes affected on the attitude of the Chinese towards the Japanese: by the end of the 1990s, the number of anti-Japanese speeches in China reached a peak, so since 2005 Beijing decided to change its policy. There are a number of studies about the historical memory's impact on Sino-Japanese relations written by the authors, who conclude that the historical memory effects negatively on the relations between China and Japan. The analysis in this article reveals areas where the influence of historical memory is practically absent. Firstly, these are trade relations between the countries, which are only getting stronger every year. Secondly, even in resolving controversial issues about Senkaku Islands and during the escalation of the Taiwan crisis, China did not appeal to the historical memory of the 1937–1945. Thirdly, some specific provocations of Japan were also sometimes ignored by the Communist Party (the Chinese people, however, pay attention to all of these incidents). Thus, it can be noted that the historical memory is an important aspect to shape the PRC's policy, but it is not a determining factor in Sino-Japanese relations.*

Keywords: Historical Memory; People's Republic of China; Japan; Sino-Japanese War; Sino-Japanese Relations; Shinzo Abe; Yasukuni Shrine; Japan–China Trade; Taiwan

For citation: Kiseleva, A.R. Influence of Chinese historical memory of the Sino-Japanese War 1937–1945 on current relations between China and Japan. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 23–36. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.2

© Kiseleva, AR. 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.24.2

Влияние исторической памяти китайцев о Китайско-японской войне 1937–1945 гг. на современные отношения между Китаем и Японией

Киселева Александра Рубэновна ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ a.kiseleva22222@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0774-4785>

Аннотация. Историческая память – это набор передаваемых из поколения в поколение воспоминаний об исторических событиях. Китайско-японская война 1937–1945 гг. имеет особую значимость для китайцев так же, как и для россиян – память о Великой отечественной войне. Тем не менее на протяжении десятилетий историческая память народа о событиях тех лет контролировалась и менялась Коммунистической партией, был даже период, когда война была всецело предана забвению. В настоящей работе была исследована эволюция исторической памяти китайцев о войне, а также были обозначены периоды ее изменений, которые сказывались на отношении китайцев к японцам: к концу 1990-х количество антияпонских выступлений достигло пика, поэтому с 2005 г. Пекин решил изменить свою политику.

Существует ряд исследований, в которых авторы оценивают влияние исторической памяти о войне 1937–1945 гг. на китайско-японские отношения и приходят к выводу о том, что она омрачает отношения между двумя государствами, концентрируясь на негативных аспектах отношений КНР и Японии. В ходе анализа были выявлены области, влияние исторической памяти на которые практически отсутствует. Во-первых, это торговые отношения между странами, которые только укрепляются с каждым годом. Во-вторых, даже в решении спорных вопросов об о. Сенкаку и в ходе эскалации Тайваньского кризиса Китай не апеллировал исторической памятью о войне. В-третьих, некоторые конкретные провокации Японии также порой оставались без внимания Коммунистической партией (народ тем не менее ничего не оставляет без внимания). Таким образом, можно отметить, что историческая память действительно является основополагающим аспектом в формировании политики страны, однако не является определяющим фактором в Китайско-японских отношениях.

Ключевые слова: историческая память; Китайская Народная Республика; Япония; Китайско-японская война; китайско-японские отношения; торговля Китая и Японии; храм Ясукуни; Синдзо Абэ; Тайвань

Для цитирования: Киселева А.Р. Влияние исторической памяти китайцев о Китайско-японской войне 1937–1945 гг. на современные отношения между Китаем и Японией // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 23–36. DOI: 10.48612/RG/RGW.24.2

© Киселева А.Р., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction. The Memory was first considered as a sociological phenomenon in 1925 by the Frenchman Maurice Halbwachs in “The Social

Framework of Memory” [1]. Later the sociologist continued to study this concept and in 1950 wrote the article “Historical Memory”, which described the idea of the collective memory for the first time ever. The author concluded that each person has two types of memory that are closely related: the first one is his own memory (the internal one), and the second is the memory of his environment (the external one) [2].

The collective memory can be represented both in a narrow sense as the memories of parents and grandparents that are passed on their children, and in a broader sense as the memory of an entire nation. This article will examine the historical memory of the Chinese about the Sino-Japanese War of 1937–1945. It is an important stage in the history of the country, which influenced the further development of China and the formation of international relations in Southeast Asia [3, p. 526].

Japan’s claims to the sovereignty of China began long before 1937, when a full-scale invasion of Japanese troops into Chinese territory began after the incident on the Marco Polo Bridge (aka the Lugojiao Incident). Although some Chinese researchers and politicians consider the “Events of September, 18th” to be a starting point of the War in 1931.

The war is divided into 4 periods [3, p. 531]:

1. July 1937 – October 1938;
2. November 1938 – December 1941;
3. December 1941 – August 1945;
4. August 1945 – September 1945.

During the first stage Japan waged an aggressive conquest war. China could not offer worthy resistance, so different cities, including Beijing, Tianjin, Shanghai, Nanjing, Wuhan, Guangzhou, were occupied in the first months of the war. The Japanese planned the victory to be fast, but the Guomindang (GMD) government refused to capitulate. Then the Empire switched to the attrition tactic, it was the second period of the war. The attacks were halted, only a couple of operations were carried out. In 1941, both Japan and China joined the World War II and the active hostilities in China resumed in 1941, 1942 and 1944. Zhengzhou, Luoyang, Changsha, Guilin were also occupied by the Japanese, but the GMD still refused to surrender. The fourth period is the shortest, but no less important, when Japan finally capitulated and the bloody for each state Second World War ended [3, p. 531–535].

Each country had their time to comprehend the war. Veterans in the USSR, USA, Germany had a sort of public authority back in their countries, they actively recorded and analyzed all the events of the past years in their memoirs. The situation in China was completely different. The Chinese government consigned to oblivion everything that happened during the War, so the genre of military memoirs was absent there. While China remained silent, Japan systematically deleted everything mentioning of its war crimes [4].

Right after the World War II ended a Civil War started in China and lasted for 4 years (1945–1949). China was divided into two parts and actually had two governments. Both the GMD Party led by Chiang Kai-shek, and the Communist Party led by Mao Zedong said they did not want retributions for the crimes of Japanese soldiers. In 1954, after the formation of the People's Republic of China, tribunals were held in Shenyang and Taiyuan, where only 45 out of 1108 prisoners of war were convicted, the rest were allowed to return to Japan. But in 1964 even these 45 convicts were repatriated. In the same year, Zhou Enlai said that the Sino-Japanese relations of the past 60 years should be forgotten, since they have no weight against friendship between countries in two thousand years, therefore there is no need to sow enmity and pass hatred on to future generations [5, p. 464].

A lot of Western authors begin to analyze historical memory and its evolution from the moment of the PRC founding in 1949. There are 4 stages in of the evolution of the Chinese people's historical memory [5, p. 465]:

1. 1949–1982 – was a period when Sino-Japanese War was almost “forgotten”.
2. Since the mid-1980s the government started a new educating campaign that brought all the wartime memories back.
3. By the end of the 1990s this campaign led to an increase of anti-Japanese protests.
4. Since 2005 they implement a new policy of control.

In 1972, negotiations were held between China and Japan in order to normalize their relations, therefore, 2022 marks the 50th anniversary of the Sino-Japanese relations' stabilization. That year Mao Zedong refused Japanese post-war reparations, but in 1978 Deng Xiaoping demanded them from Tokyo again. So, in 1979–1983 Japan paid China 1.4 billion dollars, and in 1984–1989 they paid 2.1 billion dollars. In the 1990s the payment of compensation was

suspended due to China's nuclear tests, and in the 2000s it was completely discontinued.

Since the 1980s a lot of films, TV-shows, books and articles about the Sino-Japanese War were released. This was primarily due to the Deng Xiaoping's Chinese economic reform. Thus, we see that the historical memory of the Chinese people was corrected and changed by the Chinese Communist Party [5, p. 469]: after the PRC was found it was not "allowed" to talk about the War with Japan, and after the Mao Zedong's death this theme became relevant.

During the 1980s the PRC and the USSR relations got better, same as Japan became closer to the USA. Beijing was not satisfied with the Tokyo's and Washington's support of Taiwan. By that time China's benevolent amnesia was over and the Communist Party started a patriotic education campaign. They provided the nation with the information of all the crimes that took place in 1931–1945.

By the end of the XX century several memorial complexes were opened in China: in 1984 one was opened in Nanjing (dedicated to the Nanjing massacre that happened in December 1937), in 1987 and in 1992 two more complexes were opened in Beijing and in Shenyang. Here we need to say that during the previous decades a few memorial complexes were also opened, but the main idea of them was not to show the confrontation between the two countries, but to show the heroism of the communists. Museums and the complexes of the 80-90s have a completely different character, they are not about the communists, but about whole nation's suffering from the Japanese soldiers [5, p. 471].

In the 1990s China's government did not mean to stimulate anti-Japanese movements, they intended to gain nation's support for the party in any way. And it happened that revealing all those committed during the War crimes was a working method. At the turn of the century, many activists began to demand from Japan an apology and compensation for everything that happened during the Sino-Japanese War. They also opposed China's economic cooperation with Japan. So, in 2000, it was proposed to make two days of mourning: September 18th (on this day in 1931, Japan began its aggressive activities in China) and December 13th (the day when Japanese troops entered Nanjing in 1937 and started Nanjing massacre). This proposal was discussed at meetings of the NPC, but the bill was not approved [5, p. 474].

Thus, at the late 1990s there was a rapid growth of anti-Japanese sentiments in China, which happened partly at the will of the CCP. As long as they decided to unite people against one enemy via remembering the crimes of Japanese soldiers, they thereby rallied the nation and increased the people's loyalty to the government.

Results of the study and their discussion. From 2002 to 2012 Hu Jintao was the leader of the People's Republic of China. By 2005 it became clear that the anti-Japanese activities went beyond the boundaries of the “historical re-education” and undermined not only diplomatic relations between the countries but also the internal stability. For example, in 2005 Japan tried to become a member of the UN Security Council, but 2.5 million Chinese people within one week only signed a petition against it. On April 9, anti-Japan protests were held across the country. In Shanghai, 20,000 demonstrators even smashed some Japanese businesses and the embassy. Then Beijing decided to return to the policy that existed before 1982, when the historical memory was “under control” and relations between countries were quite friendly [5, p. 473].

Here we can conclude that the historical memory of the Chinese has its own specifics: it can be controlled and regulated by the Communist Party. This happens very effectively due to the high level of loyalty of the people to their government.

In 2012, Xi Jinping became the head of the state. His policy comes down to the fact that the past must be honored and remembered, since history is a link that unites entire Chinese people. In 2014 (this year was dedicated to the 69th anniversary of the Sino-Japanese War) President Xi turned his attention to the Nanjing events of 1937, declaring December 13th as the official Day of Remembrance for the victims of the massacre, and September 3rd as Victory Day. In the preceding years China had an image of a victim, but now this image was changed. It turned into a victor. So, the victory was the main point of new historical memory policy, not those crimes and horrors (they were not forgotten although). Honoring the victors is fundamental to Xi Jinping's policy [6].

In 2019, the Japanese company Sony chose December 13th as the release date for their new product with the slogan “never compromise”, which outraged the Chinese. The same thing happened in 2020, when Sony announced the launch of a new product on July 7th (the anniversary of the Marco Polo bridge incident). The next year Sony once again presented their new product on July

7th. Netizens were first to pay attention to this, Sony apologized and removed the ad. The Chinese government fined the Japanese company 1 million yuan, as it violated the law on advertising, but it happened only in 2021 [7].

In the early 2000s websites dedicated to the events of the Sino-Japanese War began to appear in China, so users could speak in a rather harsh and rude way about the modern Japanese. The Chinese signed several petitions against economic cooperation between the two countries, they also called for a boycott of these same products. Despite the fact that now the degree of hatred is way lower than it was at the beginning of the 21st century, we can see that such moments remain very annoying for Chinese society during these two decades.

Despite such incidents, trade relations between China and Japan are developing. Thus, in 2021, the turnover of goods between the countries increased by 9.4% compared to the previous year [8]. In June 2022, goods worth \$14.8B were exported to Japan, which allowed the country to take third place in China's priority export destinations (after the United States and South Korea). It must be said that the import of Japanese goods to China is also large. In June 2022, there were imported goods to China worth \$15.9B, which makes Japan the second country in the list of PRC's importers (South Korea is the first one) [9]. In addition, the amount of Direct Investment from China to Japan is \$0.5billion, the Direct Investment from Japan to China is \$3.4billion. Even the Sony company claimed the income of their Chinese branch is growing every year. And on January 1st, 2022, China, Japan and South Korea signed a Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) that will deepen economic interdependence in East Asia by building more integrated supply chains. So, China and Japan remains partners that develop their relations from to year, despite any scandals [10].

We also need to pay attention to the Yasukuni Shrine in Tokyo, where the Japanese worship the souls of warriors who fell in battle for the country and the emperor. In 1959, the list of the persons revered in the temple was replenished with the names of soldiers who participated in the Sino-Japanese War, including the names of criminals of the ranks "C" and "B". And in 1978, even criminals of rank "A" began to be venerated in the temple. They were all called the "martyrs". According to the severity of the crimes committed during the War, the Japanese soldiers and commanders were sent to the tribunal and divided into three ranks: "A", "B" and "C", the "A" rank included those who were accused of the cruelest

crimes. Every year on August 15th, the day the Second World War ended, memorial services are held in the temple in honor of the fallen soldiers. Even though the Japanese government no longer openly supports these activities of the temple, there is great number of citizens who visit the temple [11].

This temple causes a great resentment among the Chinese. So, in the early 2000s a Chinese activist traveled to Japan and painted graffiti “Go to hell” on the walls of the temple in order to protest. Such incidents never happened again, although Chinese netizens continue to express their dissatisfaction with the fact that Japanese politicians visit this temple quite often. Since 2001, the then Prime Minister of Japan, Junichiro Koizumi, visited the Yasukuni Shrine every year, but the reaction of Chinese politicians followed only 4 years later. In 2005, Chinese Foreign Minister Kun Qian stated that the PRC leadership “strongly protests the visit of the Yasukuni Shrine by Japanese leaders”.

The next Prime Minister of Japan, Shinzo Abe, was more prudent: first, he refrained from visiting the temple in order to prevent conflicts. In 2006–2007 and 2012–2020 he served as Prime Minister of Japan and visited China 6 times: in 2006, 2014, 2016, 2018, 2019 (in total, the Japanese politicians visited China 25 times from 1972 to 2019, the same number of times the Chinese politicians visited Japan during the same period). In 2006, instead of visiting Yasukuni on August 15th, Prime Minister sent a gift to the temple (it was a bonsai), but in 2013 he paid a visit there, which caused criticism. Then Chinese Foreign Minister Wang Yi had a conversation with the Japanese ambassador about the Yasukuni Shrine, he also protested and noted that Japan should remember the lessons of history [12].

After Abe resigned, he visited the temple twice in 2020 and 2021 [13]. He was killed on July 8, 2022, and Chinese Premier Li Keqiang sent a letter of condolences to the Japanese side expressing the regrets of the entire government over Abe’s death [14], the reaction of the Chinese netizens was not so unambiguous

In 2019, Chinese Foreign Ministry spokeswoman Hua Chunying also expressed concern about Yasukuni Shrine as more Japanese politicians were seen there. Abe’s successor Fumio Kishida in 2021 refused to visit the temple too, he only sent a gift there, but even this gesture aroused the indignation of the Chinese government. On August 13, 2022, the Minister of Economy, Trade and Industry of Japan, Yasutoshi Nishimura, visited Yasukuni, and the Chinese

reaction was not long in coming: the official representative of the Chinese Ministry of Foreign Affairs, Wang Wenbin, said that Japan confirms its commitment to its erroneous views on historical events, Japan needs to reconsider its position regarding the country's aggressive actions in the past and "take some real steps to regain the trust of Asian countries and the international community" [15].

Also, the Chinese reacted very critically to the news that on August 4, 2022, the Japanese government paid less than \$1 to victims of war crimes from South Korea (both Koreans and Chinese people suffered from Japanese aggression during the war) [16]. Here we should also mention the moment, when Japan decided to stop funding UNESCO, when the organization proposed to include materials about "comfort women" in the World Heritage List in 2017. Here, even the Chinese Foreign Ministry did not stand aside: its official representative stated that Japan should be more "responsible" in rethinking this topic [17, p. 245].

Thus, we can see that the Yasukuni Shrine and other topics related to the Sino-Japanese War are causing general discontent in China among the people, and the government more and more often starts to react on them too.

China and Japan have different estimates of killed people during the war, the Japanese deny many of the crimes committed by soldiers in the occupied territories, there is also an opinion that Japan "did not repent enough" of its crimes after its capitulation. The Chinese government is concerned not only with justice and truth about the events of 1931–1945, but no less significant are the concerns about the Japan's transformation into a powerful military state. When in 2017 Abe proposed to amend Article 9 of the Japanese Constitution, which states that "the Japanese people forever renounce war as a sovereign right of the nation and the threat or use of force as means of settling international disputes", China met this idea with criticism. Invoking history, the PRC is trying to prevent the militarization of the neighboring state. This is especially important in some of the disputes that have arisen between countries. For example, the territorial conflict over the ownership of Senkaku Island, which caused a series of anti-Japanese protests in China. In addition, we should not forget that Japan works closely with the United States and supports the Republic of China in Taiwan. For example, in August 2022, we saw the US take off five tanker planes and eight F15 fighter jets from a military base on the Japanese island of Okinawa amid the US House

Speaker Nancy Pelosi visiting Taiwan. In total, there are more than 90 American bases in Japan [18]. Based on the fact that on August 14th, 2022, the Five Members of the US Congress arrived again in Taiwan, it can be expected that such provocations can contribute to destabilization in the region [19].

In response to Pelosi's actions, China announced military exercises around Taiwan. 5 of 9 ballistic missiles reached special economic zones of Japan. After that, the meeting of the Foreign Ministers of China and Japan, scheduled for August 4th, was canceled, and then the Japanese Foreign Ministry spokesman criticized China. This is not the first time when the situation around Taiwan has escalated, but Japan has previously refrained from making any comments. Now the country is ready to take a clear stand against China, even if it hurts Sino-Japanese relations [20].

On July 28, 2022, were published results of a survey, the purpose of which was to find out the opinion of the Chinese people about PRC's partner countries. 3,000 Chinese were asked about Japan, a lot of people noted the following associations with this state: "invasion of China," "Nanjing massacre," "resistance war against Japan," or "cruel history." 28% of respondents maintain a neutral attitude towards the Japanese, 36% have a positive attitude towards them, and the same number has a negative attitude towards them. However, the Chinese noted not only negative moments from history, they also spoke about the developed technical potential of Japan, the culture and traditions of the country [21].

Conclusion. We can say that the historical memory of the Sino-Japanese War is a tool in the Chinese policy. The economic cooperation between China and Japan is developing. So the countries are increasing their export–import relations.

Now we are witnessing an escalation of the conflict over Taiwan, which may have a negative impact on Sino-Japanese relations and security in the region as a whole, but there is still no mention of the 1931–1945 years in Beijing's statements. So, there are some fields in Chinese policy, when the government does not appeal to the historical memory. At the same time, it does not mean that the CCP does not take it into account at all.

The Chinese government more often expresses its dissatisfaction with the Yasukuni Shrine, the Chinese people are even more dissatisfied with it. The Chinese also react sharply to other actions of Japan and Japanese companies that

hurt their historical memory. An interesting point can be noted here: by cultivating a reverent attitude towards the events of the War among the people, the CCP acquired the main custodian of the historical memory. We saw that before the country's government could refrain from any commenting all those Japanese "incidents", but the people have always paid attention to them defending the memory of the War. And yet, it is impossible to talk about the unconditional hatred of the Chinese towards the Japanese. The Chinese react sharply, first of all, to the specific provocations, the Government always stays calm, but they show their concerns in restrained manner.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С. 8–27. [эл. доступ]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 08.04.2022).
3. История Китая: Учебник. / под ред. А. В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. 736 с.
4. Касимова Е.Н. Нанкинская резня 1937 года в книге Айрис Чжан «Изнасилование Нанкина. Забытый холокост второй мировой войны» // Общество и государство в Китае. 2016. №20–1. С. 96–99. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nankinskaya-reznya-1937-goda-v-knige-ayris-chzhan-iznasilovanie-nankina-zabytyy-holokost-vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 08.04.2022).
5. Reilly J. Remember history, not hatred: Collective remembrance of China's war of resistance to Japan // Modern Asian studies. Cambridge, 2011. Vol. 45, № 2. P. 463–490.
6. Хубриков Б.О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое. 2020. №1. С. 66–83. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-politika-v-epohu-si-tszinpinga> (дата обращения: 16.05.2021).
7. Sony China fined 1 million yuan for undermining national dignity and interests. 18.10.2021. // Global Times. Available at <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1236580.shtml> (accessed: 08.08.2022).
8. China's foreign trade hits new high in 2021. 14.01.2022. // The State Council. The People's Republic of China. Available at http://english.www.gov.cn/archive/statistics/202201/14/content_WS61e11577c6d09c94e48a3a0a.html#:~:text=In%202021%2C%20China%27s%20purchases%20of,points%20from%20a%20year%20ago (accessed: 30.06.2022).
9. OEC.World. China. Available at [https://oec.world/en/profile/country/chn#:~:text=Destinations%20In%20June%202022%2C%20China,and%20Australia%20\(%2412.5B\)](https://oec.world/en/profile/country/chn#:~:text=Destinations%20In%20June%202022%2C%20China,and%20Australia%20(%2412.5B)) (accessed: 07.08.2022).
10. Watanabe, H.R. China–Japan relations after RCEP. 03.05.2022. // East Asia Forum. Available at <https://www.eastasiaforum.org/2022/05/03/china-japan-relations-after-rcep/> (accessed: 09.08.2022).

11. Молодякова Е.В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Ежегодник Японии. 2007. №36. С. 48–68. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoaspektnost-problemy-svyatilischa-yasukuni> (дата обращения: 31.03.2022).
12. Кирьянов О. Пекин и Сеул недовольны посещением храма Ясукуни японским премьером. 27.12.2013. // Российская газета. [эл. доступ]. URL: <https://rg.ru/2013/12/27/hram-site.html> (дата обращения: 09.08.2022).
13. Абэ вновь посетил храм Ясукуни, считающийся в Азии символом милитаризма. 21.04.2021. // ТАСС. [эл. доступ]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11202303> (дата обращения: 07.08.2022).
14. Premier extends condolences over passing away of former Japanese PM Abe. 09.07.2022. // The State Council. The People's Republic of China. Available at: http://english.www.gov.cn/premier/news/202207/09/content_WS62c98930c6d02e533532d727.html (accessed: 09.08.2022).
15. Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Remarks on the Visit to the Yasukuni Shrine by Japan's Minister of Economy, Trade and Industry. 14.08.2022. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Available at https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/202208/t20220814_10743032.html (accessed: 09.08.2022).
16. Япония заплатила менее 1 доллара южнокорейским жертвам принудительного труда во время Второй мировой войны. 06.08.2022. [эл. доступ]. URL: <https://www.163.com/dy/article/HE40KS9T05528J01.html> (дата обращения: 07.08.2022).
17. Кузьмин К.Е. Проблема исторической памяти в современных китайско-японских отношениях // Известия лаборатории древних технологий. 2021. №2 (39). С. 238–248. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-istoricheskoy-ramyati-v-sovremennyh-kitaysko-yaponskih-otnosheniyah> (дата обращения: 15.08.2022).
18. США подняли в воздух базирующиеся в Японии истребители из-за Пелоси. 02.08.2022. // Lenta.ru. [эл. доступ]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/02/podnyali/> (дата обращения: 07.08.2022).
19. 5 конгрессменов США посетили Тайвань. 14.08.2022. [эл. доступ]. URL: <http://kk.weface.com.cn/news/page/?id=d106da703aed4eaaf13a1b24e429e56f&type=hot&from=102> (дата обращения: 07.08.2022).
20. Sasaki, R. Japan's Evolving Approach to the Taiwan Strait. 10.08.2022. // The Diplomat. Available at: <https://thediplomat.com/2022/08/japans-evolving-approach-to-the-taiwan-strait/> (accessed: 11.08.2022).
21. Kironka, K., Yiju Chen, Turcsanyi, R.Q. What Do Chinese People Really Think About Some of China's Important Partners? 28.07.2022. // The Diplomat. Available at: <https://thediplomat.com/2022/07/what-do-chinese-people-really-think-about-some-of-chinas-important-partners/> (accessed: 11.08.2022).

REFERENCES

1. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati [Social framework of memory]. M., 2007. 348 s. (In Russ.).
2. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2005. №2–3 (40–41). С. 8–27. Available at

<https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed: 08.04.2022). (In Russ.).

3. Istorija Kitaja [History of China]: Uchebnik. / pod red. A. V. Meliksetova. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo MGU, Izd-vo «Vysshaja shkola», 2002. 736 s. (In Russ.).

4. Kasimova E.N. Nankinskaja reznja 1937 goda v knige Ajris Chzhan «Iznasilovanie Nankina. Zabytyj holokost vtoroj mirovoj vojny» [The Nanjing Massacre of 1937 in Iris Zhang's book *The Rape of Nanjing. The Forgotten Holocaust of World War II*]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016. №20-1. С. 96–99. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/nankinskaya-reznja-1937-goda-v-knige-ajris-chzhan-iznasilovanie-nankina-zabytyj-holokost-vtoroy-mirovoy-vojny> (accessed: 08.04.2022). (In Russ.).

5. Reilly J. Remember history, not hatred: Collective remembrance of China's war of resistance to Japan. *Modern Asian studies*. Cambridge, 2011. Vol. 45, № 2. P. 463–490.

6. Hubrikov B.O. Istoricheskaja politika v jepohu Si Czin'pina [Historical Politics in the Xi Jinping Era] // *Novoe proshloe*. 2020. №1. С. 66–83. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-politika-v-epohu-si-tszin-pina> (accessed: 16.05.2021). (In Russ.).

7. Sony China fined 1 million yuan for undermining national dignity and interests. 18.10.2021. *Global Times*. Available at <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1236580.shtml> (accessed: 08.08.2022).

8. China's foreign trade hits new high in 2021. 14.01.2022. *The State Council. The People's Republic of China*. Available at http://english.www.gov.cn/archive/statistics/202201/14/content_WS61e11577c6d09c94e48a3a0a.html#:~:text=In%202021%2C%20China%27s%20purchases%20of,points%20from%20a%20year%20ago (accessed: 30.06.2022).

9. OEC.World. China. Available at [https://oec.world/en/profile/country/chn#:~:text=Destinations%20In%20June%202022%2C%20China,and%20Australia%20\(%2412.5B\)](https://oec.world/en/profile/country/chn#:~:text=Destinations%20In%20June%202022%2C%20China,and%20Australia%20(%2412.5B)) (accessed: 07.08.2022).

10. Watanabe, H.R. China–Japan relations after RCEP. 03.05.2022. *East Asia Forum*. Available at <https://www.eastasiaforum.org/2022/05/03/china-japan-relations-after-rcep/> (accessed: 09.08.2022).

11. Molodjakova E.V. Mnogoaspektnost' problemy svjatilishha Jasukuni [The Multidimensionality of the Yasukuni Shrine Problem]. *Ezhegodnik Japonija*. 2007. №36. С. 48–68. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoaspektnost-problemy-svyatilisha-yasukuni> (accessed: 31.03.2022). (In Russ.).

12. Kir'janov O. Pekin i Seul nedovol'ny poseshheniem hrama Jasukuni japonskim prem'erom [Beijing and Seoul are unhappy with the visit of the Yasukuni Shrine by the Japanese Prime Minister]. 27.12.2013. *Rossijskaja gazeta*. Available at <https://rg.ru/2013/12/27/hram-site.html> (accessed: 09.08.2022). (In Russ.).

13. Abje vnov' posetil hram Jasukuni, schitajushhij v Azii simbolom militarizma [Abe revisited Yasukuni Shrine, considered a symbol of militarism in Asia]. 21.04.2021. *TASS*. Available at <https://tass.ru/obschestvo/11202303> (accessed: 07.08.2022). (In Russ.).

14. Premier extends condolences over passing away of former Japanese PM Abe. 09.07.2022. *The State Council. The People's Republic of China*. Available at: http://english.www.gov.cn/premier/news/202207/09/content_WS62c98930c6d02e533532d727.html (accessed: 09.08.2022).

15. Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Remarks on the Visit to the Yasukuni Shrine by Japan's Minister of Economy, Trade and Industry. 14.08.2022. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/202208/t20220814_10743032.html (accessed: 09.08.2022).
16. Japonija zaplatila menea 1 dollara juzhnokorejskim zhertvam prinuditel'nogo truda vo vremja Vtoroj mirovoj vojny [Japan paid less than \$1 to South Korean victims of forced labor during World War II]. 06.08.2022. Available at <https://www.163.com/dy/article/HE40KS9T05528J01.html> (accessed: 07.08.2022). (In Russ.).
17. Kuz'min K.E. Problema istoricheskoy pamjati v sovremennyh kitajsko-japonskih otnoshenijah [The Problem of Historical Memory in Contemporary Sino-Japanese Relations]. *Izvestija laboratorii drevnih tehnologij*. 2021. №2 (39). С. 238–248. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-istoricheskoy-pamyati-v-sovremennyh-kitajsko-yaponskih-otnosheniyah> (accessed: 15.08.2022). (In Russ.).
18. SShA podnjali v vozduh bazirujushiesja v Japonii istrebiteli iz-za Pelosi [US lifts Japan-based fighter jets over Pelosi]. 02.08.2022. *Lenta.ru*. Available at <https://lenta.ru/news/2022/08/02/podnyali/> (accessed: 07.08.2022). (In Russ.).
19. 5 kongressmenov SShA posetili Tajvan' [5 US Congressmen Visit Taiwan]. 14.08.2022. Available at <http://kk.weface.com.cn/news/page/?id=d106da703aed4eaaf13a1b24e429e56f&type=hot&from=102> (accessed: 07.08.2022). (In Russ.).
20. Sasaki, R. Japan's Evolving Approach to the Taiwan Strait. 10.08.2022. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2022/08/japans-evolving-approach-to-the-taiwan-strait/> (accessed: 11.08.2022).
21. Kironka, K., Yiju Chen, Turcsanyi, R.Q. What Do Chinese People Really Think About Some of China's Important Partners? 28.07.2022. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2022/07/what-do-chinese-people-really-think-about-some-of-chinas-important-partners/> (accessed: 11.08.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Kiseleva Aleksandra R. – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: a.kiseleva22222@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0774-4785

Киселева Александра Рубэновна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: a.kiseleva22222@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0774-4785

*Статья поступила в редакцию 15.08.2022. Одобрена после рецензирования 27.08.2022. Принята 31.08.2022.
Received 15.08.2022. Approved after reviewing 27.08.2022. Accepted 31.08.2022.*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.3

Проблемы внешней политики Европейского Союза, вызванные эпидемией Covid-19

Аллямова Валерия Вадимовна ✉,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ st070094@student.spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3864-5213>

Аннотация. Проблема исследования выражена в том, что одним из центральных вопросов «пандемического дискурса» как совокупности понятий и обсуждений, является вопрос о том, насколько в условиях современной пандемии изменится современный мир и насколько он уже изменился. Формирование и трансформация политической системы правления, формирование различных социальных институтов, культуры, искусства, науки, технического прогресса и экономики тесно связаны с межгосударственными союзами, дипломатическими отношениями и военными конфликтами. В наше время, когда все страны тесно связаны друг с другом в экономической, политической и т. д. и других сферах, проблема этики особенно актуальна именно в международных отношениях, которые изменились ввиду пандемии коронавируса. Фактор пандемии спровоцировал ускорение противостояния региональных и глобальных игроков, усилил роль института национального государства. Говоря о политике Европейского Союза, то очевидно, что они, как и иные государства, восприняли на себя «удар» пандемии. Международный кризис, спровоцированный пандемией коронавируса COVID-19, вызвал волну предсказаний относительно установления нового мирового порядка. Страны – участники Союза не были готовы к таким масштабам эпидемии, что повлекло за собой дестабилизацию в экономической, социальной, политической и иных сферах жизни общества. В первую очередь это сказалось на внешней политике Европейского Союза, так как произошел пересмотр ценностей и направлений, в которых следует двигаться всем союзным государствам. Также это вызвало и внутренний раскол между странами-участниками в вопросах видения дальнейшего направления внешней политики. Ситуацию также усугубил и выход Великобритании из состава Европейского Союза. Анализируя данные летнего экономического прогноза Европейской комиссии, кризис затронул 4% мирового ВВП, причем ВВП ЕС сократился на 8,3%, а ВВП стран зоны евро – на 8,7%, что также сказывается на изменении

вектора внешней политики Европейского Союза. Теоретическое и практическое значение исследования обусловлено тем, что изучение проблем, которые возникли во внешней политике Европейского союза в связи с пандемией коронавируса, неизбежно скажутся не только на странах-участницах, но и на других государствах, которые активно взаимодействуют с ЕС. В связи с этим изучение данных проблем будет способствовать возможности выстраивания новой политики другими государствами в отношении Европейского Союза.

Ключевые слова: пандемия; международные отношения; кризис; тенденции; Европейский Союз

Для цитирования: Аллямова В.В. Проблемы внешней политики Европейского Союза, вызванные эпидемией Covid-19 // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 37–50. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.3

© Аллямова В.В., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.3

European Union foreign policy problems caused by the Covid-19 epidemic

Valeria V. Allyamova ✉

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉ st070094@student.spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3864-5213>

Abstract. *The research problem is expressed in the fact that one of the central issues of the "pandemic discourse" as a set of concepts and discussions is the question of how much the modern world will change in the conditions of a modern pandemic and how much it has already changed. The formation and transformation of the political system of government, the formation of various social institutions, culture, art, science, technological progress and the economy are closely related to the interstate alliance, diplomatic relations and military conflicts. In our time, when all countries are closely connected with each other in the economic, political, etc. and other spheres, the problem of ethics is especially relevant in international relations. The purpose of this study is to analyze the trends in international relations that have changed due to the coronavirus pandemic. The pandemic factor provoked an acceleration of confrontation between regional and global players and strengthened the role of the institution of the nation state. Speaking about the policy of the European Union, it is obvious that they, like other states, took the "hit" of the pandemic. The international crisis triggered by the COVID-19 pandemic has triggered a wave of predictions regarding the establishment of a new world order. At the same time, there is the fact that the member countries of the Union were not ready for such a scale of the epidemic, which led to destabilization in the economic, social, political and other spheres of society. First of all, this affected the foreign policy of the European Union, as there was a revision of values and directions in which all allied states should move. It also caused an internal split between the participating countries in matters of vision of the future direction of foreign policy. The situation was also aggravated by the exit of the UK from the European Union. Analyzing the*

data of the summer economic forecast of the European Commission, the crisis affected 4% of global GDP, with the EU GDP shrinking by 8.3%, and the GDP of the euro area countries by 8.7%, which also affects the change in the vector of the European Union's foreign policy. The theoretical and practical significance of the study is due to the fact that the study of the problems that have arisen in the foreign policy of the European Union in connection with the coronavirus pandemic will inevitably affect not only the participating countries, but also other states that actively interact with the EU. In this regard, the study of these problems will contribute to the possibility of building a new policy by other states in relation to the European Union.

Keywords: pandemic; international relations; crisis; trends; European Union

For citation: Allyamova, V.V. European Union foreign policy problems caused by the Covid-19 epidemic. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 37–50. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.3

© Allyamova, V.V., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение. С тех пор, как COVID-19 распространился по планете, по историческим меркам прошло очень мало времени. Но последние месяцы, возможно, были сплошным сегментом на протяжении многих лет, омраченным множеством негативных процессов, большинство из которых только ускорили свое протекание. Эпидемия не обошла стороной ни одно важное измерение жизни – от состояния здоровья людей до мировой экономики и политики, от состояния гуманитарной и социальной сфер до военной. Это опасное заболевание прямо или косвенно не повлекло за собой каких-либо фундаментальных изменений, но пандемия стала своего рода катализатором, создавшим региональные и глобальные тенденции развития, которые стали более выраженными и укоренившимися [1].

Большинство из этих тенденций носит кратковременный характер, поэтому, получивший широкое распространение термин «коронакризис», удачно применим к конкретной форме состояния мира через призму проблем. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что реакции мирового сообщества на пандемию нельзя было ожидать с точки зрения здравого смысла. Такое событие, как коллективная болезнь, особенно эпидемия, является проблемой, которая не возникает из-за каких-либо социально-экономических или политических разногласий, и поэтому определяет выражение единства, сочувствия и консолидации усилий в соответствии со всеми законами жизни [2]. По самой своей природе такое явление как эпидемия не должна разделять, а наоборот, объединять людей

и страны не для конфронтации, а для разрешения противоречий, чтобы уменьшить последствия, вызванные коронавирусом.

Создание Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) как учреждения Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в 1948 г. означало вклад в послевоенное создание глобального механизма сотрудничества и коллективных действий. Согласно всем канонам, эпидемия 2020 г. могла сыграть роль в мироцентрических усилиях, не углубляя политический раскол.

Жесткая конкуренция на международной арене, в основном, обусловлена экономическими причинами. Закон «взлета и падения великой державы» продолжается и в XXI в. Эпидемия серьезно повлияла на глобализацию, производственно-сбытовые цепочки и мировую торговлю, что резко усилило протекционистские настроения и неравное развитие между странами и регионами. Стало модно говорить об «экономическом суверенитете». Covid-19 (точнее, политические реакции) только усугубил эти процессы, но не устранил причины. Неолиберальная модель глобализации была снова дискредитирована и был поставлен под сомнение вопрос Великой рецессии 2008-го и последующих годов.

Результаты и материалы исследования. Данные Международного валютного фонда (далее – МВФ) еще больше обескураживают: прогнозируются сокращения мирового валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на 4,9%, ВВП зоны Европейского Союза – на 10,2%, США – на 8%, России – на 6,6%. При этом экономика Китая в текущем году покажет рост в 1% с резким ускорением в следующем году. По мнению специалистов Всемирного банка, ситуация осложнилась падением мирового ВВП в 2020 г. и составила 5,2% [3]. Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) предвидит снижение мировой экономики почти на 6%, и то в случае, если не будет новых волн пандемии.

В нынешней сложной экономической ситуации официальные лица ЕС настаивают на том, что объявленная в конце 2019 г. концепция перехода от единого рынка к «зеленой экономике», не подлежит пересмотру. Представители Евросоюза указывают, что к 2050 г. 227 стран будут интегрированы для достижения этой цели, которая выражается в переходе экономики с нулевым балансом на выбросы углекислого газа. Пока

нет ответа на вопрос, какие средства на самом деле используются для финансирования такой катастрофы, учитывая огромные затраты на эпидемию, увеличение дефицита бюджета и демографических проблем. Весьма вероятно, что реализация Зеленого курса имеет в основном протекционистскую основу для борьбы с конкурентами. С этой точки зрения особое внимание привлекает «налог на выбросы углерода» ЕС, который планируется применить к иностранной продукции, произведенной с высоким уровнем выбросов парниковых газов, что, собственно, и является тем, что называется, тарифными мерами по обеспечению безопасности единого рынка. Например, если налог вводится с 2020 г., российские производители потеряют более 50 миллиардов евро к 2030 г. и более 30 миллиардов – если налог вводится с 2025 г.

Положение дел в мире ухудшается не только для здоровья людей, но и для «жесткой безопасности». И это долгосрочный процесс, который можно проследить до двусторонних отношений эпохи холодной войны по небольшим перерывам на протяжении всего периода после изменений. Итак, в 1951–2018 гг. в мире было зарегистрировано более 50 конфликтов. В более слабых государствах участились инциденты интернационализации гражданской войны и возросла военная роль негосударственных игроков. С начала XXI в. увеличилось количество жертв международного терроризма. Как уже упоминалось выше, практически все каноны, разработанные в 1960–1990-е гг., подверглись сомнению в области контроля над вооружениями и мер поддержки [3].

Эпидемия препятствовала военной активности во всем мире, что является положительным последствием. Многие военные учения, в том числе в Европе, были отменены или сокращены. Между Россией и США произошел обмен медицинским оборудованием. Было принято совместное заявление о «духе Эльбы» (в июле 2020 г. было подписано соглашение между Российской академией наук и Национальной академией наук США об оказании помощи в различных областях исследования Covid-19) [4, с. 7]. Россия направила помощь многим странам, в том числе членам НАТО, в борьбе с коронавирусом. Однако, уровень взаимного недоверия или отрицания таков, что эпидемия лишь временно остановила нарастающий конфликт между Россией и Североатлантическим альянсом. Маловероятно, что в ближайшее время произойдет возврат к практике

сотрудничества, что является желательным, но на данный момент идеалистическим вариантом. Есть возможность постепенного возврата к контролируемому двустороннему сдерживанию. Но условной неизбежностью, а не отсрочкой реализации, является определение «правил игры» в контексте нынешней политики двусторонних угроз.

Надо сказать, что Североатлантический альянс переживает не лучшие времена. В период с 2007 по 2019 г. процент тех стран, которые положительно относятся к деятельности НАТО, снизился. Например, в Болгарии с 54 до 42%, в Германии – с 73 до 57%, во Франции – с 71 до 49%. В самих Соединенных Штатах этот показатель никогда не был высок, опустившись в названный период с 53 до 52% [1].

В то же время эпидемия еще больше осложнила отношения между США и Европейским Союзом. В марте 2020 г. Белый дом решил закрыть границу без договоренности с Брюсселем. Тот факт, что американцы остановили производство и выкупили медицинские маски и оборудование, изготовленные для ЕС, в различных частях мира, побудил Соединенные Штаты агрессивно приобрести немецкую фармацевтическую компанию CureVac, чья работа над изобретением и производством вакцины Covid-19 считалась серьезной [1].

Стало общепринятым мнением, что вспышка пандемии Covid-19 стала великим ускорителем истории [5]. В результате более мощная, конкурентоспособная, но нестабильная международная система, появления которой эксперты ожидали в течение следующего десятилетия, уже наступила.

Однако то обстоятельство, что ЕС структурно слабее, чем он был до Covid-19, не является прямым выводом. Институты ЕС – Европейская Комиссия, Совет и Европейский центральный банк (далее – ЕЦБ) – предприняли шаги, «которые выходят далеко за рамки мер с наименьшим общим знаменателем» [6, с. 12]. Такие меры действительно основаны на финансовой гибкости и солидарности, несмотря на то, что они зависят от чрезвычайной ситуации Covid, но содержат базу более постоянных договоренностей. Теоретически большая сплоченность внутри ЕС должна привести к большему международному влиянию. Тем не менее, внешняя политика и политика безопасности – это та область, в которой Covid-19 не смог вызвать толчок к более глубокому сотрудничеству.

Можно утверждать, что воздействие пандемии изменило предпочтения европейской общественности и лиц, принимающих решения, по интеграционистским линиям, но не породило однозначного восприятия, главным образом, из-за сохраняющейся европейской приверженности к отношениям с Соединенными Штатами.

Опасения по поводу того, что эпидемия Covid ускорит центробежную динамику, были подтверждены первоначальным ответом государств-членов, а также институтов ЕС. В марте и апреле 2020 г. национальные лидеры прибегли к установлению границ и ограничений на экспорт медицинского оборудования между государствами-членами) [7, с. 9]. Самым вопиющим было нестандартное замечание президента ЕЦБ Кристин Лагард о том, что Банк не занимается защитой членов Еврозоны от расширения спредов доходности, поскольку контуры экономического кризиса огромных масштабов вырисовывались в Италии, Испании и других государствах, серьезно пострадавших от вспышки Covid-19 [1].

Пандемия представляла собой самую большую проблему для Европы после Второй мировой войны, «наступив на пятки» исправленному конституционному кризису (лишь частично разрешенному принятием Лиссабонского договора в 2007 г.) и двум другим крупным кризисам, которые Союз едва преодолел (кризису Еврозоны в 2010–2012 гг. и миграционному кризису 2015–2016 гг.) [8, с. 20]. В первом случае ЕС сделал все возможное, чтобы спасти свой валютный союз. В последнем случае он не смог продвинуться вперед по вопросам общей политики миграции и убежища. В обоих кризисах катастрофически не хватало солидарности, что подпитывало всплеск евроскептицизма, который переплетался с ростом националистического популизма по всей Европе и за ее пределами. Первоначальные, несогласованные национальные закрытия после вспышки Covid-19 могли нанести дальнейший, необратимый ущерб, поскольку они угрожали самой целостности единого рынка, который зависит от свободного потока товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Можно предположить, что прогрессивные элементы деглобализации и стратегии между США и их союзниками будут стимулировать и облегчать интеграцию военно-промышленных комплексов различных стран-членов ЕС [9, с. 84].

Обсуждение. Учитывая различные предположения и интерпретации эффектов и последствий эпидемии, а также все вышесказанное, можно выделить ключевые аспекты кризиса с коронавирусом из того, что недавно выразили эксперты из России, Европы и США в целом – это перспективы международных отношений.

Во-первых, это высокая конкуренция между крупнейшими центрами мира, которая ускоряется и приобретает все более масштабный характер. Используются политические, экономические, идеологические, военные, средства убеждения и принуждения, не говоря уже о методах пропаганды и деятельности спецслужб. Вопрос о создании вакцины против COVID-19 также демонстрирует «национальное высокомерие» и увеличивает различия между государствами. Создание лекарства от этого вируса превращается в тему шпионского безумия. В июле 2020 г. Великобритания, США и Канада обвинили Российскую Федерацию в попытке украсть информацию о разработке вакцины против коронавируса [10, с. 83].

Во-вторых, главной осью этого соперничества является конфликт между Соединенными Штатами и Китаем. Между тем реальность такова, что Китай не только успешно справился с эпидемией в кратчайшие сроки, но и замедлил экономический рост экономики США и большинства своих конкурентов. Конфликт между Вашингтоном и Пекином – явление не одномерное. Если бы политическое и технологическое разделение между ними сопровождалось акцентом, например, экономические отношения между двумя странами еще больше укрепились бы.

В-третьих, обсуждается сущность и масштабы этих противоречий, где две точки зрения совпадают: разделение США и Китая ведет к новой версии глобальной биполярности, а соперничество между двумя крупнейшими экономиками планеты является двусторонним конфликтом, где новая договоренность не может быть достигнута [11].

В-четвертых, мировая экономика погрузилась в глубокую рецессию, сравнимую с тем, какая была после Второй мировой войны или Великой депрессии. Как только это происходит, показатели социального неравенства возрастают как на глобальном, так и на региональном и национальном уровнях. Глобальный экономический спад – это не только источник большого риска, но и возможностей, особенно в зеленой экономике, биотехнологиях, роботизации и так далее.

Кроме того, Соединенные Штаты и их союзники продолжают стратегически поддерживать в основном европейские сообщества. Такой тезис был немыслим несколько лет назад, но теперь он стал обычным явлением в дискурсах ведущих европейских политиков и аналитических центров по обе стороны Атлантики. Декларация «баланса» в отношении Азии, была объявлена не Трампом, а его предшественником – Б. Обамой. Китай считается соперником номер один во всех стратегических документах Вашингтона, как в политическом, так и в военном отношении, что естественно из-за его экономической мощи и быстрого наращивания военной силы. В 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео выступил с программной речью, в которой фактически объявил новую холодную войну против Китая и присвоил себе титул «Фултон 2.0». Не только снижается былая интенсивность интереса Америки к Европе (как и к Ближнему Востоку), но этот процесс носит обоюдный характер. Благоприятное мнение о США высказывают лишь 45% итальянцев, 41% британцев, 40% испанцев, 31% французов и 26% немцев. Причем такие цифры лишь отчасти коррелировали в Европе с негативным имиджем Д. Трампа. Если это было бы не так, то, например, 52% немцев не выступали бы против нахождения американских войск в их стране [12, с. 40].

Кроме того, в развитии ЕС растет неопределенность и риск. Таким образом, эпидемия обострила внутренние проблемы и усилила евроскептические настроения, что привело к резким разногласиям между странами-членами по многим вопросам по направлениям «Север–Юг» и «Запад–Восток». В то же время драма Брексита привела к определенной консолидации в Союзе. Угроза влияния «эффекта домино» со стороны других стран-участниц, выходящих из ЕС, снята с повестки дня. Это не означает, что угроза целостности многих государств уменьшилась из-за сепаратистских настроений из-за более глубоких причин. Например, это относится к Бельгии, где с мая 2012 г. не было постоянного правительства за пределами Испании (каталонский сепаратизм) и ЕС, за пределами Великобритании (между Шотландией и католическими республиканцами Северной Ирландии).

И, наконец, последняя проблема состоит в том, что политический и экономический конфликт в мире усиливается, все чаще используются средства санкций, политического шантажа, недобросовестной конкуренции,

ведутся информационные войны и «гибридизируются» соперники, продолжается развал систем контроля над вооружениями. Чтобы противостоять «российской угрозе», многие страны сделали принципом государственной политики направленной на поставку своей территории импортным оружием и рабочей силой. Расширение СНВ-3 (Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений), как спасение Договора об открытом небе. Растет дисбаланс между крайним интересом к проблемам окружающей среды и климата, а также угрозой милитаризации и игнорированием конкуренции за новое оружие [13, с. 58].

До пандемии глобальная повестка дня возглавлялась предыдущим политико-институциональным циклом ЕС, который сделал робкие, но исторические шаги к союзу безопасности и обороны и провозгласил понятие «стратегической автономии» в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. Планы были амбициозными. До пандемии ожидался рост объемов: Европейский оборонный фонд в размере 13,5 млрд. евро, Фонд военной мобильности в размере 6,5 млрд. евро и Европейский мирный фонд в размере 10 млрд. евро, в дополнение к фонду развития и соседства в размере 100 с лишним миллиардов евро [1]. Комиссия У. фон дер Ляйен приняла цель стратегической автономии, распространив ее за пределы сферы безопасности и обороны на другие области политики. Ляйен призвала к усилению международной роли евро для защиты Союза от влияния экстерриториальных санкций США, пообещав ужесточить правила в цифровой сфере, чтобы противостоять неограниченной власти высокотехнологичных гигантов, а также противостоять дезинформации и фальшивым новостям, поступающим из России и Китая. Кроме того, Ляйен предположила, что Европейская зеленая сделка будет иметь международное, а не только внутреннее измерение.

Заключение. Covid усугубляет ранее существовавшую динамику, которая противоречит интересам ЕС, необходимость стратегической автономии, возможно, перешла от насущной к неотложной. Тем не менее, ЕС не смог использовать пандемию как пресловутый кризис, превратившийся в возможность укрепить свою стратегическую автономию так же, как и с финансовой солидарностью [14, с. 185]. Несмотря на

амбициозные разработки «ЕС следующего поколения» (Next Generation EU) и MFF (Многолетняя финансовая рамочная программа ЕС), общие суммы, предназначенные для фонда обороны, военной мобильности и фонда мира, были более чем вдвое сокращены до 13,5 миллиардов евро, в то время как фонд соседства был намного меньше, чем ожидалось (около 90 миллиардов евро) [14].

Инициативы по укреплению международной роли евро не являются убедительными для рынков. Действия на цифровом и климатическом фронтах более перспективны, хотя степень, в которой они укрепляют автономию ЕС, остается неопределенной. Потенциал цифрового рынка и актов о цифровых услугах, которые в основном направлены на расширение единого рынка в цифровую сферу, для формирования глобальных цифровых норм еще предстоит проверить. Что касается энергетической политики, то основное внимание уделяется, главным образом, внутренним рынкам (работа с водородом, критическими минералами и возобновляемыми источниками энергии), а не международным (глобальные климатические правила).

Одной из областей, в которой ЕС продемонстрировал международное влияние, является торговля и инвестиции, где его компетенции сильны и устоялись. Недавним примером является Всеобъемлющее соглашение об инвестициях (далее – САИ) с Китаем, направленное на создание более ровного игрового поля для инвесторов ЕС в Китае. Однако перспективы ратификации САИ уменьшились с тех пор, как Китай нацелился на законодателей ЕС, ученых и научно-исследовательские институты санкциями в отместку за ограничительные меры, принятые ЕС в связи с нарушением прав человека в Синьцзяне. Растущая напряженность между Вашингтоном и Пекином еще больше усложняет европейский выбор в отношении Китая.

Трансатлантические отношения занимают видное место среди причин, по которым кризис Covid не повлиял на заявленные амбиции ЕС по большей автономии. Оценка европейцами затяжных выгод, получаемых от гарантий безопасности США, продолжает вызывать сильное предпочтение по всей Европе для согласования с внешней политикой США. Хотя, как упоминалось выше, затраты на это выросли при

администрации Трампа, надежды на коррекционный курс Вашингтона никогда не ослабевали в Европе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архитектура международных отношений после COVID-19: возврат к «новой норме». 28 апреля 2020 // Валдай. Международный дискуссионный клуб: [эл. доступ]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/arkhitektura-mezhdunarodnykh-otnosheniy-posle-covid/> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Васильева М. Россию обвинили в шпионаже и вмешательстве. 16 июля 2020 // EuroNews: [эл. доступ]. URL: <https://ru.euronews.com/2020/07/16/russia-accused-of-spying-and-intervention> (дата обращения: 20.04.2021).
3. Громыко А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 4–13.
4. Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19.
5. Летний экономический прогноз 2020: еще более глубокий спад. 08 июля 2020 // EXPOCLUB.ru – международный выставочный портал: [эл. доступ]. URL: https://www.expoclub.ru/news/letniy_ekonomicheskii_prognoz_2020_eshche_bole_glubokiy_spad/ (дата обращения: 25.04.2021).
6. Международные угрозы 2021: Геополитика после пандемии: доклад / [А.А. Байков и др.]; под ред. А.А. Сушенцова; Лаборатория анализа международных процессов МГИМО МИД России. Москва, 2020. 27 с.
7. Маркедонов С.М. Уроки пандемии для международных отношений // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 1. С. 7–9.
8. Феофанов К.А. Тенденции международного развития в условиях пандемии // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 7–21.
9. Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Перспективы международного экономического сотрудничества после кризиса 2020 года: пути к новому равновесию // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 3. С. 112–121.
10. Шумилин А.И. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 14–21.
11. Agreement on extradition between the European Union and the United States of America. Council Decision. 2009. P. 34.
12. Allen, J. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. Foreign Policy. March 20, 2020. P. 34–43.
13. Borrell, J. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council: A New EU-US Agenda for Global Change. High Representative for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels, 2.12.2020. Available at https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/joint-communication-eu-us-agenda_en.pdf (accessed: 30.04.2021).
14. Marquardt S. La capacité de l'Union européenne de conclure des accords internationaux dans le domaine de la coopération policière et judiciaire en matière pénale // De Kerchove G., Weyembergh A. (eds.) Sécurité et justice enjeu de la politique extérieure de l'Union européenne. Brussels: Edition de l'Université de Bruxelles, 2003. P. 185.

15. Riccardo Alcaro, Nathalie Tocci. Navigating a Covid World: The European Union's Internal Rebirth and External Quest. *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*. 2021. Vol. 56, № 2. Available at <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03932729.2021.1911128> (accessed: 25.05.2021).

REFERENCES

1. Arhitektura mezhdunarodnyh otnoshenij posle COVID-19: vozvrat k «novoj norme» [The architecture of international relations after COVID-19: a return to the “new normal”]. 28 aprlja 2020. *Valdaj. Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/arkhitektura-mezhdunarodnykh-otnoshenij-posle-covid/> (accessed: 20.04.2021). (In Russ.).
2. Vasil'eva M. Rossiju obvinili v shpionazhe i vmeshatel'stve [Russia was accused of espionage and interference]. 16 ijulja 2020. *EuroNews*. Available at <https://ru.euronews.com/2020/07/16/russia-accused-of-spying-and-intervention> (accessed: 20.04.2021). (In Russ.).
3. Gromyko A.A. Koronavirus kak faktor mirovoj politiki [Coronavirus as a factor in world politics]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. 2020. № 2. S. 4–13. (In Russ.).
4. Gromyko A.A. Pandemija i krizis sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij [The pandemic and the crisis in the system of international relations]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 2020. T. 13. № 5. S. 6–19. (In Russ.).
5. Letnij jekonomicheskij prognoz 2020: eshhe bolee glubokij spad. 08 ijulja 2020 [Summer Economic Outlook 2020: Even Deeper Downturn]. *EXPOCLUB.ru – mezhdunarodnyj vystavochnyj portal*. Available at https://www.exoclub.ru/news/letnij_ekonomicheskij_prognoz_2020_eshche_bolee_glubokij_spad/ (accessed: 25.04.2021). (In Russ.).
6. Mezhdunarodnye ugrozy 2021: Geopolitika posle pandemii [International threats 2021: Geopolitics after the pandemic]: doklad / [A.A. Bajkov i dr.]; pod red. A.A. Sushencova; *Laboratorija analiza mezhdunarodnyh processov MGIMO MID Rossii*. Moskva, 2020. 27 s. (In Russ.).
7. Markedonov S.M. Uroki pandemii dlja mezhdunarodnyh otnoshenij [Lessons from the pandemic for international relations]. *Mezhdunarodnaja analitika*. 2020. T. 11. № 1. S. 7–9. (In Russ.).
8. Feofanov K.A. Tendencii mezhdunarodnogo razvitija v uslovijah pandemii [International Development Trends in a Pandemic]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2020. № 6. S. 7–21. (In Russ.).
9. Halova G.O., Illerickij N.I. Perspektivy mezhdunarodnogo jekonomicheskogo sotrudnichestva posle krizisa 2020 goda: puti k novomu ravnovesiju [Prospects for International Economic Cooperation after the 2020 Crisis: Pathways to a New Balance]. *Vestnik RGGU. Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo»*. 2020. № 3. S. 112–121. (In Russ.).
10. Shumilin A.I. Faktor pandemii vo vneshnej politike Evrosojuza [The factor of the pandemic in the foreign policy of the European Union]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. 2020. № 2. S. 14–21. (In Russ.).
11. Agreement on extradition between the European Union and the United States of America. *Council Decision*. 2009. P. 34.
12. Allen, J. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreign Policy*. March 20, 2020. P. 34–43.

13. Borrell, J. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council: A New EU-US Agenda for Global Change. *High Representative for Foreign Affairs and Security Policy*. Brussels, 2.12.2020. Available at https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/joint-communication-eu-us-agenda_en.pdf (accessed: 30.04.2021).

14. Marquardt S. La capacité de l'Union européenne de conclure des accords internationaux dans le domaine de la coopération policière et judiciaire en matière pénale // De Kerchove G., Weyembergh A. (eds.) Sécurité et justice enjeu de la politique extérieure de l'Union européenne. Brussels: Edition de l'Université de Bruxelles, 2003. P. 185.

15. Riccardo Alcaro, Nathalie Tocci. Navigating a Covid World: The European Union's Internal Rebirth and External Quest. *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*. 2021. Vol. 56, № 2. Available at <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03932729.2021.1911128> (accessed: 25.05.2021).

Сведения об авторах / Information about authors

Аллямова Валерия Вадимовна – Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: st070094@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0002-3864-5213

Allyamova Valeria V. – Saint-Petersburg State University.
E-mail: st070094@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0002-3864-5213

*Статья поступила в редакцию 12.06.2022. Одобрена после рецензирования 28.07.2022. Принята 07.09.2022.
Received 12.06.2022. Approved after reviewing 28.07.2022. Accepted 07.09.2022.*

научная статья
УДК: 93/94
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.4

Техническое сотрудничество как область стратегического взаимодействия России и Китая на современном этапе: реалии и перспективы

Калинина Виктория Юрьевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ vika.kalinina2228@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7401-7118>

***Аннотация.** Отношения России и Китая в сфере технического сотрудничества в XXI в. носят характер стратегического партнерства. В статье предлагается анализ содержания, особенностей и политических последствий совместного взаимодействия обеих стран в технической области за последние 20 лет. Внимание уделяется изучению и теоретическому анализу литературы, опубликованной в периодических изданиях, сборниках, и монографических исследованиях, диссертациях зарубежных и российских авторов на русском, английском и китайском языках. Китайские и российские исследователи подчеркивают большую важность и значимость совместного технического сотрудничества, как одного из важнейших факторов, который играет значимую роль в укреплении доверительных, добрососедских, партнерских отношений между странами. Особое внимание уделяется изучению места и роли России и Китая в рамках совместного технического сотрудничества. Англоязычные авторы, анализируя проблемы сближения России и Китая в военно-технической области, придерживаются точки зрения, что существует угроза для Европы в виде смещения вектора мирового господства в сторону назревающего альянса двух сильнейших держав. В ходе исследования был выявлен приоритет военного аспекта как важнейшей сферы реализации технического сотрудничества между странами, который отражает как экономические, так и политические интересы двух великих держав, обеспечивает региональную безопасность. Выделены аспекты и особенности проведения совместных военных учений с начала XXI в., предложена оценка будущего развития и возможной динамики отношений. Проанализированы факторы, благодаря которым Россия оказывает влияние на технический и военно-стратегический потенциал КНР. Значимость проведенного исследования раскрывается через контекст глобальной и региональной безопасности, которая может зависеть от политики стран и выбранного вектора взаимоотношений.*

Ключевые слова: Китай; Россия; техническое сотрудничество; военно-техническое сотрудничество; стратегическое партнерство

Для цитирования: Калинина В.Ю. Техническое сотрудничество как область стратегического взаимодействия России и Китая на современном этапе: реалии и перспективы // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 51–67. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.4

© Калинина В.Ю., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 93/94

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.4

Technical cooperation as domain of strategic interaction between Russia and China at the present stage: realities and prospects

Victoria Yu. Kalinina ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ vika.kalinina2228@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7401-7118>

Abstract. *Relations between Russia and China in the field of technical cooperation in the 21st century are in the nature of a strategic partnership. The article offers an analysis of the content, features and political consequences of the joint strategic interaction of both countries in the technical field since 2001 to 2021. The paper is devoted to the study and theoretical analysis of literature published in periodicals, collections, and monographic studies, dissertations of foreign and Russian authors in Russian, English and Chinese. Chinese and Russian researchers emphasize the great importance and significance of joint technical cooperation as one of the most important factors that plays a significant role in strengthening trust, good neighborly, partnership relations between countries. If we turn to English-language sources that analyze the problem of rapprochement between Russia and China in the military-technical field, many authors adhere to the point of view that there is a threat to Europe in the form of a shift in the vector of world domination towards the emerging alliance of the two strongest powers. Particular attention is based on the study of the place and role of Russia and China in the framework of joint technical cooperation. The study revealed the priority of the military aspect as the most important area for the implementation of technical cooperation between countries, which reflects both the economic and political interests of the two great powers and ensures regional security. Aspects and features of conducting joint military exercises since the beginning of the 21st century are highlighted, an assessment of the future development and possible dynamics of relations is proposed. The factors due to which Russia influences the technical and military-strategic potential of the PRC are analyzed. The significance of the study is revealed through the context of global and regional security, which may depend on the policies of countries and the chosen vector of relationships.*

Keywords: China; Russia; technical cooperation; military-technical cooperation; strategic partnership

For citation: Kalinina, V.Yu. Technical cooperation as domain of strategic interaction between Russia and China at the present stage: realities and prospects. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 51–67. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.4

© Kalinina, V.Yu., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение. В условиях нарастания глобальных вызовов и угроз в мире, особый интерес представляет исследование военно-технического сотрудничества России и Китая в XXI в. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что на современном этапе стратегическое

взаимодействие России и Китая в технической сфере характеризуется быстрой динамикой и стабильным развитием, которое имеет перспективу долгосрочного взаимодействия. Проведение российско-китайских военных учений является одной из наиболее важных сфер взаимодействия между двумя странами. Военные учения демонстрируют готовность Москвы и Пекина обеспечивать национальную безопасность, поддерживать мировую стабильность. Тема исследования носит долгосрочный и всеобъемлющий характер, так как отношения России и Китая имеют общемировое значение. Российско-китайское техническое сотрудничество затрагивает большой спектр областей, таких как: сотрудничество в сферах авиации, разработки искусственного интеллекта, создания совместных разработок и программ в области космоса, участие военных сил России и Китая в совместных военных учениях, создание совместных военных предприятий, участие в совместных проектах по разработке новых видов оружия, поставки и разработка продукции военного назначения для военно-морского флота, военно-воздушных сил.

Исследование направлено на анализ содержания, особенностей и политических последствий российско-китайского стратегического взаимодействия в военно-технической области начиная с 2001 г. На основе анализа тематических публикаций предлагается решение задач выявления места и роли совместных военных учений России и Китая в рамках технического сотрудничества, значимости военного аспекта в реализации технического сотрудничества между странами. Особое внимание уделяется роли России в модернизации технического и военно-стратегического потенциала КНР.

В статье использованы результаты исследований российских и зарубежных авторов на русском, английском и китайском языках. Среди китайских исследований данной проблематики можно выделить работы таких авторов, как Луань Жуйин и Чжэн Болин, проводящие исследования в области перспектив и целей, которые преследует Россия в области технического сотрудничества с Китаем [1]. Ли Чэнхун дает оценку и характеристику китайско-российского военно-технического сотрудничества на современном этапе, описывает текущую ситуацию и проблемы во взаимодействии двух стран [2]. Чжэн Ци дает оценку

политической роли, которую играет военно-техническое сотрудничество на современном этапе [3].

Большое значение имеют материалы англоязычной литературы. В статье Синтии Раду дается анализ стремлению Москвы и Пекина к расширению сотрудничества в области технологий, рассматриваются возможные последствия такого тесного сотрудничества РФ и КНР для Запада [4].

Ценными для разработки темы стали труды российских специалистов по теоретическим вопросам стратегического взаимодействия РФ и КНР в технологической области, а также межгосударственным отношениям двух великих держав. А.В. Шлындов анализирует научно-техническое, технологическое и производственное взаимодействие РФ и КНР, выделяет основные проблемы двустороннего сотрудничества и перспективы его расширения [5]. Ю.В. Чудодеев рассматривает основные проблемы и перспективы стратегического партнерства между РФ и КНР на современном этапе [6]. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов дают оценку перспективы военно-технического сотрудничества РФ и КНР через призму истории двух стран [7].

Несмотря на значительные успехи российских экспертов в данной проблематике, степень изученности места и роли России и Китая в рамках совместного технического сотрудничества на современном этапе исследована недостаточно. Новизна работы заключается в более глубоком анализе проблематики значимости проведения совместных военных учений, которые являются важной сферой реализации технического сотрудничества между Россией и Китаем. В методологическом плане наши исследования базируются на поиске, анализе и обобщении научной, публицистической отечественной и зарубежной литературы, материалов периодических изданий, посвященных проблеме технического взаимодействия России и Китая. Из общенаучных методов в данной статье был использован системный подход, в сочетании со сравнительно-историческим анализом.

Полученные результаты исследования позволяют сформировать представление о месте и роли российско-китайского стратегического взаимодействия в области технического сотрудничества на современном этапе в региональном и глобальном масштабе, а также о влиянии

совместных военных учений на межгосударственные отношения России и Китая, их политические и экономические последствия.

Результаты исследования и их обсуждение. На рубеже XX и XXI вв. Китайская Народная Республика значительно укрепила свои позиции в мировой политике и экономике, военно-технической сфере. В течение короткого периода Китай сумел построить одну из самых крупных экономик в мире, что сейчас позволяет влиять на ход политических, экономических и международных процессов. «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» от 16 июля 2001 г., в котором стороны обязались развивать на долгосрочной основе взаимовыгодное стратегическое взаимодействие, в том числе и в военно-технической сфере [8], получил новые перспективы развития технического сотрудничества между Россией и Китаем. Это соглашение позволило уладить споры по границе между двумя странами и создать юридическую основу для дальнейшего развития отношений обеих стран. Российская сторона стремится привлечь китайские оборонные компании для сотрудничества в области производства и разработки техники. Партнерство между двумя странами будет выгодным в условиях текущих санкций и экономических проблем. По мнению экспертов, новейшие разработки РФ и КНР в области производства широкофюзеляжных самолетов могут создать серьезную конкуренцию европейским Airbus и американскому Boeing [9]. МИД России и Китая подписали соглашение о сотрудничестве в области разработки, производства и испытаний ракетных двигателей [10].

Военный аспект является важнейшей сферой реализации российско-китайского технического сотрудничества, так как обеспечивает баланс в региональной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона, способствует увеличению комплексной государственной мощи двух великих держав, а так же отражает экономические и политические интересы.

Российско-китайское военное сотрудничество затрагивает большой спектр областей, таких как:

1. Участие военных сил России и Китая в совместных военных учениях;
2. Совместное сотрудничество по военной линии в региональных и международных организациях;

3. Поставки и разработка продукции военного назначения для военно-морского флота, военно-воздушных сил;
4. Развитие области военного образования военнослужащих;
5. Участие в совместных проектах по разработке новых видов оружия;
6. Реализации совместных проектов и программ в области космоса.

Приоритетными отраслями военно-технической кооперации России и Китая является: стратегическая стабильность, разоружение, нераспространение оружия массового поражения, противостояние угрозам и вызовам, которые мешают устойчивому развитию, жизни и благополучию народов, включая борьбу с терроризмом, сепаратизмом, организованной преступностью, нелегальной миграцией. Важно подчеркнуть, что активное сотрудничество РФ и КНР в военно-технической области не направлено на третью сторону, не несет за собой цели гонки вооружений, устрашение близлежащих стран и регионов. Сотрудничество в военно-технической области, прежде всего, является гарантом поддержания регионального развития и стабильности, направлено на сохранение международного стратегического баланса и мира.

На сегодняшний день проведение совместных российско-китайских военных учений помогает обеспечивать национальную безопасность, сохранять мировую стабильность. РФ и КНР проводят совместные патрулирования самолетов-бомбардировщиков, военно-морские учения, а также военные соревнования.

В последние годы в международной обстановке возрастает террористическая деятельность и ухудшается положение в области региональной безопасности. В Центральной Азии вновь активизировались террористические, экстремистские и сепаратистские силы, что представляет серьезную угрозу региональной безопасности. Совместные военные учения «Взаимодействие», «Морское взаимодействие», «Мирная миссия» и др. направлены на расширение российско-китайского сотрудничества в сфере обороны и безопасности, активизацию борьбы с терроризмом и сепаратизмом.

Ниже представлена подробная история и периодизация совместных российско-китайских военных учений, начиная с 2003 по 2021 г. (см. таблицу).

Совместные российско-китайские военные учения 2003–2021 г.

Название	Время	Место проведения	Участники учений
Антитеррористические учения вооруженных сил государств-членов ШОС «Взаимодействие-2003»	6–12.08.2003	Казахстан и КНР	Китай, Казахстан, Россия, Кыргызстан, Таджикистан (около 1300 военнослужащих)
Китайско-российские совместные учения «Мирная миссия-2005»	18–25.08.2005	Владивосток, Шаньдунский полуостров и прилегающая акватория КНР	Около 10 тысяч военнослужащих
Антитеррористические учения вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия-2007»	9–17.08.2007	Урумчи (Синцзян Уйгурский автономный район, КНР), Челябинск (РФ)	Китай, Казахстан, Россия, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан (1600 военнослужащих с китайской стороны)
Китайско-российские совместные антитеррористические учения «Мирная миссия 2009»	22–26.07.2009	Хабаровск (РФ) и полигон «Таонань» Шэньянского военного округа (КНР)	По 1300 военнослужащих от каждой из сторон
Морские совместные учения «Мирный синий щит-2009»	18.09.2009	Западная акватория Аденского залива	3 китайских судна и 6 российских судна
Антитеррористические учения вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия-2010»	10–25.09.2010	Полигон «Матыбулак» (Казахстан)	Китай, Казахстан, Россия, Кыргызстан, Таджикистан (около 5000 военнослужащих; 1000 военнослужащих с китайской стороны)
Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие-2012»	22–27.04.2012	Акватория Южно-Китайского моря (КНР)	Китай направил 18 кораблей, Россия 7 кораблей
Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие-2013»	5–12.07. 2013	Владивосток, акватория залива Петра Великого в Японском море	18 китайских и российских кораблей, 1 подводная лодка, 3 самолета, 5 палубных вертолетов и 2 подразделения спецназа
Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие-2015»	24.01.2014	Восточная часть Средиземного моря	Китайский ракетный корабль «Яньчэн», российский атомный ракетный крейсер «Пётр Великий»

Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие-2015»	16–20.05.2015 20–28.08.2015	Акватория Средиземного моря, акватория залива Петра Великого	Китайский «Линь» (проект547) и «Вэйфан» (проект550) корабль поддержки. России «Ладный» (проект 1135), «Александр Отраковский», «Александр Шабалин», спасательно-буксирное судно, малый ракетный корабль на воздушной подушке «Самум»
Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие 2016»	12–19.09.2016	Северо-западная часть Южно-Китайского моря, побережья китайской провинции Гуандун	«Адмирал Трибуц» и "Адмирал Виноградов", большой десантный Корабль «Пересвет», морского буксира «Алатау»
Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие 2017»	25.09.2017	Охотское море, Японское море	ракетный эсминец «Шицзячжуан», сторожевой корабль «Дацин», вспомогательное судно «Дунпинху» и спасательное судно «Чандао»
Военные учения «Восток-2018»	11–17.09.2018	Учения прошли на пяти общевойсковых полигонах, четырёх полигонах ВВС и войск ПВО, в акваториях Японского, Берингова и Охотского морей	297 тысяч военных, 36 тысяч единиц наземной техники, тысяча летательных аппаратов, а также 80 кораблей и вспомогательных судов
Стратегические командно-штабные учения «Центр-2019»	16–21.09.2019	Учения проходили на восьми полигонах в России. Помимо российской армии, были задействованы военные из Китая, Пакистана, Киргизии, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана	Всего в них участвовали 128 тысяч военнослужащих, более 20 тысяч единиц боевой техники, 600 самолетов и 15 кораблей.
Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие-2019»	29.04–04.05.2019	Акватория Желтого моря	Две подводные лодки, 13 кораблей, 7 самолётов с неподвижным крылом, 4 вертолета, 80 китайских и российских солдат морской пехоты.

<p>Китайско-российские совместные учения «Морское взаимодействие-2021»</p>	<p>14–17.10.2021</p>	<p>Акватория Японского моря</p>	<p>ВМФ РФ представлен противолодочным кораблём «Адмирал Пантелеев», корветами проекта 20380 «Герой Российской Федерации Алдар Цыденжапов» и «Громкий», двумя базовыми тральщиками, подводной лодкой проекта 877 «Усть-Большерецк. КНР задействованы эсминцы «Кунь Мин» и «Нань Чан», корветы «Бинь Чжоу» и «Лю Чжоу», а также дизельная подводная лодка, корабль комплексного снабжения и спасательное судно.</p>
--	----------------------	---------------------------------	---

Примечание. Составлено автором на основе данных US-China Economic and Security Commission, (по материалам) российско-китайские военные учения: «Взаимодействие», «Мирная миссия», «Морское взаимодействие», «Восток-2018», «Центр-2019» [11].

Учения «Мирная миссия», которые проводятся раз в два года с 2005 г., представляют собой антитеррористические учения России и Китая с участием членов Шанхайской Организации Сотрудничества (далее – ШОС). Сценарий проведения военных учений нацелен на консолидированные действия в случае серьезных инцидентов в Центральной Азии. Военные учения проводятся на полигонах России и Китая, и других стран ШОС.

С 2012 г. периодически проводятся российско-китайские военно-морские учения, под названием «Морское взаимодействие». Данные учения направлены на совместное обеспечение безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В ходе практических действий экипажи кораблей двух стран отрабатывают совместные тактические маневрирования, противоминное обеспечение отрядов, проводят артиллерийские стрельбы по морским целям, осуществляют поиск и блокирование подводных лодок условного противника», – говорится в сообщении российского оборонного ведомства [12, с. 1].

Военные учения России «Восток-2018», в которых участвовала народно-освободительная армия Китая, проводились на территории Сибири и Дальнего Востока. Министром обороны РФ С.К. Шойгу было объявлено, что в учениях «Восток-2018», было задействовано 300 000 военнослужащих личного состава, 36 000 танков и бронетранспортеров, более 1000 самолетов и 80 кораблей, что сделало эти учения крупнейшими на территории РФ со времен СССР (учения «Запад-81»). Российские и китайские войска провели совместные стрельбы и испытали оперативную совместимость военных сил [13].

В 2019 г., начались новые стратегические командно-штабные учения под названием «Центр-2019», в ходе которых военные отрабатывали вопросы применения группировок войск коалиции государств для решения задач борьбы с международным терроризмом и обеспечения военной безопасности на Центрально-Азиатском стратегическом направлении. Всего в учениях «Центр-2019», было задействовано 128 000 военнослужащих и более чем 20 000 единиц техники. Территориально учения проводились на юге России и в Центральной Азии. Военные учения «Центр-2019», охватили большие географические районы, начиная от Северного Кавказа до Урала и Сибири. Помимо российских и китайских военных, в театре военных действий приняли участие индийские, пакистанские, казахские, таджикские, кыргызские и узбекские военнослужащие [14].

Таким образом, автор приходит к выводу, что участие китайских вооруженных сил в различных военных учениях, совместно с Российской Федерацией на современном этапе становится новой нормой. Совместные военные учения указывают на тесное сотрудничество Москвы и Пекина по военной линии. По мнению автора, данное сотрудничество в ближайшее время получит еще большее развитие и возможно, даже перерастет в военно-политический союз двух великих держав. Однако, согласно официальной риторике государств, на данный момент Россия и Китай не являются военным блоком, но растущее оборонное сотрудничество между странами, вероятно, окажет значительное влияние на глобальную политику в ближайшие годы. Важно подчеркнуть, что официальное объявление о российско-китайском союзе не должно ставить под угрозу отношения РФ и

КНР с третьими странами. Для России важно сохранять свободу маневра в отношениях с основными азиатскими игроками, такими как Япония и Индия, в то время как для Китая важно поддерживать партнерство с ЕС, в том числе с восточноевропейскими членами [15].

Для Китая стратегическое партнёрство с Российской Федерацией очень важно для развития военной мощи. Во-первых, благодаря российским технологиям, вооруженные силы Китая постоянно совершенствуются и укрепляют свой военный потенциал. Во-вторых, военное техническое сотрудничество РФ и КНР способствует модернизации военно-промышленного комплекса, а также его отдельных отраслей. В-третьих, благодаря сотрудничеству с Россией в военно-технической области Китай укрепляет свое геополитическое влияние не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. В-четвертых, китайская армия значительно повышает свою боеспособность, благодаря поставкам новых видов оружия из России, а проведение многочисленных совместных военных учений на суше и на море помогают повышать боевой опыт армии, что способствует развитию дружественных, доверительных отношений между военными РФ и КНР. В-пятых, различные социально-экономические выгоды (создание совместных предприятий, участие в разработке новейших видов оружия, получение лицензий и др.) [16].

Для России военно-техническое сотрудничество с Китаем важно с экономической и политической точки зрения. Благодаря военно-техническому сотрудничеству с Китаем, Россия получает гарантированные финансовые средства, которые впоследствии помогают развивать сектора военно-промышленного комплекса РФ. В политическом плане, сотрудничество с Китаем позволяет России оказывать влияние на политику, а так же решение ключевых проблем международной безопасности и развития в Азиатско-тихоокеанском регионе [17].

Заключение. Военно-техническое сотрудничество является одним из основных элементов стратегического партнерства между Россией и Китаем. Российско-китайские технические отношения затрагивают широкий спектр областей. Стоит отметить, что факторы, побуждающие к тесной кооперации в военно-технической сфере различны. Для Китая, оборонно-

промышленные отношения с Россией в основном мотивированы военно-политической выгодой. Для России, в основном, доминируют экономические и политические мотивы. Автор приходит к выводу, что Россия является одним из ключевых игроков в китайской военной политике.

В последние годы Китай и Россия активно участвуют в большом числе совместных военных учений. Эти учения направлены на то, чтобы помочь сдержать, и при необходимости обезвредить дестабилизирующие факторы и обеспечить национальную безопасность в АТР, поддерживать мировую стабильность. Китайские и российские эксперты, такие как Чжэн Ци, Лю Вэньдао, Т.Н. Букреева и др. в своих исследованиях отмечают большую важность и значимость проведения совместных военных учений, демонстрирующих военное присутствие России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, готовность обеих стран обеспечить национальную безопасность и поддержание мира в регионе. Так же, совместные военные учения играют значимую роль в укреплении доверительных, добрососедских, партнерских отношений между Россией и Китаем [18; 19; 20].

Тесное сотрудничество двух великих держав в военно-технической области порождает слухи о возможном создании российско-китайского военного союза. Проанализировав статьи американских исследователей Синтии Раду и Холли Эллиатт, автор приходит к выводу, что американские эксперты большое внимание уделяют проблеме смещения вектора мирового господства, в сторону назревающего российско-китайского военного альянса, который может создать проблемы для интересов США и баланса региональной безопасности [4; 21]. На основании изученных материалов российских и китайских экспертов, таких как С.М. Труш, Ш. Хань, которые занимаются вопросами о возможном становлении официального военного союза между Россией и Китаем, можно сделать вывод, что Китай и Россия не являются военными союзниками, как, например, страны блока НАТО и не планируют ими становиться в ближайшее время [22; 23]. Россия и Китай готовы взаимодействовать в сфере военной безопасности на взаимовыгодной основе, с учетом текущей геополитической ситуации в мире.

В китайских военно-доктринальных документах подчеркивается особая важность военного сотрудничества с Россией, перечисляются все

совместные военные учения, отмечается важность стратегических консультаций между представителями военного руководства России и Китая. Между двумя государствами поддерживаются постоянные контакты на уровне руководства министерств обороны, генеральных штабов. Россия играет важную роль в подготовке китайских военных кадров, в обеспечении НОАК новейшими образцами вооружений [24].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луань Жуйин 栾瑞英, Чжэн Болин 郑柏林. Шэньхуа чжунэ гаосиньцишу хэцзо таньсо чуансиньчжи лу 深化中俄高新技术合作 探索融合创新之路 [Углубление китайско-российского высокотехнологичного сотрудничества и исследование пути интегрированных инноваций] // Чжунго шэхуэй кэсюэюань 中国社会科学院 [Китайская академия общественных наук]. 2021. № 1. С. 106–112.
2. Ли Чэн Хун 李承红. Чжун э цзюньши цзишу хэцзо сянь чжуан вэньти юй дуй цэ 中俄军事技术合作:现状,问题与对策 [Китайско-российское военно-техническое сотрудничество: статус-кво, проблемы и меры противодействия] // Элосы яньцзю 俄罗斯研究 [Российские исследования]. 2009. № 1. С. 89–118.
3. Чжэн Ц. Политическая роль военно-технического сотрудничества в современных российско-китайских отношениях. Диссертация кандидата политических наук. Санкт-Петербург. 2010. 167 с.
4. Radu, S. Russia and China's High-Tech Bet. Nov. 29, 2019 // U.S. News & World Report L.P. Available at <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2019-11-29/the-high-tech-partnership-between-russia-and-china> (accessed: 10.06.2022).
5. Шлындов А.В. Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6(1). С. 17–41.
6. Чудодеев Ю.В. Российско-китайское стратегическое партнерство на современном этапе – проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2008. № 5(610). С. 48–53.
7. Буяров Д.В., Кузнецов Д.В. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. М.: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 634 с.
8. Соглашение о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. 20 марта 2009. [эл. доступ]. URL: <https://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (дата обращения: 15.06.2022).
9. Чжэн И. Тенденции сотрудничества китайской народной Республики и Российской Федерации в сфере военной и ядерной безопасности // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4–2(58). С. 139–143.
10. Россия и Китай начнут совместную разработку ракетных двигателей. 8 ноября 2018. // ФедералПресс. [эл. доступ]. URL: <http://fedpress.ru/news/77/economy/2150722> (дата обращения: 20.06.2022).

11. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Available at <https://www.uscc.gov/annual-report/2020-annual-report-congress> (accessed: 15.06.2022).
12. Таран И., Комарова Е. «Продолжать работать слаженно»: как Россия и Китай проводят учения «Морское взаимодействие – 2021». 15 октября 2021. // RT на русском. [эл. доступ]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/917391-morskije-ucheniya-rossiya-kitai?ysclid=16swnj96ti643233353> (дата обращения: 18.07.2022).
13. Российские военные приведены в боевую готовность к массовым военным играм, которые, как говорят, станут крупнейшими со времен советских игр в 80-х годах 2018 года. [эл. доступ]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ac422d40-62d4d091-f9cb3ae2-74722d776562/https/www.militarytimes.com/flashpoints/2018/08/20/russian-military-on-alert-for-massive-war-games-said-to-be-the-largest-since-soviet-games-in-the-80s/ (дата обращения: 18.07.2022).
14. Center-2019: 128,000 troops participate in massive Russia, China & India drill. 20 Sep, 2019 // RT Question more. Available at <https://www.rt.com/news/469229-russia-china-india-exercise/?ysclid=1597kz5at0821622659> (accessed: 18.07.2022).
15. Vostok 2018: a New Phase of Cooperation. November 10th, 2018 // BMPD. Available at URL: <https://bmpd.livejournal.com/3408973.html> (accessed: 18.07.2022).
16. Как скоро Китай потеснит Россию на рынке вооружений? [эл. доступ]. URL: <https://starcom68.livejournal.com/2506336.html> (дата обращения: 15.06.2022).
17. Российско-китайское военно-техническое сотрудничество как важный компонент стратегического партнерства двух государств: теоретическое и практическое измерение. 2 ноября 2015. // Центр стратегических оценок и прогнозов. [эл. доступ]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/rossijsko-kitajskoe-voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-kak-vazhnyj-komponent-strategicheskogo-partnerstva-dvuh-gosudarstv-teoreticheskoe-i-prakticheskoe-izmerenie-6428> (дата обращения: 29.06.2022).
18. Чжэн Ц. Политическая роль военно-технического сотрудничества в современных российско-китайских отношениях. Диссертация кандидата политических наук. Санкт-Петербург. 2010. 167 с.
19. Лю Веньдао 刘文刀. Элосы вэйхэ каньчжун чжун'э цзюньянь 俄罗斯为何看重中俄军演 [Почему Россия ценит китайско-российские военные учения] // Дан чжэ нгань бу цань као 党政干部参考 [Справочник партийных и правительственных кадров]. 2005. № 1. С. 35–35.
20. Букреева Т.Н. Военные учения как актуальное направление взаимодействия России и Китая // Россия в глобальной экономике и политике. 2014. № 1. С. 11–14.
21. Ellyatt, H. Are Russia and China the best of friends now? SEP 27 2019 // CNBC. Available at <https://www.cnbc.com/2019/09/27/russia-and-chinas-relationship--how-deep-does-it-go.html> (accessed: 12.07.2022).
22. Труш С.М. Россия–США–Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // Вестник Российской академии наук. 2020. № 11. С. 1037–1047.
23. Хань Ш. Взгляды китайских и российских экспертов по вопросу создания военного союза между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 111–122.
24. Полонский И.Д. Новая военная доктрина Китая // Армейский вестник. 2019. [эл. доступ]. URL: <https://armiesnews.ru/2019/07/novaya-voennaya-doktrina-kitaya/> (дата обращения: 12.07.2022).

REFERENCES

1. Luan' Zhujin 栾瑞英, Chzhjen Bolin' 郑柏林. Shjen'hua chzhunje gaosin'czishu hjeczo tan'so chuansin'chzhi lu 深化中俄高新技术合作 探索融合创新之路 [Deepening Sino-Russian High-Tech Cooperation and Exploring the Path of Integrated Innovation]. *Chzhungo shjehujej kjesjujejuan'* 中国社会科学院 [Chinese Academy of Social Sciences]. 2021. № 1. S. 106–112. (In Chin.).
2. Li Chjen Hun 李承红. Chzhun je czjun'shi czishu hjeczo sjan' chzhuan vjen'ti juj duj cje 中俄军事技术合作:现状,问题与对策 [Sino-Russian military-technical cooperation: status quo, problems and countermeasures]. *Jelosity jan'czju* 俄罗斯研究 [Russian studies]. 2009. № 1. C. 89–118. (In Chin.).
3. Chzhjen C. Politicheskaja rol' voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva v sovremennyh rossijsko-kitajskih otnoshenijah [The political role of military-technical cooperation in modern Russian-Chinese relations]. Dissertacija kandidata politicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. 2010. 167 s. (In Russ.).
4. Radu, S. Russia and China's High-Tech Bet. Nov. 29, 2019. U.S. News & World Report L.P. Available at <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2019-11-29/the-high-tech-partnership-between-russia-and-china> (accessed: 10.06.2022).
5. Shlyndov A.V. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaja v nauchno-tehnicheskoi, tehnologicheskoi i proizvodstvennoj sferah [Cooperation between Russia and China in the scientific, technical, technological and industrial fields]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2008. № 6(1). S. 17–41. (In Russ.).
6. Chudodeev Ju.V. Rossijsko-kitajskoe strategicheskoe partnerstvo na sovremennom jetape – problemy i perspektivy [Russian-Chinese strategic partnership at the present stage - problems and prospects]. *Azija i Afrika segodnja*. 2008. № 5(610). S. 48–53. (In Russ.).
7. Bujarov D.V., Kuznecov D.V. Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva [Russia and China: history and prospects for cooperation]. M.: Blagoveshhenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2014. 634 s. (In Russ.).
8. Soglashenie o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj [Agreement on good neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China]. Rossijskaja gazeta. 20 marta 2009. Available at <https://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (accessed: 15.06.2022). (In Russ.).
9. Chzhjen I. Tendencii sotrudnichestva kitajskoj narodnoj Respubliki i Rossijskoj Federacii v sfere voennoj i jadernoj bezopasnosti [Trends in cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation in the field of military and nuclear security]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2017. № 4–2(58). S. 139–143. (In Russ.).
10. Rossija i Kitaj nachnut sovmestnuju razrabotku raketnyh dvigatelej [Russia and China will start joint development of rocket engines]. 8 nojabrja 2018. FederalPress. Available at <http://fedpress.ru/news/77/economy/2150722> (accessed: 20.06.2022). (In Russ.).
11. U.S.–China Economic and Security Review Commission. Available at <https://www.uscc.gov/annual-report/2020-annual-report-congress> (accessed: 15.06.2022).
12. Taran I., Komarova E. Prodolzhat' rabotat' slazhenno»: kak Rossija i Kitaj provodjat uchenija «Morskoe vzaimodejstvie – 2021» ["Continue to work harmoniously": how Russia and China conduct the exercise "Marine Interaction – 2021"]. 15 oktjabrja 2021.

RT na russkom. Available at <https://russian.rt.com/russia/article/917391-morskie-ucheniya-rossiya-kitai?ysclid=l6swnj96ti643233353> (accessed: 18.07.2022). (In Russ.).

13. Rossijskie voennye privedeny v boevuju gotovnost' k massovym voennym igr, kotorye, kak govoryat, stanut krupnejshimi so vremen sovetskih igr v 80-h godah 2018 goda [Russian military on alert for massive war games said to be the biggest since the Soviet games in the 1980s]. Available at https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ac422d40-62d4d091-f9cb3ae2-74722d776562/https/www.militarytimes.com/flashpoints/2018/08/20/russian-military-on-alert-for-massive-war-games-said-to-be-the-largest-since-soviet-games-in-the-80s/

(accessed: 18.07.2022). (In Russ.).

14. Center-2019: 128,000 troops participate in massive Russia, China & India drill. 20 Sep, 2019. RT Question more. Available at <https://www.rt.com/news/469229-russia-china-india-exercise/?ysclid=1597kz5at0821622659> (accessed: 18.07.2022).

15. Vostok 2018: a New Phase of Cooperation. November 10th, 2018. BMPD. Available at URL: <https://bmpd.livejournal.com/3408973.html> (accessed: 18.07.2022).

16. Kak skoro Kitaj potesnit Rossiju na rynke vooruzhenij? [How soon will China replace Russia in the arms market?]. Available at <https://starcom68.livejournal.com/2506336.html> (accessed: 15.06.2022). (In Russ.).

17. Rossijsko-kitajskoe voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo kak vazhnyj komponent strategicheskogo partnerstva dvuh gosudarstv: teoreticheskoe i prakticheskoe izmerenie [Russian-Chinese military-technical cooperation as an important component of the strategic partnership between the two states: theoretical and practical dimensions]. 2 nojabrja 2015. *Centr strategicheskikh ocenok i prognozov*. Available at <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/rossijsko-kitajskoe-voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-kak-vazhnyj-komponent-strategicheskogo-partnerstva-dvuh-gosudarstv-teoreticheskoe-i-prakticheskoe-izmerenie-6428> (accessed: 29.06.2022). (In Russ.).

18. Chzhjen C. Politicheskaja rol' voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva v sovremennyh rossijsko-kitajskih otnoshenijah [The political role of military-technical cooperation in modern Russian-Chinese relations]. Dissertacija kandidata politicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. 2010. 167 s. (In Russ.).

19. Lju Ven'dao 刘文刀. Jelosy vjehje kan'chzhun chzhun'je czjun'jan' 俄罗斯为何看重中俄军演 [Why Russia Appreciates Sino-Russian Military Exercises]. *Dan chzhje ngan' bu can' kao 党政干部参考 [Directory of Party and Government Personnel]*. 2005. № 1. S. 35–35. (In Chin.).

20. Bukreeva T.N. Voennye uchenija kak aktual'noe napravlenie vzaimodejstvija Rossii i Kitaja [Military exercises as a topical area of cooperation between Russia and China]. *Rossija v global'noj jekonomike i politike*. 2014. № 1. S. 11–14. (In Russ.).

21. Ellyatt, H. Are Russia and China the best of friends now? SEP 27 2019. CNBC. Available at <https://www.cnbc.com/2019/09/27/russia-and-chinas-relationship--how-deep-does-it-go.html> (accessed: 12.07.2022).

22. Trush S.M. Rossija–SShA–Kitaj: rezony i riski rossijsko-kitajskogo voennogo sbližhenija [Russia-USA-China: reasons and risks of Russian-Chinese military rapprochement]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2020. № 11. S. 1037–1047. (In Russ.).

23. Han' Sh. Vzgljady kitajskih i rossijskih jekspertov po voprosu sozdanija voennogo sojuza mezhdju RF i KNR [The views of Chinese and Russian experts on the creation of a

military alliance between Russia and China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. № 2. S. 111–122. (In Russ.).

24. Polonskij I.D. Novaja voennaja doktrina Kitaja [China's New Military Doctrine]. *Armejskij vestnik*. 2019. Available at <https://armiesnews.ru/2019/07/novaya-voennaya-doktrina-kitaya/> (accessed: 12.07.2022). (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Калинина Виктория Юрьевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: vika.kalinina2228@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7401-7118

Kalinina Victoria Yu. – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: vika.kalinina2228@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7401-7118

*Статья поступила в редакцию 01.08.2022. Одобрена после рецензирования 24.08.2022. Принята 31.08.2022.
Received 01.08.2022. Approved after reviewing 24.08.2022. Accepted 31.08.2022.*

научная статья
УДК: 327 (470+510)
DOI: 10.48612/rg/rg.RGW.24.5

Советско-китайские отношения в 1980-е годы

Нечай Александра Александровна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ aleksandranechai@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

***Аннотация.** В XXI в. взаимодействие двух крупнейших акторов современных международных отношений – России и Китая – характеризуется широким спектром областей сотрудничества, включая контакты на высшем уровне, стратегическое партнёрство, совместное участие в масштабных международных и региональных организациях, таких как БРИКС и ШОС. Однако история российско-китайских отношений, а в исторической ретроспективе и советско-китайских отношений в разные исторические периоды характеризовалась как сотрудничеством, так и конфронтацией. Особый интерес представляет нормализация советско-китайских отношений в 1980-х годах после дипломатического конфликта, начавшегося в конце 1950-х годов. Актуальность данного исследования заключается в том, что нормализация советско-китайских отношений оказала важное влияние не только на дальнейшую судьбу двух государств, Советского Союза и КНР, но и определила исход «холодной войны». Анализ предпосылок для нормализации советско-китайских отношений в 1980-е годы, сам процесс, а также основные проблемы, с которыми столкнулись два государства на этом пути представляют фокус предлагаемой публикации. В рамках исследования были выявлены поворотные исторические моменты в восстановлении советско-китайских отношений. Особое место отводится встрече, состоявшейся 18 мая 1989 г. в Пекине, в которой приняли участие главы обеих стран: М.С. Горбачев и Дэн Сяопин. В результате появилось «Совместное советско-китайское коммюнике», основные идеи которого приведены и проанализированы в публикации. В данном исследовании подробно освещается генезис концепции «о трёх препятствиях», выдвинутой Дэн Сяопином: уход Вьетнама из Камбоджи, вывод советских войск из Афганистана и сокращение советского военного присутствия на северных границах Китая. Эти «три препятствия» долгое время не позволяли нормализовать отношения между Москвой и Пекином. Для лучшего понимания хода событий, автором изучены и представлены воспоминания очевидцев: заместителя министра иностранных дел (с 1988 года – министра иностранных дел) Цянь Цичэня, а также знаменитого китайского дипломата Ли Цзинсяна. Поворот в советско-китайских отношениях и сближение двух стран, в первую очередь, был продиктован наличием взаимных политических и экономических выгод: конфликтом КНР и США в связи с оказываемой военной помощи Тайваню, навязываемой Соединёнными Штатами Америки гонки вооружений Советскому Союзу, заинтересованностью КНР в модернизации китайской промышленности специалистами нашей страны, а также взаимовыгодными торговыми отношениями между двумя*

государствами. Кроме того, предлагается вывод о том, что «Пять принципов мирного сосуществования», которыми впредь должны были руководствоваться обе страны при осуществлении своей внешнеполитической деятельности, позволял сосредоточиться на решении внутренних задач и наращивании социально-экономического потенциала.

Ключевые слова: Советский Союз; Китай; Тайвань; США; Холодная война; советско-китайское коммюнике; советско-китайские переговоры; нормализация отношений

Для цитирования: Нечай А.А. Советско-китайские отношения в 1980-е годы // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 68–83. DOI: 10.48612/rg/rg.RGW.24.5

© Нечай А.А., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327 (470+510)

DOI: 10.48612/RG/RG.RGW.24.5

Relations between The Soviet Union and China in the 1980s

Aleksandra A. Nechai ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ aleksandranechai@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

Abstract. *In the 21st century, the interaction between the two largest actors in contemporary international relations – Russia and China – is characterized by a wide range of areas of cooperation, including contacts at the highest level, strategic partnership, and joint participation in large-scale international and regional organizations such as BRICS and the SCO. However, the history of Russian-Chinese relations and, in historical retrospect, of Soviet-Chinese relations has been characterized by both cooperation and confrontation in different historical periods. Of particular interest is the normalization of Soviet-Chinese relations in the 1980s after the diplomatic conflict that began in the late 1950s. The relevance of this study lies in the fact that the normalization of Soviet-Chinese relations had an important impact not only on the fate of the two countries, the Soviet Union and the PRC, but also determined the outcome of the Cold War. An analysis of the prerequisites for the normalization of Soviet-Chinese relations in the 1980s, the process itself, and the main problems encountered by the two states on this way represent the focus of the proposed publication. The study identifies the turning points of history in the restoration of Sino-Soviet relations. A special place is given to the meeting held on May 18, 1989 in Beijing, which was attended by the heads of both countries: Mikhail Gorbachev and Deng Xiaoping. As a result, a "Joint Sino-Soviet Communiqué" appeared, the main ideas of which are presented and analyzed in the publication. This study details the genesis of the "three obstacles" concept put forward by Deng Xiaoping: Vietnam's withdrawal from Cambodia, Soviet withdrawal from Afghanistan, and the reduction of the Soviet military presence on China's northern borders. These "three obstacles" have long prevented the normalization of relations between Moscow and Beijing. For a better understanding of the course of events, the author has studied and presented the memories of eyewitnesses: Deputy Foreign Minister (from 1988 – Minister of Foreign Affairs) Qian Qicheng, as well as the famous Chinese diplomat Li Jingxiang.*

The turnaround in Soviet-Chinese relations and the rapprochement between the two countries was primarily dictated by mutual political and economic benefits: the conflict between China and the United States over military aid to Taiwan, the arms race imposed by the United States on the Soviet Union, China's interest in modernizing Chinese industry by specialists from our country, and mutually beneficial trade relations between the two states. In addition, it is concluded that the Five Principles of Peaceful Coexistence, which henceforth should guide both countries in their foreign policy activities allowed them to concentrate on solving domestic tasks and building up social and economic potential.

Keywords: Soviet Union; China; Taiwan; United States; Cold War; Soviet-Chinese Communiqué; Soviet-Chinese negotiations; normalization of relations

For citation: Nechai, A.A. Relations between The Soviet Union and China in the 1980s. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 68–83. DOI: 10.48612/rg/rg.RGW.24.5

© Nechai, A.A., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение. Начало стремления Китая улучшить отношения с Советским Союзом последовало за конфронтацией между КНР и США в 1982 г. по поводу продажи оружия Тайваню. В целях разрешения вопроса о продаже США оружия Тайваню 17 августа 1982 г. правительства двух стран путем переговоров достигли договоренности и опубликовали совместное китайско-американское коммюнике, сокращенно именуемое «Коммюнике от 17 августа», в котором правительство США заявляет, что «оно не стремится к проведению долговременной политики продажи оружия Тайваню. Продаваемое им оружие Тайваню как по качеству, так и по количеству не будет превышать уровень оружия, поставленного в последние годы после установления дипломатических отношений между КНР и США. Оно готово постепенно уменьшить объем продажи оружия Тайваню, что приведет к окончательному разрешению через определенный отрезок времени» [1]. Однако лидеры Китая считали, что Соединенные Штаты пытаются использовать то, что Вашингтон воспринял как уязвимость Китая в стратегическом отношении, чтобы заставить Китай подчиниться неприемлемым продажам оружия США Тайваню. Улучшение связей Китая с Москвой могло бы противодействовать этому, ослабляя способность Вашингтона разыгрывать советскую карту против Пекина. Неприемлемые шаги администрации Рейгана в отношении Тайваня были главным фактором, побудившим Дэна перейти от риторической оппозиции советскому гегемонизму к оппозиции гегемонизму вообще, чтобы

установить надлежащий баланс между двумя сверхдержавами [2, с. 95]. Советская военная угроза Китаю значительно уменьшилась с 1970-х годов. Тот факт, что Москва не смогла действовать против Китая во время войны Китая против Вьетнама в 1979 году, сигнализировал об осторожности советской власти. То же самое сказалось и на том факте, что советские войска увязли в войне в Афганистане. Соединенные Штаты, со своей стороны, быстро наращивали свои вооруженные силы, противопоставляя Советскому Союзу настоящую гонку вооружений.

Модернизация крупной промышленной базы Китая советского происхождения также послужила одним из мотивов расширения экономического сотрудничества с Советским Союзом. Большая часть промышленности Китая в начале 1980-х годов все еще основывалась на технологиях и оборудовании, поставленных СССР в 1950-х годах. За прошедшие десятилетия советские конструкторские бюро модернизировали большую часть этого оборудования. Включение этих советских усовершенствований в промышленный фонд Китая могло бы внести важный вклад в модернизацию китайской промышленности. Важна была и торговля: для пяти китайских провинций и автономных районов, граничащих с СССР и союзной СССР Монголией, Советский Союз был естественным торговым партнером.

Материалы и их обсуждение. Начало процесса китайско-советского сближения началось с выступления Генерального секретаря Леонида Брежнева в марте 1982 года в Ташкенте. В речи Брежнева, изобилующей резкой критикой Китая, КНР была признана социалистической страной, а также была выражена надежда на улучшение отношений с Китаем и отмечено, что Советский Союз, в отличие от других держав, никогда не отрицал, что Тайвань является частью КНР. Брежнев также предложил возобновить переговоры между Советским Союзом и КНР [3]. Дэн Сяопин сразу же отметил слова советского лидера и приказал МИД подготовить ответ. Этот ответ, по указанию Дэна, должен опровергнуть многочисленные антикитайские выпады Брежнева, но также намекнуть на осознание возможных новых советских подходов, подчеркнув при этом, что Китай будет обращать внимание на действия со стороны Советского Союза, а не на слова. Нормализация отношений с Советским союзом была

одной из четырёх целей, которые стремился достичь Дэн Сяопин во внешней политике помимо нормализации китайско-японских отношений, нормализации китайско-американских отношений и решения вопроса о возвращении Гонконга. Среди четырех основных задач, с точки зрения сложности их решения, нормализация китайско-советских отношений, являлась наиболее трудной [4].

Дэн Сяопин созвал встречу в Пекине, чтобы обсудить очевидный сдвиг в советской политике. На встрече присутствовали Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь и несколько других высокопоставленных руководителей, а также руководящие кадры МИД, в том числе Цянь Цичэнь. Обсуждение заключалась в том, что Советский Союз увяз в Афганистане и столкнулся с серьезным глобальным вызовом со стороны Соединенных Штатов Америки, ныне возглавляемых Рональдом Рейганом. Недавнее сотрудничество между КНР и США было крайне невыгодным для Советского Союза, которому нужно было избегать одновременных «атак» на Востоке и на Западе. Советские урожаи в последний год были скудными, а расходы на оборону ложились тяжелым бременем. Очевидный поиск Москвой ослабления напряженности в отношениях с Китаем был частью ответа Москвы на эти вызовы. Китаю следовало использовать возможность для улучшения отношений с Москвой, но только на основе ряда условий – в частности, ухода Вьетнама из Камбоджи, вывода советских войск из Афганистана и сокращения значительного советского военного присутствия на северных границах Китая. Дэн считал это тремя большими препятствиями на пути нормализации китайско-советских отношений. Дэн также заявил, что политика Китая в отношении Советского Союза должна основываться на национальных интересах, а не на идеологии [5].

Л.И. Брежнев умер в ноябре 1982 г. Его похороны предоставили Пекину возможность улучшить двусторонние отношения, прибегнув к так называемой «похоронной дипломатии». Действия Пекина были тщательно спланированы. Они начались с визита заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Уланфу в советское посольство в Пекине, чтобы выразить соболезнования в связи с кончиной Брежнева [6, р. 638]. Кроме того, Дэн Сяопин решил, что Хуан Хуа должен стать специальным

эmissаром Китая на похоронах. Так Хуан Хуа стал первым китайским чиновником министерского уровня, посетившим Москву с тех пор, как Чжоу Эньлай в 1964 году посетил 47-летнюю годовщину Октябрьской революции.

В заявлении Хуан Хуа, посвященном Брежневу, он уважительно отзывался о бывшем советском лидере, назвав его «выдающимся государственным деятелем Советского Союза» [7], который «во многих выступлениях заявлял, что будет привержен делу улучшения китайско-советских отношений» [7]. Хуан Хуа лишь в общих чертах намекал на неурядицы в китайско-советских отношениях при Брежневе и выражал надежду на улучшение двусторонних отношений.

На этом пребывание Хуан Хуа в Москве не закончилось: он, следуя указаниям Дэн Сяопина, предложил встретиться с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко и получил положительный ответ. Два министра иностранных дел проговорили более двух часов. Это была первая встреча на уровне министров иностранных дел между Китаем и Советским Союзом впервые за 20 лет. Хотя никаких существенных результатов достигнуто не было, однако сама встреча символизировала, что лед в отношениях между Китаем и Советским Союзом тронулся.

В октябре 1982 г. Цянь Цичэнь начал переговоры с СССР. Дэн Сяопин проинструктировал Цянь не проявлять слишком большого энтузиазма и не настаивать на сближении Китая и Советского Союза. Цянь должен был подвести к тому, чтобы Советский Союз предпринял некоторые полезные КНР действия – особенно в отношении прекращения поддержки Москвой вьетнамской оккупации Камбоджи. Москва должна побудить Вьетнам уйти из Камбоджи. Следуя инструкциям Дэн Сяопина, Цянь Цичэнь ухватился за проблему «трех больших препятствий».

Переговоры продолжались до февраля 1989 г. На протяжении всего времени ключевым требованием Китая и самой большой трудностью, которую необходимо было преодолеть, было обязательство Советского Союза добиться ухода вьетнамцев из Камбоджи. В течение нескольких лет Москва отвергала требование Пекина обсудить вьетнамско-камбоджийскую ситуацию, заявляя, что «три препятствия» Пекина – это предварительные условия, которым не место в переговорах. Требования

Пекина в отношении Вьетнама/Камбоджи, якобы, ущемляли интересы третьих сторон, а советская политика в отношении Вьетнама и Камбоджи никоим образом не представляла угрозы безопасности Китая, настаивали советские представители [8, p. 316]. Сам Цянь Цичэнь высоко оценил роль первого раунда переговоров, поскольку он не только ознаменовал конец состояния конфронтации и отсутствия диалога между двумя странами, но и указал на то, что отношения между двумя странами перейдут от многолетней конфронтации в стадию мирного урегулирования [9, p. 241].

Возобновление экономического сотрудничества не стало заложником проблемы трех препятствий. В декабре 1984 года первый заместитель председателя Совета Министров СССР Иван Архипов, возглавлявший советскую миссию по оказанию помощи Китаю в 1950-х годах, посетил Китай по приглашению экономического специалиста КПК Яо Илия. Цянь Цичэнь отметил, что за долгий период плохих китайско-советских отношений Архипов не делал негативных заявлений о Китае. У И.А. Архипова также было много старых друзей в Китае, с которыми он работал в 1950-х годах – Дэн Сяопин, Чен Юнь, Бо Ибо, Пэн Чжэнь, которых он посетил во время своего пребывания в 1984 году. Архипов проявлял большой интерес к открытию и реформированию Китая. Визит Архипова в Китай имел не только большое политическое, но и практическое значение: в ходе этого визита стороны подписали «Соглашение о китайско-советском экономическом и технологическом сотрудничестве» и «Советско-китайское соглашение о создании Комитета по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству», которые позволили двум странам возобновить прерванное на долгие годы экономическое и технологическое сотрудничество.

9 июля следующего года вице-премьер Яо Илия посетил Советский Союз с ответным визитом. Стороны подписали Советско-китайское соглашение об обмене товарами и платежами на 1986–1990 годы, а также экономическое и техническое соглашение о строительстве и преобразовании промышленных объектов в Китае. Согласно договору, Советский Союз должен был поставить Китаю сталь, древесину, удобрения, локомотивы, автомобили, самолеты и другие товары, а также построить и переоборудовать для Китая несколько промышленных

объектов. Объем китайско-советской торговли увеличился с 2,65 млрд швейцарских франков в 1984 году до 4,6 млрд швейцарских франков в 1985 г. [10].

В октябре 1985 г. Дэн Сяопин повысил ставки: во время визита лидера румынских коммунистов Николая Чаушеску в Пекин подчеркнул, что Китай «придаёт большое значение практическим действиям. Практические действия включают в себя вопросы Афганистана и Камбоджи, включая размещение войск на границах государства» [4]. Дэн Сяопин сказал своему гостю, что, если Китай и Советский Союз смогут прийти к соглашению о том, что Советы призывают Вьетнам уйти из Камбоджи, он готов принять Горбачева в Пекине.

Впервые Дэн Сяопин выдвинул на обсуждение возможность встречи на высшем уровне с Горбачевым. Дэн попросил Чаушеску передать сообщение М.С. Горбачеву. Во второй половине 1986 г., когда СССР при Горбачеве начал отходить от прежней борьбы Советского Союза с Соединенными Штатами за мировую гегемонию, Москва захотела не только говорить об устранении трех препятствий, но и принимать для этого меры. Постепенно Москва приняла предложение о том, что уход вьетнамцев из Камбоджи является важным фактором в китайско-советских отношениях и что обе стороны должны сделать все возможное, чтобы побудить Вьетнам искать решение камбоджийского вопроса. Цянь снова подчеркнул Камбоджу как наиболее важное из трех препятствий [9, p. 250].

На выступлении во Владивостоке в июле 1986 г. М.С. Горбачёв публично подтвердил готовность к советско-китайской встрече на любом уровне. Во владивостокской речи были также обозначены подходы к устранению так называемых «трех препятствий»: объявлено о значительном сокращении военного присутствия СССР в Монголии, о частичном выводе советских войск из Афганистана, выражена заинтересованность СССР в нормализации китайско-вьетнамских отношений [11, с. 274]. Практическим результатом речи М.С. Горбачева во Владивостоке стало возобновление пограничных переговоров.

В январе 1988 г. Дэн повторил через представителя МИД, что готов встретиться с Горбачевым, но только при условии, что Москва убедит Вьетнам уйти из Камбоджи. Несколькими днями ранее Горбачев указал в

интервью китайскому журналу, что надеется на встречу с Дэн Сяопином. Теперь Дэн выразил готовность к встрече на высшем уровне. К сентябрю 1988 г. Москва и Пекин достигли взаимопонимания по Вьетнаму и Камбодже.

1 декабря 1988 г. министр иностранных дел Цянь Цичэнь прибыл в Москву с трехдневным официальным визитом в Советский Союз. Это был первый раз за более чем 30 лет, когда министр иностранных дел Китая ступил на советскую территорию. Министры иностранных дел Китая и СССР сосредоточили внимание на обмене мнениями о скорейшем и полном урегулировании камбоджийской проблемы и достигли определенного консенсуса. Министры иностранных дел Китая и СССР не общались друг с другом более 30 лет. Они встречались всего несколько раз во время Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Поэтому Цянь Цичэнь придавал большое значение этому визиту в Советский Союз, назвав его «поездкой, которая “ломает лёд” в отношениях» между двумя государствами [5].

На второй день пребывания Цянь Цичэня в Москве с ним встретился Горбачёв. Это была его третья встреча с важными китайскими официальными лицами после двух встреч с вице-премьером Ли Пэном в Москве весной и зимой 1985 года в качестве генерального секретаря ЦК КПСС. Встречаясь с министром иностранных дел Цянем, он говорил о внутренних реформах, советско-китайских отношениях и международных тенденциях. В ходе беседы Горбачев признал, что СССР «также был виновен» в некоторых вещах, которые произошли между Советским Союзом и Китаем в прошлом. Это была самая веская фраза, сказанная Горбачевым за 1 час 40 минут встречи. [...] Довольно редко в истории китайско-советских отношений высшее руководство Советского Союза официально признавало на нашей стороне свою вину [5].

Однако дипломатическая битва за Вьетнам и Камбоджу продолжалась. Министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе прибыл в Пекин в начале декабря 1988 г. для уточнения деталей предстоящего визита Горбачева. Шеварднадзе был первым советским министром иностранных дел, посетившим Китай после визита Громыко в 1958 г. в разгар кризиса в Тайваньском проливе. Цянь и Шеварднадзе

провели три раунда переговоров. Сутью каждого была Камбоджа. Шеварднадзе не хотел назначать дату ухода Вьетнама из Камбоджи. По словам Шеварднадзе, Москва не могла просто отдавать приказы Ханюю. Шеварднадзе уехал в СССР без согласования по вопросу. Он вернулся два месяца спустя, в феврале 1989 г., чтобы попробовать еще раз. Министр иностранных дел СССР предложил в качестве даты визита Горбачева 15–18 мая и предложил объявить об этом в совместном заявлении. Однако Шеварднадзе не пожелал назвать конкретную дату вывода вьетнамских войск из Камбоджи. Цянь проконсультировался с Дэн Сяопином по этому вопросу. Дэн сказал, что, хотя фактическая дата встречи Горбачева не может быть изменена, объявление этой даты было тактическим вопросом, который должен был решить Цянь. Когда на следующий день Шеварднадзе встретился с Дэном, советский посланник попытался уговорить Дэна согласиться на дату 15–18 мая, но Дэн сказал Шеварднадзе урегулировать вопрос с Цянем. Шеварднадзе отправился в аэропорт, чтобы вернуться в СССР, но неоднократно откладывал свой отъезд, пока Цянь задерживался в зале ожидания аэропорта. На кону стояла встреча М.С. Горбачева с Дэн Сяопином и полная нормализация китайско-советских отношений. Советская сторона предложила выпустить совместное коммюнике, и китайская сторона согласилась. Теперь Шеварднадзе отказался указать в коммюнике конкретную дату вывода вьетнамских войск. Таким образом нормализации китайско-советских отношений не добиться – считал Цянь. В конце концов Шеварднадзе согласился оставить двух глав управлений МИД СССР для продолжения переговоров. На следующий день эти представители согласились с совместным заявлением, в котором указывалась дата ухода Вьетнама из Камбоджи.

6 февраля 1989 г. министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь и министр иностранных дел СССР Шеварднадзе сделали в Пекине совместное заявление о политическом урегулировании камбоджийского вопроса. Предусматривалось, что Пекин и Москва примут к сведению объявленное Вьетнамом решение вывести все свои войска из Кампучии не позднее конца сентября 1989 г. В совместном заявлении выражена надежда на то, что это решение будет реализовано, и заявлена готовность двух стран приложить усилия для достижения этой цели. Было установлено, что

внутренние вопросы Камбоджи должны быть урегулированы путем переговоров и без какого-либо внешнего вмешательства. Китай и Советский Союз выразили согласие продолжить обсуждение существующих разногласий, отметив, что урегулирование камбоджийского вопроса будет способствовать устранению источника напряженности в Юго-Восточной Азии, а также будет способствовать оздоровлению политической ситуации в регионе, его миру и стабильности [12]. Примечателен тот факт, что сроки визита Горбачева в Пекин были объявлены в тот же день, когда было опубликовано совместное коммюнике по Камбодже.

В рамках подготовки к встрече на высшем уровне с Горбачевым в мае 1989 г. Дэн издал две директивы: «Рукопожатие, но не объятия» и «Покончить с прошлым, открыть будущее». Первая директива была, по крайней мере отчасти, попыткой убедить Вашингтон в том, что новые китайско-советские отношения будут подразумевать добрососедское и дружеское сотрудничество, но не будут отношениями братских товариществ, как в 1950-х годах. Очевидец той встречи, знаменитый китайский дипломат, Ли Цзинсян вспоминает: «Позже я узнал от советского друга, что китайские протоколисты передали это напоминание [о рукопожатии – *авт.*] советскому посольству в Китае, а посол Трояновский немедленно сообщил об этом самому Горбачеву. В 10 часов 16 мая 1989 г., когда Горбачев встречался с товарищем Дэн Сяопином, он не забыл об этом «напоминании» и только пожал руку высшему китайскому руководителю. Однако они довольно долго пожимали друг другу руки: друг засёк время и отсчитал целых 35 секунд» [5].

Вторая директива «Покончить с прошлым, открыть будущее» была попыткой подвести черту под спорами и враждой, подрывавшими советско-китайские отношения на протяжении последних тридцати лет, и открыть новую эру дружественного сотрудничества. Дэн сформулировал китайско-советские отношения с точки зрения века унижений Китая со стороны великих держав, а затем перешел к трудностям между Москвой и Пекином в последние десятилетия. Суть спора, по мнению Дэна, заключалась в попытке Москвы поставить Китай в неравное положение. Цель напоминания об этих прошлых трудностях заключалась не в том,

чтобы критиковать Советский Союз, а в том, чтобы позволить обеим сторонам смотреть вперед, а не в прошлое. Несмотря ни на что, китайский народ никогда не забывал помощь Советского Союза в строительстве Нового Китая в 1950-х годах. Что касается идеологических дебатов между двумя партиями и странами, проходивших в последние 20 лет, обе стороны вели много пустых идеологических дискуссий – что было лишним. Дэн Сяопин также подчеркнул, что решающим фактором в нормализации отношений между двумя странами является равноправие.

Горбачев заявил, что советская сторона «чувствует определенную вину и ответственность» [5] за некоторые прошлые события в советско-китайских отношениях. Однако «нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений, подчинять им внешнюю политику, ибо идеологии могут быть полярными, а интерес выживания, предотвращения войны является всеобщим и высшим» [13, с. 146.].

В совместном коммюнике от 18 мая 1989 г. было зафиксировано главное: «Обе стороны высказали единое мнение, что советско-китайская встреча на высшем уровне знаменует собой нормализацию межгосударственных отношений между Советским Союзом и Китаем» [14, с. 473], что отвечает интересам и чаяниям двух народов, способствует поддержанию мира и стабильности во всем мире [...]. Отныне межгосударственные отношения будут основываться на Пяти принципах мирного сосуществования, что обеспечит нормальные, дружеские, добрососедские отношения. Китайско-советские отношения не были направлены против какой-либо третьей страны и обе стороны обязуются не наносить ущерба интересам какой-либо третьей страны [15].

В области внешней политики стороны подтвердили, что ни СССР, ни КНР не претендуют на гегемонию в какой бы то ни было форме в Азиатско-Тихоокеанском регионе и других районах мира [14, с. 473].

Важным результатом переговоров М.С. Горбачева и Дэн Сяопина также можно считать, что обе стороны согласились принять меры по сокращению вооруженных сил в приграничных районах между Китаем и Советским Союзом до минимального уровня, совместимого с нормальными добрососедскими отношениями между двумя странами, а также приложить усилия для укрепления доверия и сохранения спокойствия в приграничных

регионах. Более того, Советская сторона поддержала позицию китайского правительства, которая решительно выступает против любых попыток создания «двух Китаев», «одного Китая, одного Тайваня» или «независимости Тайваня». Это также нашло отражение в тексте Коммюнике.

Заключение. К концу 1980-х годов Китай и СССР подходили к нормализации отношений. Важную роль играл поиск взаимных политических и экономических выгод – во многом обусловленный конфликтами с США – как со стороны СССР, в первую очередь, так и со стороны Китая. При этом, и Китай, и Советский Союз пытались найти такие компромиссы, которые бы не слишком сильно задели бы их интересы. В конечном итоге, можно сказать, что интересы СССР не пострадали, хотя Китай и смог добиться реализации своей позиции по Камбодже, из которой просоветский Вьетнам вывел свои войска. Тем не менее в Китае и СССР назревали кризисные политические события: СССР в скором времени перестанет существовать как государство, а в Китае произойдет конфликт на площади Тяньаньмэнь. В отличие от СССР – в Китае Коммунистическая партия сумеет удержать бразды правления, продолжая реформистскую политику при жестком удержании своей власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тайваньский вопрос и объединение Китая. [эл. доступ]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceby/rus/zt/zgtw/t265038.htm> (дата обращения: 18.07.2022).
2. Песков Ю.С. СССР–КНР: от конфронтации к партнерству / Ю. С. Песков. – М.: РАН Дальнего Востока, 2002. 192 с.
3. Цянь Цичэнь 钱其琛. Цзешу гоцюй кайпи вэйлай —Хуэйи Ден Сяопин тунчжи гуаньюй шисянь чжунсу гуаньси чжэнчанхуадэ чжаньюэ цзюэцэ 结束过去开辟未来——回忆邓小平同志关于实现中苏关系正常化的战略决策. [Покончить с прошлым – открыть будущее. Вспоминая стратегическое решение товарища Дэн Сяопина нормализовать советско-китайские отношения]. [эл. доступ]. URL: <http://www.people.com.cn/9802/20/current/newfiles/e1021.html> (дата обращения: 17.07.2022).
4. 1989 нянь : чжунсу гуаньси “Цзешу гоцюй, кайпи вэйлай” 1989年：中苏关系“结束过去，开辟未来” [1989 год: китайско-советские отношения «покончили с прошлым и открыли будущее»] // Янань жибао 延安日报 [Ежедневная газета Яньань]. 18.01.2022. S. 8.

5. Ли Цзинсянь 李景贤. Ден Сяопин юй Гээрбацяофу хуэйцзянь чжуйи 邓小平与戈尔巴乔夫会见追忆. [Воспоминание о встрече Дэн Сяопина с Горбачевым]. [эл. доступ]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/85037/85038/7407132.html> (дата обращения: 17.07.2022).
6. John W. Garver. *China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 888 p.
7. Сулянь линдаожэнь цзелянь цюйши, Чжунго дуй Су “Цзанли вайцзяо” жунхуа чжунсу гуаньси цзяньбин 苏联领导人接连去世, 中国对苏“葬礼外交”, 融化中苏关系坚冰. [Черета смертей руководителей Советского союза. Как «похоронная дипломатия» Китая растопила лёд в китайско-советских отношениях] [эл. доступ]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1705317150855350826&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 17.07.2022).
8. Andrej Piev. *USSR–China relations in the cold and post cold war era // Wulfenia Journal*. 2015. № 3. P. 313–326.
9. Harold M. Tanner. *China: A History (Volume 2): From the Great Qing Empire through The People's Republic of China, (1644–2009)*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc., 2010. 304 p.
10. Ден Сяопин хуэйи чжунсу луньчжань : хуэйтоу кань шуанфан доу цзянлэ суйдо кунхуа 邓小平回忆中苏论战: 回头看双方都讲了许多空话. [Дэн Сяопин вспоминает китайско-советские дискуссии: «Оглядываясь назад, понимаешь, что обе стороны говорили много пустых слов». [эл. доступ]. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/history/2016-04-06/doc-ixqxcnp8687630.shtml> (дата обращения: 17.07.2022).
11. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. Под ред. А. В. Лукина. М.: «Весь мир», 2013. 704 с.
12. 1989 нянь 2 юэ 6 жи чжунсу вайчан Гуаньюй чжэнчжи цзецзюэ Цзяньпучжай вэньтидэ гунтун шэнмин. 1989年2月6日中苏外长"关于政治解决柬埔寨问题的共同声明". [Совместное заявление министров иностранных дел Китая и СССР «О политическом решении камбоджийского вопроса» от 6 февраля 1989 года] [эл. доступ]. URL: <http://www.mouluexue.com/sulian/20201121129.html> (дата обращения: 27.07.2022).
13. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М. С. Горбачев. М. : Политиздат, 1987. 271 с.
14. Песков Ю.С. Нормализация советско-китайских отношений // История Китая с древнейших времён до начала XXI века. М.: ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический центр «Наука», 2016, С. 472–475.
15. Чжунсу лянхэ гунбао 中苏联合公报. [Совместное китайско-советское коммюнике]. [эл. доступ]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E8%8B%8F%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/3540265> (дата обращения: 18.07.2022).

REFERENCES

1. Tayvanskiy vopros i obyedineniye Kitaya. [The Taiwan question and the unification of China]. Available at <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceby/rus/zt/zgtw/t265038.htm> (accessed: 18.07.2022). (In Russ.).
2. Peskov Yu.S. SSSR–KNR: ot konfrontatsii k partnerstvu [USSR–PRC: from confrontation to partnership] / Yu. S. Peskov. M.: RAN Dalnego Vostoka, 2002. 192 s. (In Russ.).
3. Tsyhan Tsichen 钱其琛. Tszeshu gotsyuy kaypi veylay – Khueyi Den Syaopin tunchzhi guanyuy shisyan chzhunsu guansi chzhenchankhuade chzhanlyue tszyuetse 结束过去开辟未来——回忆邓小平同志关于实现中苏关系正常化的战略决策. [End the past – open the future. Remembering the strategic decision of Comrade Deng Xiaoping to normalize Sino-Soviet relations]. Available at <http://www.people.com.cn/9802/20/current/newfiles/e1021.html> (accessed: 17.07.2022). (In Chin.).
4. 1989 nyan : chzhunsu guansi “Tszeshu gotsyuy, kaypi veylay” 1989年：中苏关系“结束过去，开辟未来” [1989: Sino-Soviet relations "do away with the past and open up the future"]. *Yanan zhibao 延安日报 [Yan'an daily newspaper]* 18.01.2022. S. 8. (In Chin.).
5. Li Tszinsyan 李景贤. Den Syaopin yuy Geerbatsyaofu khueytszyan chzhuyi. 邓小平与戈尔巴乔夫会见追忆 [Memories of Deng Xiaoping's meeting with Gorbachev] Available at <http://cpc.people.com.cn/GB/85037/85038/7407132.html> (accessed: 17.07.2022). (In Chin.).
6. John W. Garver. *China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 888 p.
7. Sulyan lindaozhen tszelyan tsyuyshi, Chzhungo duy Su “Tszanli vaytszyao” zhunkhua chzhunsu guansi tszyanbin. 苏联领导人接连去世，中国对苏“葬礼外交”，融化中苏关系坚冰. [A series of deaths of the leaders of the Soviet Union. How China's "funeral diplomacy" melted the ice in Sino-Soviet relations] Available at <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1705317150855350826&wfr=spider&for=pc> (accessed: 17.07.2022). (In Chin.).
8. Andrej Iliev. USSR–China relations in the cold and post cold war era. *Wulfenia Journal*. 2015. № 3. P. 313–326.
9. Harold M. Tanner. *China: A History (Volume 2): From the Great Qing Empire through The People's Republic of China, (1644–2009)*. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc., 2010 304 p.
10. Den Syaopin khueyi chzhunsu lunchzhan : khueytou kan shuanfan dou tszyanle syuydo kunkhua 邓小平回忆中苏论战：回头看双方都讲了许多空话. [Deng Xiaoping recalls the Sino-Soviet discussions: “Looking back, both sides spoke a lot of empty words]. Available at <http://mil.news.sina.com.cn/history/2016-04-06/doc-ixqxcnp8687630.shtml> (accessed: 17.07.2022). (In Chin.).
11. Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations]. Pod red. A. V. Lukina. M.: «Ves mir», 2013. 704 s. (In Russ.).
12. 1989 nyan 2 yue 6 zhi chzhunsu vaychan Guanyuy chzhenchzhi tszetszyue Tszyanpuchzhay ventide guntun shenmin. 1989年2月6日中苏外长《关于政治解决柬埔寨问题的共同声明》 [Joint statement of the Ministers of Foreign Affairs of China and the

USSR "On the political solution of the Cambodian issue" of February 6, 1989]. Available at <http://www.mouluxue.com/sulian/20201121129.html> (accessed: 27.07.2022). (In Chin.).

13. Gorbachev M.S. Perestroika i novoye myshleniye dlya nashey strany i dlya vsego mira [Perestroika and new thinking for our country and for the whole world] / M. S. Gorbachev. M. : Politizdat, 1987. 271 s. (In Russ.).

14. Peskov Yu.S. Normalizatsiya sovetsko-kitayskikh otnosheniy [Normalization of Soviet-Chinese relations]. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka*. M.: FGUP «Akademicheskij nauchno-izdatelskiy, proizvodstvenno-poligraficheskiy tsentr «Nauka», 2016, s. 472–475. (In Russ.).

15. Chzhunsu lyankhe gunbao 中苏联合公报 [Joint Sino-Soviet communiqué]. Available at <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E8%8B%8F%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/3540265> (accessed: 18.07.2022). (In Chin.).

Сведения об авторах / Information about authors

Нечай Александра Александровна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: aleksandranechai@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7068-0185

Nechai Aleksandra A. – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: aleksandranechai@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7068-0185

*Статья поступила в редакцию 11.08.2022. Одобрена после рецензирования 14.08.2022. Принята 31.08.2022.
Received 11.08.2022. Approved after reviewing 14.08.2022. Accepted 31.08.2022.*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

Научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.6

Культурное взаимодействие Китая со странами инициативы «Один пояс – один путь»

Го Шаньшань ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ shanshan.go@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1109-4180>

***Аннотация.** Влияние культурной политики Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» охватывают взаимодействие с различными государствами Азии. В исследовании предлагается анализ материалов, выявление специфики взаимодействия Китая с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате исследования выявлено, что культурное сотрудничество Индии и Китая является наиболее сложным для развития взаимоотношений между странами, оно имеет низкую эффективность культурной политики КНР, проводимой в Индии. Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии находятся в лучшем состоянии, однако существуют территориальные споры в акватории Южно-Китайского моря. Образовательный обмен между Китаем и Монголией характеризуется как очень тесный, имеющий большой потенциал для развития. Китай и Казахстан выступают за сотрудничество средств массовой информации, оказывают поддержку академическим обменам между научными кадрами двух стран, участвуют в совместном создании литературных произведений, кино и телевизионного контента, в сфере перевода, развивают обмены между представителями литературы и художественных искусств, укрепляют сотрудничество в гуманитарных областях, образовании, здравоохранении, спорте, в молодежном обмене и туризме. С 2014 г. взаимоотношения Китая и Россией начали выходить на новый уровень. В России неуклонно растет популярность китайского языка. 2020 и 2021 годы были провозглашены Годом научно-технического и инновационного сотрудничества между двумя странами. При проведении и достижении результатов в своей внешней культурной политике КНР совершенствует политику в адрес государств в зависимости от наличия факторов сближения и отдаления.*

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; дипломатия; международные отношения; культура; «мягкая сила»; инициатива «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Го Шаньшань. Культурное взаимодействие Китая со странами инициативы «Один пояс – один путь» // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 84–103. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.6

© Го Шаньшань, 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.6

China's cultural interaction with the countries of the "One Belt, One Road" initiative

Guo Shanshan ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉shanshan.go@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1109-4180>

Abstract. *The influence of China's cultural policy in the framework of the One Belt, One Road initiative covers interaction with various Asian states. The study proposes an analysis of materials, identifying the specifics of China's interaction with other countries in the Asia-Pacific region. As a result, it was found cultural cooperation between India and China is the most difficult for the development of relations between the countries. It has a low efficiency of the cultural policy of the PRC carried out in India. China's relations with the countries of Southeast Asia are in a better state compared to India, however, there are some points concerning territorial disputes in the South China Sea. The educational exchange between China and Mongolia is characterized as very close and has great potential for development. China and Kazakhstan advocate for media cooperation, support academic exchanges between scientific personnel of the two countries, participate in the joint creation of literary works, film and television content, in the field of translation, develop exchanges between representatives of literature and the arts, strengthen cooperation in the humanities, education, healthcare, sports, youth exchange and tourism. Since 2014, relations between China and Russia have begun to reach a new level. The popularity of the Chinese language is steadily growing in Russia. 2020 and 2021 were proclaimed the Years of Scientific, Technical and Innovative Cooperation between the two countries. When conducting and achieving results in its foreign cultural policy, the PRC modifies the policy towards states depending on the presence of factors of convergence and distance.*

Keywords: People's Republic of China; diplomacy; international relations; culture; soft power; «One Belt, One Road» Initiative

For citation: Guo Shanshan. China's cultural interaction with the countries of the "One Belt, One Road" initiative. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 84–103. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.6

© Guo Shanshan, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь» охватывают значительную часть Евразийского региона, а также Африки, однако в рамках данной работы культурное взаимодействие Китая со странами инициативы будет рассматриваться исключительно на азиатском и российском направлениях. Это обусловлено тем, что с идеологической точки зрения «мягкая сила» Китая противопоставляется западной, и именно на примере Российской Федерации и стран Азии, по большей части занимающие промежуточную позицию между Западом и Китаем, а также напрямую граничащие с КНР в регионе, будет легче всего проследить влияние внешней культурной политики КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Постановка проблемы и материалы

Индия. В международных отношениях КНР и Индии исторически возникали противоречия по политическим вопросам, территориальным притязаниям и распространению влияния в регионе, однако Индия – вторая по численности населения страна как в Азии, так и в мире, поэтому с точки зрения формирования стабильной политической обстановки в регионе китайско-индийское сотрудничество необходимо. В сентябре 2014 года председатель КНР Си Цзиньпин посетил индийский Нью-Дели. Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай и Индия являются важными соседями друг для друга, как крупными развивающимися странами, так и странами с формирующимся рынком, двумя важными силами в процессе мировой многополярности, и обе находятся в великом историческом процессе национального возрождения. На международном уровне говорят, что 21-й век – это азиатский век, а развитие Китая и Индии является ключевым. Гармоничное сосуществование, мирное развитие и совместное развитие китайских драконов и индийских слонов принесут пользу 2,5 миллиардам жителей двух стран и огромному числу развивающихся стран и окажут глубокое влияние на регион и мир. Китай рассматривает Индию как долгосрочного стратегического партнера, и мы надеемся на сотрудничество с Индией для установления более тесного партнерства в целях развития и углубления двустороннего сотрудничества на двустороннем, региональном и глобальном уровнях. Как лидеры двух

стран мы должны нести эту историческую ответственность и ответственность [1].

23 октября 2013 года посол Индии в Китае Джайшанкар и заместитель министра культуры Ян Чжицзинь совместно подписали План реализации китайско-индийского соглашения о культурном сотрудничестве 2013–2015. Во время подписания также присутствовали премьер-министр Госсовета КНР Ли Кэцян и премьер-министр Индии Сингх. По содержанию план включает в себя проекты в сфере культурного обмена и китайско-индийского сотрудничества в области культуры и искусства, культурного наследия, спорта, по делам молодежи и средств массовой информации, а также поддерживает и поощряет практическое культурное сотрудничество. Этот документ имел первоочередное значение для дальнейшего углубления культурных связей между Китаем и Индией и для укрепления взаимного доверия между двумя странами [2].

С 14 по 16 мая 2015 года, премьер-министр Индии Нарендра Моди посетил КНР, в ходе этой поездки был подписан меморандум о стратегическом сотрудничестве между Шанхайской киногруппой и индийской кинокомпанией EROS. Подписанный меморандум будет выступать в качестве важного элемента обоюдного развития кинорынков стран, а также расширит продвижение фильмов Китая и Индии на рынке друг друга. Стороны высказали свои надежды развитие сотрудничества в области кино [3].

Несмотря на подписанные документы, взаимоотношения Китая и Индии все еще находятся на стадии разрешения исторических конфликтов [4]. Среди стран группировки БРИКС Индия наименее подвержена влиянию китайской «мягкой силы» [5, с. 23]. В сравнении с динамикой развития культурных обменов между Китаем и Россией, китайско-индийские отношения в этой области развиваются медленными темпами. Это объясняется тем, что кроме наличия исторических территориальных и религиозных конфликтов между Китаем и Индией существует также вопросы политического характера – главенствующая индийская партия имеет националистские правые взгляды, которые опасаются идти на сближение с Китаем из-за возможного усиления оппозиционно настроенного Индийского национального. В глобальном плане Индия придерживается нейтральной позиции по отношению ко всем

региональным державам и стремится взаимодействовать с США, Россией и Китаем равноудаленно, не отдавая предпочтение одной из сторон. Пандемия коронавируса лишь обострила китайско-индийские отношения, хотя с точки зрения экономики Пекин и Нью-Дели все еще остаются важными торговыми партнерами – объем торговли двух стран в 2020 году был равен 77,7 млрд. долларов США, что ставит Китай в ранг крупнейшего торгового партнера Индии [6].

Обобщая все вышеупомянутое, можно отметить, что между культурным сотрудничеством Индии и Китая и их политическими взаимоотношениями проводится параллель – стороны испытывают недоверие друг к другу, что явно препятствует развитию связей и контактов между ними по целому ряду областей. Среди стран Азии Индия является наиболее сложным для развития взаимоотношений партнером Китая и это выливается прежде всего в весьма низкую эффективность проводимой в Индии культурной политики КНР, что в свою очередь вызвано сильными националистическими настроениями в Индии и ее попыткой напрямую конкурировать с Китаем в регионе.

Юго-Восточная Азия. Регион Юго-Восточной Азии на протяжении веков имеет тесные взаимоотношения с Китаем, а часть этих стран находилась в вассальной зависимости во времена имперского Китая. Давние связи этих стран послужили предлогом для продвижения китайского нарратива в рамках инициативы «Один пояс – один путь». В настоящее время через Юго-Восточную Азию пролегает часть инициативы «Морского Шелкового пути» и, таким образом, страны на этом маршруте будут играть важную логистическую роль в инициативе. Осенью 2013 года во время визита в Индонезию председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что участие Юго-Восточной Азии в проектах «Один пояс – один путь» увеличит уровень торговли между Китаем и странами АСЕАН до 1 трлн. долларов США [7].

Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии находятся в лучшем состоянии в сравнении с Индией, однако существуют отдельные моменты, касающиеся территориальных споров акватории Южно-Китайского моря [8, с. 15]. Китай на протяжении длительного времени выражает позицию относительно своего права на всю акваторию, однако

при этом выказывает готовность к открытому диалогу для урегулирования трений.

Саммиты, проводимые АСЕАН, включают в повестку также и обсуждение культурной политики и сотрудничества, поэтому принимая участие в саммитах Китай старается как можно активнее проводить налаживание обсуждения вопросов в сферах культуры, туристических, молодежных и образовательных проектов, совместную работу в СМИ и отделах связей с общественностью. В рамках культурной кооперации КНР выделяет жителям страна АСЕАН стипендии и образовательные гранты [9, с. 357–358].

Активно работает сеть университетов стран АСЕАН, которая представляет собой 22 университета в 10 странах. Организуются регулярные научные и образовательные мероприятия 437.

В 2021 году в китайском Гуйяне прошла Неделя обмена образованием между Китаем и странами АСЕАН. Начиная с 2008 года мероприятие, которое совместно проводят Министерство иностранных дел КНР, Министерством образования и Народное правительство Гуйчжоу, способствует обмену и сотрудничеству между Китаем и странами АСЕАН кадров в сферах высшего образования, профессионального образования, обучению талантов, межшкольному сотрудничеству в улучшении управления школами, совместным научным исследованиям, сотрудничеству кадров в сфере аналитики. Неделя образовательного обмена Китай+АСЕАН отличается эффективностью в построении сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН [10].

В рамках документа, под названием «Совместная декларации о стратегическом партнерстве Китая и АСЕАН во имя мира и процветания» был разработан План действий 2021–2025 годы. Этот план подразумевал собой работу в направлении укрепления и расширения стратегического партнерства, добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и АСЕАН. Среди пунктов, выдвинутых в плане, наибольший интерес представляют пункты, посвященные туризму, культуре, спорту, образованию и сотрудничеству в области научных и технологических инноваций [11].

В сфере туризма отмечается содействие туризму, путешествиям и туристическому обмену, проведение и укрепление политического диалога

между странами и встречи между министрами туризма Китая и АСЕАН, совместная организация мероприятий, семинаров и мастер-классов по увеличению обмена опытом в развитии цифрового туризма, поддержка предприятий, участвующие в мероприятиях под эгидой сотрудничества АСЕАН и КНР.

В сфере образования рекомендуется в полной мере реализовывать «Неделю образовательного обмена» Китая и АСЕАН для осуществления всеобъемлющих обменов и сотрудничества, проводить практическое сотрудничество между вузами, нарастить количество стипендий для двустороннего обмена, поддерживать обмены в области изучения языка, культуры и искусства, формировать курсы повышения квалификации для кадров, задействованных в образовательной сфере, заняться анализом возможностей научного сотрудничества в различных направлениях научного и культурного знания.

В сфере спорта и культуры предполагается реализовать «План действий» Китая и АСЕАН рассчитанный на 2019–2021 годы, усилить диалог между деятелями культуры двух стран, а также диалог между Министрами культуры, проводить мероприятия в виде спектаклей, выставок фестивалей культуры и искусства, проводить обмены между спортсменами и тренерским составом, преподавателями физкультуры, осуществлять обмены между представителями музейного дела, археологов, работников архивов, культурных центров, взаимодействовать в обмене знаниями в области управления материального и нематериального наследия.

Взаимодействие АСЕАН и КНР строится на богатой совместной истории и приграничном расположении стран АСЕАН по отношению к Китаю. Также стоит отметить, что заинтересованность вовлекать Китай страны АСЕАН в инициативу «Один пояс – один путь» из-за их географического положения важной для морской части инициативы. Взаимодействие Китая с отдельными странами АСЕАН в контексте испытывает затруднения из-за наличия территориальных споров, однако оценивая уровень взаимодействия Китая и АСЕАН целиком можно сделать вывод, что продвижение внешней культурной политики КНР в Юго-Восточной Азии имеет большой потенциал.

Монголия. Монголия является приграничным с КНР государством и имеет долгую историю взаимоотношений с Китаем, получив независимость в 1921 году. Начиная с 1924 года, страна выбрала социалистический путь развития, поэтому в скором времени после образования КНР Монголия установила с ней дипотношения. В период советско-китайского охлаждения отношений Монголия тяготела к СССР, что сказывалось на напряженности монгольско-китайских отношений. С приходом советско-китайской нормализации в 80-е года XX века Китай и Монголия ступили на путь подписания торговых, территориальных и экономических соглашений [12, с. 358].

В августе 2014 года Си Цзиньпин посетил столицу Улан-Батор. Это был первый визит лидера КНР в Монголию за 11 лет, во время визита стороны обсудили вопросы укрепления торгово-экономических и дипломатических отношений, было подчеркнуто, что образовательный обмен между Китаем и Монголией характеризуется как очень тесный, имеющий большой потенциал для развития [13].

В 2017 году Монголия и КНР подписали «План осуществления образовательного обмена и сотрудничества на 2018–2021 гг.» между Министерством образования Китайской Народной Республики и Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии, а также «Китайско-монгольский меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в создании научно-технических парков и развитии инновационной инфраструктуры в Монголии» и «Китайско-монгольский меморандум о взаимопонимании по обмену молодыми учеными» [14]. Продолжая плодотворное сотрудничество в 2018 году стороны создали Совместный комитет по гуманитарному обмену, в сферу ответственности которого будут входить культура, наука, образование, молодежные обмены, спорт и взаимодействие между СМИ. По оценкам сторон работа комитета должна вывести китайско-монгольское сотрудничество на более высокий уровень [15, с. 20]. Число туристов, посетивших Монголию в 2019 году, посетили 14,2 млн китайских туристов, монгольских туристов, посетивших Китай насчитывалось 2,1 млн. Образовательный обмен из Монголии в Китай в 2018 году составил 7,5 тысяч студентов, преимущественно в рамках Внутренней Монголии, КНР выделила грантов монгольским учащимся в количестве 258 [15, с. 19–20].

Казахстан. Хотя пандемия и ослабила темпы роста экономических взаимоотношений между странами, Казахстан остается важнейшим партнером Китая в регионе Центральной Азии. Согласно статистике Таможенной службы Китая, в 2020 году объем двусторонней торговли между Китаем и Казахстаном составил 21,43 миллиарда долларов США, что на 2,6% меньше, чем в прошлом году. Среди них экспорт Китая в Казахстан составил 11,71 млрд. долларов США, что на 8% меньше, чем в прошлом году, импорт из Казахстана составил 9,72 млрд. долларов США, что на 4,9% больше, чем в прошлом году. Положительное сальдо двусторонней торговли с Китаем составило 1,99 млрд. долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 42,7% [16].

В 2019 году объем двусторонней торговли между Китаем и Казахстаном составил 21,99 млрд. долларов США, увеличившись на 10,6% по сравнению с предыдущим годом, и вернулся к отметке в 20 млрд. долларов США впервые с 2015 года. Среди них экспорт Китая в Казахстан составил 12,73 млрд. долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 12,1%, импорт из Казахстана составил 9,26 млрд. долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 8,6%. Положительное сальдо двусторонней торговли с Китаем составило 3,47 млрд. долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 22,7%. Согласно статистике Министерства коммерции Китая, в 2020 году прямые инвестиции Китая во всю промышленность Казахстана составили 580 млн. долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 44%. К концу 2020 года инвестиции Китая в Казахстан достигли 21,4 млрд. долларов США, в основном в горнодобывающей, транспортной и других областях [17].

Согласно статистике Министерства коммерции Китая, в 2020 году инвестиции Казахстана в Китай составили 860 000 долларов США, что на 96% меньше, чем в прошлом году. По состоянию на конец 2020 года общий объем инвестиций Казахстана в Китай составил около 154 млн долларов США, в основном это логистика и транспорт, химическая промышленность, пищевая промышленность и другие сферы [16].

В 2019 году прямые инвестиции Китая во всю промышленность Казахстана достигли 400 млн. долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 2,3%. К концу 2019 года инвестиции Китая в Казахстан составили 29,66 млрд. долларов США, в основном в горнодобывающую,

транспортную и другие сферы. Согласно статистике Министерства коммерции Китая, в 2019 году инвестиции Казахстана в Китай составили 11,16 млн. долларов США, что на 43,3% меньше, чем в прошлом году. По состоянию на конец 2019 года общий объем инвестиций Казахстана в Китай составил около 150 миллионов долларов США, в основном это логистика и транспорт, химическая промышленность, пищевая промышленность и другие сферы [17].

Говоря о культурной политике двух стран, стоит отметить, что гуманитарное сотрудничество усиливалось на протяжении всех лет развития инициативы «Один пояс – один путь». В апреле 2013 года в Пекине состоялась Неделя казахстанского кино [18], в дополнение к этому Пекине были проведены Дни культуры Казахстана [19]. В марте 2014 г. в Пекине был открыт памятник казахскому поэту А. Кунанбаеву [20].

В сентябре 2014 года в Астане и Алматы были проведены Дни культуры Китая, а в декабре в Казахстане прошел «Международный культурный форум Шелковый путь 2014» [21].

В 2015 году, находясь в деловой поездке в Китае, Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подписал соглашение о культурно-гуманитарном сотрудничестве. На протяжении 2015–2017 годов в университетах, преподающих иностранные языки серии крупных китайских городов, были открыты «Центры Казахстана» а также созданы кафедры казахского языка. Июнь 2017 года был ознаменован выходом «Сборника избранных трудов Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева» на китайском языке, а также изданием книги Си Цзиньпина «О государственном управлении» на казахском языке. В этом же году был учрежден год туризма Китая в Казахстане [22]. В 2018 году в дополнение к Институтам Конфуция в ряде китайских университетов открылись «Центры Казахстана», знакомящие китайских студентов с историей, культурой и текущим положением Казахстана [23, с. 32].

В сентябре 2019 года лидеры обеих стран подписали «Совместное заявления Китайской Народной Республики и Республики Казахстан», в котором указывалось, что два государства выступают с готовностью укреплять культурные и неправительственные обмены, увеличивать двустороннее сотрудничество СМИ, оказывать поддержку академическим обменов между научными кадрами двух стран, участвовать в совместном

создании литературных произведений, кино и телевизионного контента, в сфере перевода, развивать обмены между представителями сферы литературы и художественных искусств, продолжить и укрепить сотрудничество гуманитарных областях, таких как образование, здравоохранение, спорт, молодежного обмена и туризма. Упомянутые мероприятия должны будут пройти в рамках казахстанского «Года молодежи» по укреплению взаимопонимания и дружбы между молодежью двух стран. Китай также призывает Казахстан провести в Китае год казахстанского туризма. Стороны выражают готовность заниматься продвижением Духа Шелкового пути, укреплять обмены, международное сотрудничество, заниматься защитой культурного наследия и исторических памятников [24].

Российская Федерация. Российская Федерация также граничит с Китайской Народной Республикой и является одним из ее стратегических партнеров в Евразийском регионе. С 2014 года взаимоотношения Китая и Российской Федерации начали выходить на новый уровень, так как действия стран западного блока заставляли Россию смещать внешнеполитический фокус с Европы в сторону Азии. Будучи экспорт-ориентированной ресурсной экономикой Россия выступает для Китайской производственных мощностей в качестве серьезного поставщика энергоносителей и материалов, что лишь больше сблизило страны. Однако сотрудничество стран не ограничивается сугубо экономическими интересами – политическое давление Запада на Россию и Китай также сближает эти страны и мотивирует их совместно работать над формированием повестки строительства справедливой и стабильной международной обстановки в сфере влияния РФ и КНР – Евразийском пространстве. Этот факт подчеркивает важность двустороннего продвижения культурного сотрудничества и укрепления взаимопонимания.

Основным документом, регулирующим российско-китайское взаимодействие в культурной сфере, является «План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере» от 6 декабря 2012 года [25]. Документ подписывался заместителем Председателя Правительства РФ и представителем Госсовета КНР и был рассчитан сроком действия до 31 декабря 2020 года.

В 2015 году, посетив Москву с визитом, приуроченным к празднованию семидесятилетия победы в Великой Отечественной войне, китайская делегация во главе с Си Цзиньпином и представители Кремля подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества», в документе также освещались планы на взаимодействие сторон в рамках гуманитарной сферы – продолжение проведения мероприятий под эгидой Годов дружественных российско-китайских молодежных обменов, увеличение количества и качества обменов между молодежью двух стран, начало подготовки Года обменов между российскими и китайскими средствами массовой информации [26].

В 2014 году был подписан договор об учреждении Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне – первое российско-китайское высшее учебное заведение, учрежденное МГУ имени М.В. Ломоносова (МГУ), Пекинским политехническим университетом и Муниципальным народным правительством Шэньчжэня [27].

В 2015 году был учрежден Сетевой Университет БРИКС – сеть высших учебных заведений из числа стран-участниц БРИКС, целью которой является содействие углублению сотрудничества между странами в сфере образования [28].

В 2016 году Россия и КНР подписали соглашение о создании Ассоциации классических университетов России и Китая [29, с. 73], созданный по аналогии с Ассоциацией технических университетов России и Китая. В 2017 было достигнуто около десяти Ассоциаций российских и китайских однопрофильных вузов. Успешно работают Ассоциация китайских и российских вузов культуры и искусств, Российско-китайская ассоциация медицинских университетов, в 2016 г. создана Ассоциация вузов Российской Федерации и КНР [30, с. 145–146].

Вместе с развитием в культурной сфере, в России неуклонно растет популярность китайского языка. В 2016 г. в Институте Конфуция в Москве было зарегистрировано увеличение числа желающих сдать экзамен по китайскому языку [29, с. 145]. По подсчетам на 2017 год число вузов, имеющих курсы по изучению китайского языка, насчитывало порядка 200, в школах России китайский язык начал предлагаться в качестве

дополнительного иностранного языка [31, с. 7.]. С 2019 г. китайский язык вошел в систему государственной итоговой аттестации (ГИА) по образовательным программам среднего общего образования и как пятый иностранный язык по выбору в едином государственном экзамене (ЕГЭ).

2020 и 2021 годы были провозглашены Годом научно-технического и инновационного сотрудничества РФ и КНР, при этом планировалось нарастить сотрудничество двух стран в цифровых технологиях и аэрокосмическом строительстве [32, с. 820].

В 2018 и 2019 годы проводились Годы межрегионального сотрудничества России и Китая для расширения расширения обменов между народами двух стран и построение благоприятного имиджа народов [33, с. 87].

С 2015 до 2018 года количество туристических потоков из Китая в Россию и из России в Китай увеличивались с 874 000 человек в 2014 году и до 1 690 000 человек в 2018, изменялись характер и география поездок – от небольших приграничных визитов до поездок в отдаленные районы государств, предлагаются все более разнообразные типы туристических продуктов и упрощение визового режима. В попытке создания благоприятной атмосферы для китайских туристов с 2014 года в России заработала программа China Friendly.

Заключение. При проведении и достижении результатов в своей внешней культурной политике КНР видоизменяет политику в адрес государств в зависимости от наличия факторов сближения и отдаления: наличия или отсутствия жестких или вялотекущих конфликтов со странами региона, их удаленностью от границ КНР и географическим положением относительно локализации инициативы «Один пояс – один путь», исторической культурной близостью, схожими политическими взглядами, наличием прямой или скрытой экономической выгоды, прямой политической воли стран сотрудничать с Китайской Народной Республикой. Среди стран региона наибольшие проблемы в построении взаимных доверительных отношений связаны с Индией в силу наличия у нее с Китаем продолжающихся до сих пор территориальных и религиозных противоречий, в дополнение к которым идет политическая линия главенствующей в Индии партии, направленная на сдерживание Китая. По числу заключенных дипломатических и политических соглашений среди

рассмотренных стран выделяется Российская Федерация из-за чего можно сделать вывод, что на настоящий момент с точки зрения гуманитарных отношений российско-китайские вектор культурной политики получил наибольшее развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Си Цзиньпин тун Иньду цзунли Моди цзюйсин хуэйтань 习近平同印度总理莫迪举行会谈 [Си Цзиньпин провел переговоры с премьер-министром Индии Нарендрой Модди]. 18.09.2014 // Синьхуа ван 新华网 [Xinhua]: [эл. доступ]. URL: <http://www.xinhuanet.com/world/2014-09/18/c1112539054.htm> (дата обращения: 25.05.2022).
2. Чжун Инь вэньхуа хэцзо седин 2013 нянь чжи 2015 нянь чжисин цзихуа цяньюшун 中印文化合作协定2013年至2015年执行计划签署 [Подписание Плана реализации Китайско-индийского соглашения о культурном сотрудничестве на 2013–2015 гг.]. 25.10.2013 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]: [эл. ресурс]. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2013-10/25/content_2514876.htm (дата обращения: 25.05.2022).
3. Го Сяотин 郭小婷 Чжун Инь хэпай: сюньчжао лян го шичан пинхэн дянь 中印合拍: 寻找两国市场平衡点 [Совместное производство Китая и Индии: поиск баланса между двумя рынками]. 25.05.2015 // Чжунъян гоцзи 中影国际 [Китайский международный кинофестиваль]: [эл. доступ]. URL: <http://cfish.com/page.asp?classID=6&SubID=6&id=22&p=2> (дата обращения: 25.05.2022).
4. Парамонова В.В. Китайско-индийская граница в современной истории // Казанский вестник молодых учёных. 2019. Т. 3. №. 4 (12). С. 169–177.
5. Ширгазина Э.Р. «Мягкая сила» Китая и страны БРИКС // Проблемы Дальнего Востока. 2019. №. 6. С. 13–25.
6. Ху Бофэн 胡博峰, Ни Хао 倪浩. Чжунго цзайцы чэн Иньду цзуйда маои хобань, Инь мэй ю «хуаньху»: 2020 нянь дуй Чжунго чукоу цзэнцзя, цун Чжунго цзинькоу цзяньшао 中国再次成印度最大贸易伙伴, 印媒又“欢呼”: 2020 年对中国出口增加, 从中国进口减少 [Китай в очередной раз стал крупнейшим торговым партнером Индии, а индийские СМИ снова «аплодируют»: экспорт в Китай в 2020 году увеличится, а импорт из Китая снизится]. 24.02.2021 // Хуаньцю ван 环球网 [Всемирная сеть]: [эл. доступ]. URL: <https://world.huanqiu.com/article/423SCTKdZle> (дата обращения: 25.05.2022).
7. Власов Н.В. Современная политика КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник МГИМО Университета. 2015. №. 3 (42). С. 60–67.
8. Золотухин И.Н. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Известия Восточного института. 2017. №. 4 (36). С. 13–23.
9. Локшин Г.М. Китай – АСЕАН // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017–2018. М.: ИД «Форум», 2018. С. 355–361.
10. Гун цзянь «Идай илу» гоцзя цзяюй хэцзо юаньцзин–Чжунго–Дунмэн цзяюй цзяолю чжоу шисянь цзичжи хуа гуннэн 共建“一带一路”国家教育合作愿景—中

国 – 东盟教育交流周实现机制化功能 [Совместное построение видения сотрудничества в области образования между странами вдоль «Одного пояса, Одного пути», Неделя образовательного обмена Китай – АСЕАН реализует институциональную функцию]. 14.10.2021 // Синьхуа сы лу 新华丝路 [Шелковый путь Xinhua]: [эл. доступ]. URL: <https://www.imsilkroad.com/news/p/465663.html> (дата обращения: 25.05.2022).

11. Лоши Чжунго – Дунмэн мяньсян хэпин юй фаньжун дэ чжаньлюэ хобань гуаньси лянхэ сюаньянь дэ синдун цихуа (2021–2025) 落实中国—东盟面向和平与繁荣的战略伙伴关系联合宣言的行动计划 (2021–2025) [План действий по реализации Совместной декларации о стратегическом партнерстве Китая и АСЕАН во имя мира и процветания (2021–2025 гг.)]. 12.11.2020 // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]: [эл. доступ]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202011/t20201112_348692.shtml (дата обращения: 25.05.2022).

12. Алтанцэцэг Н. Китайско-монгольские отношения в рамках всеобъемлющего стратегического сотрудничества: желания и реальность // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. №. 1. С. 357–367.

13. Си Цзиньпин «цзоу циньци ши» фанвэнь тусянь Чжун Мэн ицзя цинь 习近平 “走亲戚式” 访问凸显中蒙一家亲 [Визит Си Цзиньпина «в гости к родственникам» подчеркивает, что Китай и Монголия являются семьей]. 21.08.2014 // Синьхуа ван新华网 [Xinhua]: [эл. доступ]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-08/21/c_1112173271.htm (дата обращения: 25.05.2022).

14. Чжунго тун Мэнгу го дэ гуаньси 中国同蒙古国的关系 [Отношения между Китаем и Монголией] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]: [эл. доступ]. URL: https://www.mfa.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_21/sbgx/t5724.htm (дата обращения: 25.05.2022).

15. Ли С. Приоритетные направления китайско-монгольских отношений в начале XXI века // Международные отношения. 2020. №. 4. С. 11–27.

16. 2020 нянь Чжун Ха цзинмао хэцзо цзянькуан 2020 年中哈经贸合作简况 [Краткая информация о китайско-казахстанском экономическом и торговом сотрудничестве в 2020 году]. 31.03.2021 // Чжунхуа жэньминь гунхэго шану бу 中华人民共和国商务部 [Министерство торговли Китайской Народной Республики]: [эл. доступ]. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202103/20210303048784.shtml> (дата обращения: 25.05.2022).

17. 2019 нянь Чжун Ха цзинмао хэцзо цзянькуан 2019 年中哈经贸合作简况 [Краткая информация о китайско-казахстанском экономическом и торговом сотрудничестве в 2019 году]. 19.03.2020 // Чжунхуа жэньминь гунхэго шану бу 中华人民共和国商务部 [Министерство торговли Китайской Народной Республики]: [эл. доступ]. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202003/20200302946566> (дата обращения: 25.05.2022).

18. Ван Сюэбин даньжэнь Хасакэсытань Бэйцзин дяньин чжоу синсян даши 王学兵担任哈萨克斯坦北京电影周形象大使 [Ван Сюэбин в качестве имидж-амбассадора]

Казахстанской кинонедели в Пекине]. 18.04.2013 // Жэньмин ван 人民网: [эл. доступ]. URL: <http://world.people.com.cn/n/2013/0418/c1002-21185714.html> (дата обращения: 25.05.2022).

19. «Хасакэсытань вэньхуа жи» цзай Бэйцзин цидун “哈萨克斯坦文化日”在北京启动 [В Пекине стартовал «День культуры Казахстана»]. 05.11.2013 // Жэньмин ван 人民网: [эл. доступ]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/1105/c70731-23442694.html> (дата обращения: 25.05.2022).

20. В Пекине прошла церемония открытия статуи известного казахского поэта Абая Кунанбаева. 20.03.2014 // Жэньминь жибао: [эл. доступ]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8572949.html> (дата обращения: 25.05.2022).

21. Гу Чанцзян: цзяньшэ Идай илу бисюй цзяцян вэньхуа цзяолю 谷长江: 建设一带一路必须加强文化交流 [Гу Чанцзян: Строительство «Пояса и пути» должно укрепить культурный обмен]. 25.11.2014 // Чжунго чжэнсе 中国政协 [Народная политическая консультативная конференция Китая]: [эл. доступ]. URL: http://cppcc.china.com.cn/2014-11/25/content_34146781.htm (дата обращения: 25.05.2022).

22. 2017 Хасакэсытань «Чжунго лойю нянь» биму 2017 哈萨克斯坦 “中国旅游年” 闭幕 [2017 Казахстан завершает «Год китайского туризма»]. 19.11.2017 // Жэньмин ван 人民网: [эл. доступ]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1119/c1002-29654856.html> (дата обращения: 25.05.2022).

23. Ду Ц. Сотрудничество между Китаем и Казахстаном в сфере образования в 1992–2018 гг. // Беларусь в современном мире. Материалы XVIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 30–34.

24. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ Хасакэсытань гунхэго лянхэ шэньминь (цюаньвэнь) 中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合声明 (全文) [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Казахстан (полный текст)]. 12.09.2019 // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]: [эл. доступ]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/201909/t20190912_7947921.shtml (дата обращения: 25.05.2022).

25. План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере. 06.12.2012 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [эл. доступ]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014828> (дата обращения: 25.05.2022).

26. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. 08.05.2015 // Президент России: [эл. доступ]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969> (дата обращения: 25.05.2022).

27. История 2012–2017 // Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне: [сайт]. URL: <https://szmsubit.ru/istorija/> (дата обращения: 25.05.2022).

28. Учреждён Сетевой университет БРИКС // Панорама БРИКС #20 (16–22 ноября 2015). 24.11.2015 // Национальный комитет по исследованию БРИКС Россия: [эл.

доступ]. URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/5654118c6272693fd4030000> (дата обращения: 25.05.2022).

29. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / С.Г. Лузянин, Х. Чжао; гл. ред. И.С. Иванов. [Российский совет по международным делам (РСМД)]. М.: НП РСМД, 2017. 167 с.

30. Песцов С.К. Стратегическое партнёрство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. №. 29. С. 137–165.

31. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 / С.Г. Лузянин, Х. Чжао, гл. ред. И.С. Иванов [Российский совет по международным делам (РСМД)]. М.: НП РСМД, 2020. 254 с.

32. Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. №. 4. С. 804–827.

33. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019 / С.Г. Лузянин, Х. Чжао, гл. ред. И.С. Иванов [Российский совет по международным делам (РСМД)]. М.: НП РСМД, 2019. 200 с.

REFERENCES

1. Si Czin'pin tun In'du czunli Modi czjujsin hujejtan' 习近平同印度总理莫迪举行会谈 [Xi Jinping held talks with Indian Prime Minister Narendra Modi]. 18.09.2014. *Sin'hua van 新华网* [Xinhua]. Available at <http://www.xinhuanet.com/world/2014-09/18/c1112539054.htm> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
2. Chzhun In' vjen'hua hjeczo sedin 2013 njan' chzhi 2015 njan' chzhisin czihua cjan'shu 中印文化合作协定2013年至2015年执行计划签署 [Signing of the Implementation Plan of the Sino-Indian Agreement on Cultural Cooperation for 2013–2015]. 25.10.2013. *Chzhunhua zhjen'min' gunhjego chzhun#jan zhjen'min' chzhjenfu 中华人民共和国中央人民政府* [Central People's Government of the People's Republic of China]. Available at http://www.gov.cn/gzdt/2013-10/25/content_2514876.htm (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
3. Go Sjaotin 郭小婷 Chzhun In' hjepaj: sjun'chzhao ljan go shichan pinhjen djan' 中印合拍: 寻找两国市场平衡点 [Joint production of China and India: finding a balance between the two markets]. 25.05.2015. *Chzhun'in goczi 中影国际* [China International Film Festival]. Available at <http://cfi-sh.com/page.asp?classID=6&SubID=6&id=22&p=2> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
4. Paramonova V.V. Kitajsko-indijskaja granica v sovremennoj istorii [Sino-Indian border in modern history]. *Kazanskij vestnik molodyh uchjonyh*. 2019. Т. 3. №. 4 (12). S. 169–177. (In Russ.).
5. Shirgazina Je.R. «Mjagkaja sila» Kitaja i strany BRIKS ["Soft power" of China and the BRICS countries]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2019. №. 6. S. 13–25. (In Russ.).
6. Hu Bofjen 胡博峰, Ni Hao 倪浩. Chzhungo czajcy chjen In'du czujda maoui hoban', In' mjej ju «huan'hu»: 2020 njan' duj Chzhungo chukou czjenczja, cun Chzhungo czin'kou czjan'shao 中国再次成印度最大贸易伙伴, 印媒又“欢呼”: 2020 年对中国出口增加, 从中国进口减少 [China has once again become India's largest trading partner, and the Indian media again "applauds": exports to China in 2020 will increase, while imports from

- China will decrease*. 24.02.2021. *Huan'cju van 环球网* [World Wide Web]. Available at <https://world.huanqiu.com/article/423SCTKdZle> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
- 7.** Vlasov N.V. Sovremennaja politika KNR v Jugo-Vostochnoj Azii [Contemporary PRC Policy in Southeast Asia]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2015. №. 3 (42). S. 60–67. (In Russ.).
- 8.** Zolotuhin I.N. Territorial'nye spory v Juzhno-Kitajskom more: sovremennoe sostojanie problemy [Territorial Disputes in the South China Sea: Current State of the Problem]. *Izvestija Vostochnogo instituta*. 2017. №. 4 (36). S. 13–23. (In Russ.).
- 9.** Lokshin G.M. Kitaj – ASEAN [China – ASEAN]. *Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura 2017–2018*. M.: ID «Forum», 2018. S. 355–361. (In Russ.).
- 10.** Gun czjan' «Idaj ilu» goczja czjaojuz hjeczo juan'czin–Chzhungo–Dunmjen czjaojuz czjaojuz chzhou shisjan' czichzhi hua gunnjen 共建“一带一路”国家教育合作愿景—中国—东盟教育交流周实现机制化功能 [Jointly building the vision of educational cooperation between countries along the "One Belt, One Road", China-ASEAN Educational Exchange Week implements an institutional function]. 14.10.2021. *Sin'hua sy lu 新华丝路* [Silk Road Xinhua]: Available at <https://www.imsilkroad.com/news/p/465663.html> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
- 11.** Loshi Chzhungo – Dunmjen mjan'sjan hjepin juj fan'zhun dje chzhan'ljuje hoban' guan'si ljan'hje sjuan'jan' dje sindun czihua (2021–2025) 落实中国—东盟面向和平与繁荣的战略伙伴关系联合宣言的行动计划 (2021–2025) [Action Plan for the Implementation of the Joint Declaration on China-ASEAN Strategic Partnership for Peace and Prosperity (2021–2025)]. 12.11.2020. *Chzhunhua zhjen'min' gunhjego vajczjao bu 中华人民共和国外交部* [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China] Available at https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202011/t20201112_348692.shtml (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
- 12.** Altancjecjeg N. Kitajsko-mongol'skie otnoshenija v ramkah vseob#emljushhego strategicheskogo sotrudnichestva: zhelanija i real'nost' [Sino-Mongolian Relations in Comprehensive Strategic Cooperation: Desires and Realities]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2018. T. 48. №. 1. C. 357–367. (In Russ.).
- 13.** Si Czin'pin «czou cin'ci shi» fanvjen' tusjan' Chzhun Mjen iczja cin' 习近平“走亲戚式”访问凸显中蒙一家亲 [Xi Jinping's 'visiting relatives' visit highlights China and Mongolia as family]. 21.08.2014. *Sin'hua van 新华网* [Xinhua]. Available at http://www.xinhuanet.com/world/2014-08/21/c_1112173271.htm (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
- 14.** Chzhungo tun Mjengu go dje guan'si 中国同蒙古国的关系 [Relations between China and Mongolia]. *Chzhunhua zhjen'min' gunhjego vajczjao bu 中华人民共和国外交部* [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. Available at https://www.mfa.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_21/sbgx/t5724.htm (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).
- 15.** Li S. Prioritetnye napravlenija kitajsko-mongol'skih otnoshenij v nachale XXI veka [Priority Directions of Sino-Mongolian Relations at the Beginning of the 21st Century]. *Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2020. №. 4. S. 11–27. (In Russ.).
- 16.** 2020 njan' Chzhun Ha czinmao hjeczo czjan'kuan 2020 年中哈经贸合作简况 [Summary of Sino-Kazakh Economic and Trade Cooperation in 2020]. 31.03.2021. *Chzhunhua zhjen'min' gunhjego shanu bu 中华人民共和国商务部* [Ministry of Commerce of the People's Republic of China]. Available at

<http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202103/20210303048784.shtml> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).

17. 2019 njan' Chzhun Ha czinmao hjeczo czjan'kuan 2019 年中哈经贸合作简况 [Summary of China-Kazakhstan Economic and Trade Cooperation in 2019]. 19.03.2020. *Chzhunhua zhjen'min' gunhjego shanu bu 中华人民共和国商务部 [Ministry of Commerce of the People's Republic of China]*. Available at <http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202003/20200302946566> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).

18. Van Sjujebin dan'zhjen' Hasakjesytan' Bjejczin djan'in chzhou sinsjan dashi 王学兵担任哈萨克斯坦北京电影周形象大使 [Wang Xuebing as Image Ambassador of Kazakhstan Film Week in Beijing]. 18.04.2013. *Zhjen'min van 人民网*. Available at <http://world.people.com.cn/n/2013/0418/c1002-21185714.html> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).

19. «Hasakjesytan' vjen'hua zhi» czaj Bjejczin cidun “哈萨克斯坦文化日”在北京启动 [“Day of Culture of Kazakhstan” started in Beijing]. 05.11.2013. *Zhjen'min van 人民网*. Available at <http://politics.people.com.cn/n/2013/1105/c70731-23442694.html> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).

20. V Pekine proshla ceremonija otkrytii statui izvestnogo kazahskogo pojeta Abaja Kunanbaeva [Opening ceremony of the statue of the famous Kazakh poet Abay Kunanbaev was held in Beijing]. 20.03.2014. *Zhjen'min' zhibao*. Available at <http://russian.people.com.cn/31521/8572949.html> (accessed: 25.05.2022). (In Russ.).

21. Gu Chanczjan: czjan'shje Idaj ilu bisuj czjacjan vjen'hua czjaolju 谷长江:建设一带一路必须加强文化交流 [Gu Changjiang: Construction of Belt and Road should strengthen cultural exchange]. 25.11.2014. *Chzhungo chzhjense 中国政协 [People's Political Consultative Conference of China]*. Available at http://cppcc.china.com.cn/2014-11/25/content_34146781.htm (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).

22. 2017 Hasakjesytan' «Chzhungo ljujju njan'» bimu 2017哈萨克斯坦“中国旅游年”闭幕 [2017 Kazakhstan completes the "Year of Chinese Tourism"]. 19.11.2017. *Zhjen'min van 人民网*. Available at <http://world.people.com.cn/n1/2017/1119/c1002-29654856.html> (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).

23. Du C. Sotrudnichestvo mezhdu Kitaem i Kazahstanom v sfere obrazovanija v 1992–2018 gg. [Cooperation between China and Kazakhstan in the field of education in 1992–2018]. *Belarus' v sovremennom mire. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 98-letiju obrazovanija Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 30–34. (In Russ.).

24. Chzhunhua zhjen'min' gunhjego hje Hasakjesytan' gunhjego ljan'hje shjenmin (cjuan'vjen') 中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合声明（全文） [Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan (full text)]. 12.09.2019. *Chzhunhua zhjen'min' gunhjego vajczjao bu 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]*. Available at https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/201909/t20190912_7947921.shtml (accessed: 25.05.2022). (In Chin.).

25. Plan dejstvij po razvitiju rossijsko-kitajskogo vzaimodejstvija v gumanitarnoj sfere [Action Plan for the Development of Russian-Chinese Cooperation in the Humanitarian Sphere]. 06.12.2012. *Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskikh dokumentov*. Available at <https://docs.cntd.ru/document/499014828> (accessed: 25.05.2022). (In Russ.).

26. Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki ob uglublennii vseob`emljushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstvija i o prodvizhenii vzaimovыgodnogo sotrudnichestva [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening comprehensive partnership and strategic cooperation and promoting mutually beneficial cooperation]. 08.05.2015. *Prezident Rossii*. Available at <http://www.kremlin.ru/supplement/4969> (accessed: 25.05.2022). (In Russ.).
27. Istorija 2012–2017 [History 2012–2017]. Universitet MGU-PPI v Shjen'chzhjene. Available at <https://szmsubit.ru/istorija/> (accessed: 25.05.2022). (In Russ.).
28. Uchrezhdjon Setevoj universitet BRIKS [BRICS Network University established]. Panorama BRIKS #20 (16–22 nojabrja 2015). 24.11.2015. Nacional'nyj komitet po issledovaniju BRIKS Rossijaю Available at <https://www.nkibrics.ru/posts/show/5654118c6272693fd4030000> (accessed: 25.05.2022). (In Russ.).
29. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2017: doklad № 33/2017 [Russian-Chinese Dialogue: Model 2017: Report No. 33/2017]. S.G. Luzjanin, H. Chzhao; gl. red. I.S. Ivanov. [Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)]. M.: NP RSMD, 2017. 167 s. (In Russ.).
30. Pescov S.K. Strategicheskoe partnjorstvo Rossii i Kitaja: mesto i rol' gumanitarnogo sotrudnichestva [Strategic partnership between Russia and China: the place and role of humanitarian cooperation]. *Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN*. 2020. №. 29. S. 137–165. (In Russ.).
31. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2020: doklad № 58/2020 [Russian-Chinese Dialogue: Model 2020: Report No. 58/2020]. S.G. Luzjanin, H. Chzhao, gl. red. I.S. Ivanov [Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)]. M.: NP RSMD, 2020. 254 s. (In Russ.).
32. Ershov V.F. Rossija i Kitaj v XXI veke: strategicheskoe partnerstvo v uslovijah civilizacionnoj globalizacii [Russia and China in the 21st century: strategic partnership in the context of civilizational globalization]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Serija: Istorija Rossii. 2019. T. 18. №. 4. S. 804–827. (In Russ.).
33. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2019: doklad № 46/2019 [Russian-Chinese Dialogue: Model 2019: Report No. 46/2019]. S.G. Luzjanin, H. Chzhao, gl. red. I.S. Ivanov [Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)]. M.: NP RSMD, 2019. s. 200. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Го Шаньшань – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: shanshan.go@bk.ru; ORCID: 0000-0003-1109-4180

Guo Shanshan – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: shanshan.go@bk.ru; ORCID: 0000-0003-1109-4180

*Статья поступила в редакцию 17.08.2022. Одобрена после рецензирования 02.09.2022. Принята 03.09.2022.
Received 17.08.2022. Approved after reviewing 02.09.2022. Accepted 03.09.2022.*

research article
UDC: 327
DOI: 10.48612/RG/RGW.24.7

The history of Chinese–Russian relations’ development since 1990s

Cui Long ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ luntsui@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5342-8495>

Abstract. *The article deals with the challenges that the Chinese-Russian relations have faced recently. Over the past 30 years, the partnership between China and Russia has continued to develop steadily and got stronger progressively under the joint governance and initiative of both states’ leaders. Therefore, the purpose of the article is to reveal and evaluate the current economic situation and the prospects for economic and trade relations between China and Russia by analyzing four economic stages. In order to achieve the goal, the following tasks have been set: - to discuss Chinese-Russian historical regional cooperation; - to compare the four stages of cooperation history; - to analyze the present situation, the problems and obstacles that arose and their solutions. The relevance of the topic is connected with the Sino-Russian economic and trade cooperation development, which is gaining peace nowadays. The author discusses both the history of Sino-Russian relations’ development and the problems that have appeared since 1992. The conclusion has been drawn that the trade relationship with Russian companies is to be promoted steadily and progressively. However, the foreign trade companies of China should not only cooperate with Russian foreign enterprises in order to strengthen the concept of cooperation, but also improve the image of Russian business in China. Furthermore, it is important to strengthen the awareness of both quality and law. The states should pay greater attention to the process of the in-depth implementation of the Asian-Pacific Economic development strategy.*

Keywords: China; Russia; Sino-Russian history; trade and economic cooperation; economy; WTO

For citation: Cui Long. The history of Chinese–Russian relations’ development since 1990s. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 104–114. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.7

© Cui Long, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.7

История развития китайско-российских отношений в 1990-х гг.

Цуй Лун ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ luntsui@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5342-8495>

Аннотация. В статье рассматриваются вызовы, с которыми китайско-российские отношения столкнулись в последнее время. За последние 30 лет партнерство между Китаем и Россией продолжало неуклонно развиваться и постепенно крепнуть под совместным управлением и инициативой лидеров обоих государств. Поэтому цель статьи состоит в том, чтобы выявить и оценить текущую экономическую ситуацию и перспективы торгово-экономических отношений между Китаем и Россией путем анализа четырех экономических этапов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: обсудить китайско-российское историческое региональное сотрудничество; сопоставить четыре этапа истории сотрудничества; проанализировать текущую ситуацию, возникшие проблемы, препятствия, и пути их решения. Актуальность темы связана с развитием китайско-российского торгово-экономического сотрудничества, которое в настоящее время набирает обороты. Автор обсуждает как историю развития китайско-российских отношений, так и проблемы, возникшие с 1992 года. Сделан вывод о том, что торговые отношения с российскими компаниями следует развивать неуклонно и поступательно. Однако внешнеторговые компании Китая должны не только сотрудничать с российскими зарубежными предприятиями в целях укрепления концепции сотрудничества, но и улучшать имидж российского бизнеса в Китае. Кроме того, важно повышать осведомленность как о качестве, так и о законе. Государствам следует уделить больше внимания процессу углубленной реализации стратегии Азиатско-Тихоокеанского экономического развития.

Ключевые слова: Китай; Россия; Китайско-русская история; торгово-экономическое сотрудничество; экономика; ВТО

Для цитирования: Цуй Лун. История развития китайско-российских отношений с 1990-х гг. // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 104–114. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.7

© Цуй Лун, 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction. China and Russia, as friendly neighbors are linked by mountains and rivers, and not only have close geographical relations, but also have strong economic interdependence and complementarity. The potential market of bilateral trade is huge. Especially in recent years, the leaders of China and Russia frequently have exchanged visits, and the relations between China and Russia have made great progress in various fields [1]. While promoting the steady development of the strategic partnership between the two countries, the economies of the two countries are growing and the scale of trade is expanding. The two countries have carried out comprehensive and in-depth cooperation in energy, science, technology, finance and other fields achieved fruitful results. For China, the largest developing country, and Russia, which is on the way to rejuvenation, evaluating the current situation and prospects of the economic and trade relations between the two countries will help the two countries achieve

their respective strategic goals and move towards common prosperity. The development of bilateral trade between China and Russia has roughly gone through the following four stages.

The *first* stage of cooperation history, from 1992 to 1993, was a new period for Russia to seek foreign development after the collapse of the Soviet Union. The trade between China and Russia was mainly through government agreement trade and barter trade between enterprises. During this period, the main reason for the rapid development of bilateral trade was that after the collapse of the Soviet Union, the Russian government adopted radical reform measures and quickly liberalized prices, but domestic goods were very scarce and needed to be imported from China [2, pp. 19–28]. In addition, China encourages trade with the former Soviet Union and Eastern European countries, and promotes a large number of Chinese consumer goods to enter the Russian market, resulting in a substantial increase in trade volume. However, this kind of growth is not the result of the natural development of trade, so it lacks stamina.

In the *second* stage, from 1994 to 1996, the bilateral trade between China and Russia gradually changed from barter trade to spot trade, and the trade scale decreased. In 1996, the bilateral trade volume was only US \$6.84 billion. The main reason for this situation is that in 1993, Russia greatly increased import tariffs, which reduced the profits of China's exports and inhibited exports to a certain extent. At the same time, Russia greatly reduced export tariffs and encouraged exports, which led to the rebound of China's imports to Russia in 1995 and 1996 [3].

The *third* stage of history is from 1997 to 1998. This period is mainly due to the continuous impact of the above reasons, and the bilateral trade volume continues to decline. In 1997, the trade volume was US \$6.12 billion, down 10.5% from the previous year. In 1998, it dropped to US \$5.48 billion. However, during this period, the local border trade between the two countries developed rapidly. In 1998, the volume of border trade increased by more than 20% over 1997, accounting for about one third of the total trade volume between the two countries.

The *fourth* stage of cooperation history has been since 1999 up to the present period. This is the most optimistic period for bilateral trade. The bilateral trade volume has stopped falling and rebounded, maintaining rapid growth for many years (with an average annual growth rate of 31.1%). It exceeded 10

billion US dollars in 2001, 33.39 billion US dollars in 2006 and 55 billion US dollars in 2010.

From these four stages, it took 10 years for Chinese-Russian bilateral trade volume to break through the top 10 billion US dollars, while it took only three years to break through 20 billion US dollars, and the time to break through 300 billion US dollars or 40 billion US dollars is even shorter. It can be said that the trade between China and Russia is developing well and has great potential. By 2010, the total trade volume proposed by the leaders of the two countries will basically reach US \$60–80 billion.

Research results and their discussion

1. The current situation of regional cooperation between China and Russia.

In the current complex of international economic environment, China and Russia, as economic powers are playing the important role in the world's economic development and political stability. As China's "one belt, one road" initiative is being implemented and implemented, China will continue to benefit the neighboring countries at the same time of developing itself. It is self-evident that Silk Road Economic Belt and "One belt, one road" one of the important partners one belt, one road construction. On this basis, deepening and strengthening trade cooperation between China and Russia is of great significance to both sides.

2. "One belt, one road" trade cooperation between China and Russia.

China and Russia are important economic and trade partners to each other. Under the framework of the strategic partnership of comprehensive cooperation between China and Russia, the economic and trade cooperation between China and Russia is constantly expanding and deepening. From 2013 to 2018, the total bilateral trade volume between China and Russia was 683.3, 884, 635.5, 661.1, 869.6 and 1082.8 (unit: 100 million US dollars) respectively. From 2013 to 2018, the proportion of bilateral trade volume between China and Russia in Russia's total trade volume increased year by year, which were 8.12%, 11.27%, 12.07%, 14.12%, 14.86% and 15.76% respectively. China has become Russia's largest trade partner for the ninth consecutive year [4, с. 247–256].

China Silk Road Economic Belt "One belt, one road, one country, one country" is the key factor for the development of the Silk Road Economic Belt. The data in 2013 and 2018 showed that China and Russia played an important

role in the construction of the "Silk Road Economic Belt". In the future, both sides should seek new development direction and carry out deeper and greater cooperation on this basis. As Andrey Denisov, the Russian ambassador in China, said, "the comprehensive cooperation between Russia and China in promoting the integration of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt will undoubtedly become a new cornerstone of the comprehensive strategic partnership between China and Russia in the next few years." The cooperation between the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union is also an important measure to promote and develop bilateral trade between China and Russia" [5]. On this basis, China and Russia take energy cooperation as the core, actively promote logistics docking cooperation, and develop cooperation in surrounding areas, e-commerce cooperation and large-scale project trade cooperation.

3. The current problems in regional cooperation between China and Russia.

Looking at the regional cooperation between China and Russia, it is not difficult to see that the two sides have a high degree of overlap in the field of regional cooperation. Russia's economic transfer is consistent with China's development strategy of revitalizing the eastern economy and building the Eastern Economic Zone. Both sides have new development space in the fields of heavy industry, culture and education, tourism resources development and technical cooperation. However, in the process of future cooperation, there are still several obstacles that cannot be ignored [6].

Firstly, there is the question whether the attitude of the Russian side toward the cooperation is firm. For Russia, the development of the Far East region depends on its own efforts, which is obviously inadequate. Whether it is to introduce labor force to inject power into economic construction, or to attract foreign capital to strengthen technical cooperation, it needs a firm open attitude and strong laws and regulations to support. However, considering the military security status of the Far East, a considerable number of people are worried about the continuous enhancement of China's national strength and the "China Threat Theory", which will be the negative factors hindering the adherence to the opening-up policy; The cultural core values of Russia's ethnic and religious groups all reject the idea of opening the country to the outside world, which is

also the deep reason why Russia always has a cautious attitude towards the opening of the labor market.

Secondly, there is the problem connected with the establishment and implementation of institutional mechanisms can meet the needs of bilateral development and cooperation. Since Russia's political and economic transition, the old system has been overthrown, and the new system is still being established and improved [7]. When the new market economic system is not perfect, the government's work efficiency is low, official corruption is prevalent, and the implementation of policies and regulations is difficult. If the two sides want to realize the cross regional development of regional cooperation, there will be many frictions and collisions in the field of trade. If there is no effective legal system and enforcement guarantee, the practical interests of both sides will be lost and the deep cooperation will be shadowed.

Thirdly, the regional cooperation between the two sides faces international competition and pressure. With China's important position in the economic development of the Asian- Pacific region and even the world, the cooperation between China and Russia in the region is also facing competition and pressure from neighboring countries [8]. The current regional cooperation between China and Russia mostly stays in general trade, lacking mutual investment and technical cooperation. The opening up of both sides in southern China is not one-way, but multilateral. This is bound to face competition from cooperation with other countries. In the future development, both sides should focus on expanding barter trade to resource joint development, project contracting, product processing and R & D base. For the southern region of China, we should strengthen scientific and technological cooperation with Russia, such as aviation, marine, nuclear technology, optical fiber and other fields where Russia has world-class core technology. At present, China has many professionals in the field of technology [9]. In addition, China is vigorously developing emerging science and technology industries. It is reasonable to believe that Russia and China will make achievements in cooperation in this regard, drive the economic restructuring of China and Russia, and promote the economic development of the country and region.

Finally, for Russia, "China Threat Theory" has more and deeper contents. First of all, the Russians are worried about whether China will take back the territory of more than 1.5 million square kilometers ceded by the Qing

government forced by the Tsarist period after it becomes a world power. Despite the establishment of the strategic partnership of cooperation between China and Russia and the fact that China and Russia have announced in the document that the border and territorial issues between China and Russia have been completely resolved, the Russians still have concerns [10]. The second problem is connected with the anxiety about China's economic growth and development. It is believed that China's rapid economic development has made it a world economic power, which is weaker only to the United States, resulting in the imbalance of the power balance between China and Russia. According to this logic, some Russian political scientists and scholars infer; economic power is bound to become a political power, military power, and China as a military power is bound to pose a major threat to Russia. Finally, there are concerns about Chinese immigrants. Under the influence of the theory of "China threat", Russia's Anti China sentiment caused by the problem of "Chinese immigrants" is rising in the Far East [11]. Therefore, it is urgent to eliminate the influence of "China Threat Theory" and increase mutual understanding.

Furthermore, there are some ideological differences between China and Russia and the tendentiousness of Russia's foreign policy. Because of its unique geographical position across Eurasia, most Russians have formed a unique cultural mentality. They always put themselves in the position of European countries. They are aware that they agree with and welcome the western culture. When facing backward Asian countries, they have a strong sense of cultural identity; however, it often reveals the superiority and exclusion of Russia as a big European country intentionally or unintentionally. Faced with the contempt of developed European countries, Russians often breed inferiority in their consciousness, which has a great impact on their consumption behavior. On the one hand, Russian consumers have a special "preference" for products from the west, and they praise them almost without any choice [12]. On the other hand, they are unwilling to pay the equivalent price for similar products from China. Moreover, in the specific transaction negotiations, most Chinese and Russian businesses deliberately keep the price very low, so that Chinese companies can't make plans. Many Russians often complain that China sells the best goods to western countries, but dumps fake goods into Russia. In fact, even if China wants to sell high-quality products to Russia, it will have to give up trading

opportunities because Russia has pushed the price below the cost line, and eventually withdraw from the Russian consumer goods market [13].

4. The solutions of the problems in regional cooperation between China and Russia.

It is necessary to change the concept of opening up and cooperation with Russia. There are many reasons for the above-mentioned gap, but we should pay enough attention to the reasons of the two sides' concept. It is worth thinking about how China can give full play to its own advantages in concept, pay more attention to the Russian market, and implement the strategy with characteristics. China plays a key role in the effective implementation of Russia's economic and trade strategy [14]. Firstly, the trade with Russia should be promoted step by step. We should do well in Russia's economic and trade cooperation, avoid risks and seek long-term cooperation and development. Secondly, strengthen the concept of cooperation. China's foreign trade should not only cooperate with foreign enterprises, but also cooperate with Russia at home. In cooperation, we should avoid "vicious competition" and further strengthen the sense of cooperation, teamwork and overall situation [15]. Thirdly, to strengthen the awareness of quality and law, it is necessary to further enhance the level and quality of Hainan's trade and investment in Russia, so as to win the trust of the Russian market. We should strengthen the concept of operation according to law, abandon illegal trade forms, establish a civilized business image and carry out standardized trade [16]. At the same time, Russia should also consider how to pay more attention to and tap the potential of regional cooperation with China from its own perspective, so as to deepen the regional cooperation between China and Russia;

Although China is actively carrying out trade with Russia and has held various promotion and negotiation conferences, in order to highlight the advantages and strength of Hainan's economy and trade with Russia, we should make full use of relevant resources to establish a think tank and think tank for Russia's countermeasures research, and formulate China's policies, measures and strategies for regional cooperation with Russia Direction and cooperation focus in different periods [17]. Especially under the background of the best historical period of Sino Russian relations, the new opportunities of Sino Russian economy and trade, the in-depth implementation of the western development strategy, and Russia's vigorous implementation of the Far East development

strategy, we should seize the favorable opportunity of Russia's accession to the WTO, highlight the advantages of various parties, vigorously expand the Russian market, and promote the in-depth development of regional cooperation between China and Russia.

Conclusion. To establish a new image of Russia, over the years, Chinese-Russian regional cooperation has made gratifying achievements, but disharmonious notes often appear, such as misunderstanding, fraud and other non-standard behavior [18]. Among them, the integrity of the Chinese people and the quality of Chinese goods are also frequently seen in Russian newspapers. At present, Russia attracts foreign investment by developing vigorously the eastern region [19]. As the leader of the Asian-Pacific economic development, China should give full play to the advantages of the media, improve its own image, reshape its integrity and attract Russia's greater attention in the process of the country's in-depth implementation of the Asian-Pacific Economic development strategy and the framework of the country's implementation of the foreign image strategy, so as to effectively boost the in-depth development of regional cooperation between China and Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zhang Boxian. Research on Sino-Russian trade structure optimization [D]. Heilongjiang University, 2014.
2. Чжан Цзяньпин 张建平, Ли Цзин 李敬. Си джо джи лу дин ци дай юэй чжон э хэ джо синь ди юэй 《丝绸之路经济带与中俄合作新机遇》 [Экономический пояс. Шелкового пути и новые шансы сотрудничества между Китаем и Россией] // 《俄罗斯学刊》, 2014. № 5. С. 19–28.
3. Ying, Liu. “Strategic Partnership or Alliance? Sino-Russian Relations from a Constructivist Perspective.” *Asian Perspective*. 2018.42 (3): 333–354.
4. Chow, G.C., Li, K.W. China's economic growth: 1952–2010. *Economic Development and Cultural Change*, 2002, 51(1), 247–256.
5. Лукин А. Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху. 13.05.2020 // Россия в глобальной политике. [эл. доступ]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pik-minoval/>. (дата обращения: 28.12.2021).
6. GDP Growth in China, 1952–2015 // China Ability. Available at <http://www.chinability.com/GDP.htm/> (accessed: 23.02.2016).
7. China–Russia joint search ended, remains of Red Army soldiers to be buried at Soviet Martyrs Cemetery. Available at http://news.cnr.cn/native/city/20150609/t20150609_518800886.shtml. (accessed: 28.12.2021).
8. Larson, D.W., Shevchenko, A. Quest for Status. Chinese and Russian Foreign Policy. Yale University Press // Oxford Academic. Available at <https://academic.oup.com/yale-scholarship-online/book/31323> (accessed: 25.12.2021).

9. Торговый оборот Китая падает быстрее ожиданий. 14.01.2019. // Коммерсантъ. [эл. доступ]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3853862> (дата обращения: 01.03.2022).
10. Fu Ying. How China Sees Russia. Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies. // Foreign Affairs. Available at <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia> (accessed: 01.03.2022).
11. Blank, S. The Un-Holy Russo-Chinese Alliance // Defense & Security Analysis, 2020 36 (3): 249–274. Available at <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14751798.2020.1790805> (accessed: 03.03.2022).
12. Zheng Chen, Hang Yin. China and Russia in R2P Debates at the UN Security Council // International Affairs, Volume 96, Issue 3, May 2020, Pages 787–805 Available at <https://academic.oup.com/ia/article-abstract/96/3/787/5712435?redirectedFrom=fulltext> (accessed: 03.03.2022).
13. Байкинова А. Китайское чудо. Поднебесная теснит Россию в ЦА. 29.10.2015 // Капитал. Центр деловой информации. [эл. доступ]. URL: <http://kapital.kz/world/44984/kitajskoe-chudo.html> (дата обращения: 10.03.2022).
14. Kuteleva, A. China's Energy Security and Relations with Petrostates. Oil as an Idea. London: Routledge, 2021. 164 p.
15. Radchenko, S. Two Suns in the Heavens: The Sino–Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967. Washington and Stanford, Woodrow Wilson Center and Stanford University Press, 2009, 316 p.
16. Фененко, А.В. Современная история международных отношений: 1991–2016: учеб. пособие / А. В. Фененко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2017. 432 с.
17. Skalamera, M. Understanding Russia's energy turn to China: domestic narratives and national identity priorities // Post-Soviet Affairs, 2018, 34 (1): 55–77.
18. Wilson, J.L. Russia's relationship with China: The role of domestic and ideational factors // International Politics. 2019, 56 (6): 778–794.

REFERENCES

1. Zhang Boxian. Research on Sino-Russian trade structure optimization [D]. Heilongjiang University, 2014.
2. Chzhan Czjan'pin 张建平, Li Czin 李敬. Si dzho dzhi lu din ci daj jujej chzhon je hje dzho sin' di jujej 《丝绸之路经济带与中俄合作新机遇》 [Economic belt. Silk Road and new chances for cooperation between China and Russia]. 《俄罗斯学刊》 · 2014. № 5. S. 19–28. (In. Chin.).
3. Ying, Liu. “Strategic Partnership or Alliance? Sino-Russian Relations from a Constructivist Perspective.” Asian Perspective. 2018.42 (3): 333–354.
4. Chow, G.C., Li, K.W. China's economic growth: 1952–2010. Economic Development and Cultural Change, 2002, 51(1), 247–256.
5. Lukin A. Rossijskaja strategija v otnoshenii Kitaja v novuju jepohu [Russian strategy towards China in the new era]. 13.05.2020. *Rossija v global'noj politike*. Available at <https://globalaffairs.ru/articles/pik-minoval/>. (accessed: 28.12.2021). (In Russ.).
6. GDP Growth in China, 1952–2015. *China Ability*. Available at <http://www.chinability.com/GDP.htm/> (accessed: 23.02.2016).

7. China–Russia joint search ended, remains of Red Army soldiers to be buried at Soviet Martyrs Cemetery. Available at http://news.cnr.cn/native/city/20150609/t20150609_518800886.shtml. (accessed: 28.12.2021).
8. Larson, D.W., Shevchenko, A. Quest for Status. Chinese and Russian Foreign Policy. Yale University Press. *Oxford Academic*. Available at <https://academic.oup.com/yale-scholarship-online/book/31323> (accessed: 25.12.2021).
9. Torgovyj oborot Kitaja padaet bystree ozhidaniy [China's trade turnover falls faster than expected]. 14.01.2019. *Kommersant`*. Available at <https://www.kommersant.ru/doc/3853862> (accessed: 01.03.2022). (In Russ.).
10. Fu Ying. How China Sees Russia. Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies. *Foreign Affairs*. Available at <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia> (accessed: 01.03.2022).
11. Blank, S. The Un-Holy Russo-Chinese Alliance. *Defense & Security Analysis*, 2020 36 (3): 249–274. Available at <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14751798.2020.1790805> (accessed: 03.03.2022).
12. Zheng Chen, Hang Yin. China and Russia in R2P Debates at the UN Security Council. *International Affairs*, Volume 96, Issue 3, May 2020, Pages 787–805 Available at <https://academic.oup.com/ia/article-abstract/96/3/787/5712435?redirectedFrom=fulltext> (accessed: 03.03.2022).
13. Bajkinova A. Kitajskoe chudo. Podnebesnaja tesnit Rossiju v CA [Chinese miracle. The Celestial Empire is pushing Russia into Central Asia]. 29.10.2015. *Kapital. Centr delovoj informacii*. Available at <http://kapital.kz/world/44984/kitajskoe-chudo.html> (accessed: 10.03.2022). (In Russ.).
14. Kuteleva, A. China's Energy Security and Relations with Petrostates. Oil as an Idea. London: Routledge, 2021. 164 p.
15. Radchenko, S. Two Suns in the Heavens: The Sino–Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967. Washington and Stanford, Woodrow Wilson Center and Stanford University Press, 2009, 316 p.
16. Fenenko, A.V. Sovremennaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: 1991–2016 [Contemporary history of international relations: 1991–2016]: ucheb. posobie / A. V. Fenenko. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Aspekt Press, 2017. 432 s.
17. Skalamera, M. Understanding Russia's energy turn to China: domestic narratives and national identity priorities. *Post-Soviet Affairs*, 2018, 34 (1): 55–77.
18. Wilson, J.L. Russia's relationship with China: The role of domestic and ideational factors. *International Politics*. 2019, 56 (6): 778–794.

Сведения об авторах / Information about authors

Цуй Лун – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495

Cui Long – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495

*Статья поступила в редакцию 19.08.2022. Одобрена после рецензирования 02.09.2022. Принята 03.09.2022.
Received 19.08.2022. Approved after reviewing 02.09.2022. Accepted 03.09.2022.*

СТРАНЫ И НАРОДЫ STATES AND NATIONS

научная статья
УДК: 338.48:379.85
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.8

Развитие туризма в Южной Карелии Финляндии в первой половине 2010-х гг.

Лагойко Анастасия Геннадьевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ lagojko_ag@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2562-5897>

***Аннотация.** Развитие туризма в периферийных и пограничных зонах является драйвером регионального развития, и случай Южной Карелии является выдающимся примером этого феномена вследствие влияния российского туристического потока на экономику и развитие региона. Начиная с 90-х годов XX века наиболее интенсивно между странами развивался приграничный туризм. Наивысший период его развития приходится на десятилетия двадцать первого столетия. Интерес жителей Южной Карелии к туристам из России всегда был высоким и положительным. Российские туристы выбирают Южную Карелию в качестве привлекательного региона, в частности, из-за транспортной доступности, хорошо развитой инфраструктуры и богатого ассортимента качественных товаров по доступным ценам. Однако, интерес россиян к стране-соседке не ограничивается лишь краткосрочными визитами. Данные подтверждают, что в приграничных регионах россияне владели до 5% недвижимости. Определяющими критериями конкурентоспособности страны в целом, и Южной Карелии в частности, являются сочетание безопасности, соблюдение прав и свобод человека, наличие развитой инфраструктуры, широких возможностей проведения досуга, что подтверждается результатами отчета Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма. В связи с геополитическими событиями 2014 года наметился спад российской туристической активности. Случай Южной Карелии был исследован с использованием анализа статистических и аналитических данных. На основе англо- и финноязычных источников были выявлены причины трансграничной мобильности российских туристов. При помощи контент-анализа были рассмотрены объекты туристического интереса на территории Южной Карелии Финляндии. По итогам оценки статистических данных Министерства экономического развития и занятости Финляндии доказана зависимость количества пересечений границы и ночевок и, следовательно, объемов*

финансовых трат отечественных туристов от политических и оперативных факторов. Как следствие, понимание этой зависимости и дифференциация туристических потоков позволит региону в меньшей степени зависеть от геополитической обстановки.

Ключевые слова: туризм; развитие туризма; российско-финские отношения; Финляндия; Южная Карелия; Россия; приграничный регион; региональное развитие

Для цитирования: Лагойко А.Г. Развитие туризма в Южной Карелии Финляндии в первой половине 2010-х гг. // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 115–127. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.8

© Лагойко А.Г., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 338.48:379.85

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.8

Tourism development in South Karelia Finland in the first half of 2010s

Anastasia G. Lagoyko ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ lagojko_ag@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2562-5897>

Abstract. *The development of tourism in peripheral and border areas is a driver of regional development, and the case of South Karelia is an outstanding example of this phenomenon due to the impact of the Russian tourist flow on the economy and development of the region. Since the 90s of the twentieth century, cross-border tourism has developed most intensively between the countries. The highest period of its development falls on the tenth years of the twenty-first century. The interest of the residents of South Karelia in tourists from Russia has always been high and positive. Russian tourists choose South Karelia as an attractive region due to transport accessibility, well-developed infrastructure, and a rich assortment of quality goods at affordable prices. However, the interest of Russians in the neighboring country is not limited to short-term visits. The region of South Karelia attracted Russian tourists with the undeniable advantages of owning property for recreation in Finland, such as environmentally friendly untouched nature, developed infrastructure, security, but at the same time, territorial proximity to the North-Western regions of Russia. The data confirm that Russians owned up to 5% of real estate in the border regions. The defining criteria for the competitiveness of the country, and South Karelia in particular, are a combination of security, respect for human rights and freedoms, the availability of developed infrastructure, and ample opportunities for leisure activities, which is confirmed by the results of the Travel and Tourism Competitiveness Index report. Due to the geopolitical events of 2014, there has been a decline in Russian tourist activity. The case of South Karelia was investigated using the analysis of statistical and analytical data. On the basis of English and Finnish language sources, the reasons for the cross-border mobility of Russian tourists were identified. With the help of content analysis, objects of tourist interest in the territory of South Karelia of Finland were considered. Based on the results of the assessment of statistical data*

from the Ministry of Economic Development and Employment of Finland, the dependence of the number of border crossings and overnight stays and, consequently, the volume of financial spending by domestic tourists on political and operational factors was proved. As a result, understanding this dependence and differentiation of tourist flows will allow the region to be less dependent on the geopolitical situation.

Keywords: tourism; tourism development; Russian-Finnish relations; Finland; South Karelia; Russia; border region; regional development

For citation: Lagoyko, A.G. Tourism development in South Karelia Finland in the first half of 2010s. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 115–127. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.8

© Lagoyko, A.G., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение. В последние двадцать лет, влияние российского туристического потока на экономику и развитие Финляндии постоянно росло [1]. Однако, в нестабильном глобализированном мире, особенно после 2014 г., становится все тяжелее справляться с возросшей конкуренцией как внутри страны, так и на международном уровне. Приграничный регион должен стремиться к максимальному раскрытию потенциала дестинации, принимая во внимание все связанные факторы, чтобы оставаться конкурентоспособным. Теория конкурентных преимуществ наций и регионов Майкла Портера предоставляет полноценное руководство и рекомендации, как подходить к этому вопросу, также и в части политики. Согласно теории Портера, конкурентами являются не конкретные регионы, а определенные фирмы. Ситуация создания конкурентных преимуществ становится благоприятней при условии, что фирмы одной отраслевой направленности географически сконцентрированы [2]. Геоэкономические послышки касательно пространственного аспекта конкуренции проясняют общую картину и позволяют связать тему с трансформациями в международных отношениях.

Постановка проблемы и материалы. Случай Южной Карелии демонстрирует принципы теории Портера в действии. Искусный менеджмент и управление в Южной Карелии, вместе с очевидными предпосылками для развития туризма, повышает результативность туристической деятельности региона и превращает сравнительные преимущества региона в конкурентные [3]. Приграничный регион продемонстрировал стабильность и устойчивость перед вызовами и

потрясениями благодаря сбалансированному фокусу на сильных и слабых сторонах, а также стремлению к дальнейшему развитию [3].

По оценкам Министерства занятости и экономики Финляндии, из 13,3 млрд евро расходов на туризм 4,33 млрд евро приходится на иностранных туристов (31% от общего числа), и эта цифра удвоилась с начала XXI века [4]. Эту сумму денег оставили в Финляндии более 7 млн иностранных туристов. 2013 год был очень успешным годом для Финляндии с точки зрения туризма, с рекордными 20,2 млн ночевок, из которых на долю внутренних туристов пришлось 14,4 миллиона и иностранных туристов почти на 5,9 миллиона. Из этих 5,9 млн ночевок 1,6 млн (около 28%) пришлось на российских туристов, показав уверенный рост на 7,5% по сравнению с предыдущим годом, за которыми последовали шведские, немецкие и британские туристы. Та же общая ситуация сохранялась в долях иностранных туристов и в следующем году: Россия заняла лидирующие позиции с примерно 1 339 200 ночевками, Швеция – 534 200, Германия – 498 400, Великобритания – 446 400, Франция – 215 200, США – 203 300 и другие страны – 2 460 500 (рис. 1) [4]. Отдельные крупные группы роста включают путешественников из Израиля (рост на 40,4%), Таиланда (рост на 30,4%), Китая (рост на 26,4%) и Южной Кореи (рост на 12,6%). Абсолютное количество ночевок в этих странах пока невелико, но потенциал есть. За исключением России, количество прибытий из соседних стран – Швеции (-1,1%) и Эстонии (-20,6%) – уменьшилось, как и прибытие из Центральной Европы. Внутренние туристы по-прежнему являются самой значительной группой [5].

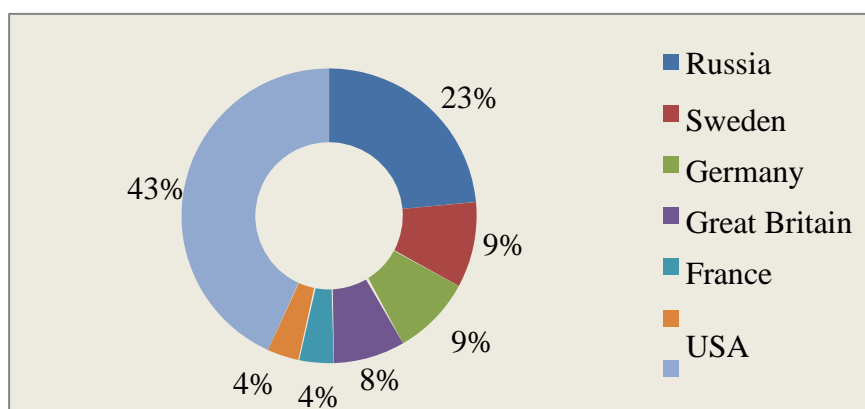

Рис. 1. Количество ночевок иностранных туристов в Финляндии в 2014 году [4].

Однако, 2014 г. для туризма в Финляндии был не столь успешным из-за тяжелой политической и экономической ситуации, связанной с кризисом в Украине. Общее количество ночевок иностранцев в Финляндии сократилось на 2,3% в связи с тем, что количество посещений россиянами, являющимися наиболее значительной группой, сократилось почти на 20% (рис. 2) [6].

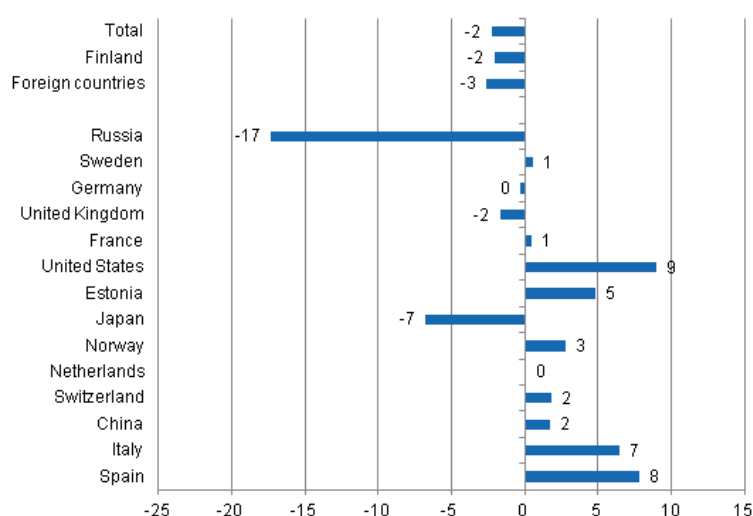

Рис. 2. Изменение количества ночевок в 2013/2014 годах, % [6].

Из-за слабой экономической ситуации, ослабления курса рубля и санкций, введенных из-за украинского кризиса, сократилось количество туристов в Финляндию, а российскую туристическую отрасль потрясла волна банкротств во второй половине 2014 г. Однако, снижение количества российских туристов в целом по стране наблюдается пока в основном по отдельным компаниям. По статистике на начало 2014 г., ночевки россиян сократились в среднем на 11 процентов (январь – август), виз выдано на 13 % меньше, по сравнению с предыдущим годом (январь-август), а беспошлинные продажи российских туристов уменьшились в среднем на 30 % (январь–сентябрь). Однако на показатели беспошлинных продаж влияет операция по счету-фактуре, по которой вы получаете НДС в качестве возмещения при следующей поездке в Финляндию. С января 2014 г. по октябрь 2014 г. число пересечений границы в Юго-Восточной Финляндии сократилось на 11 процентов (рис. 3) [5].

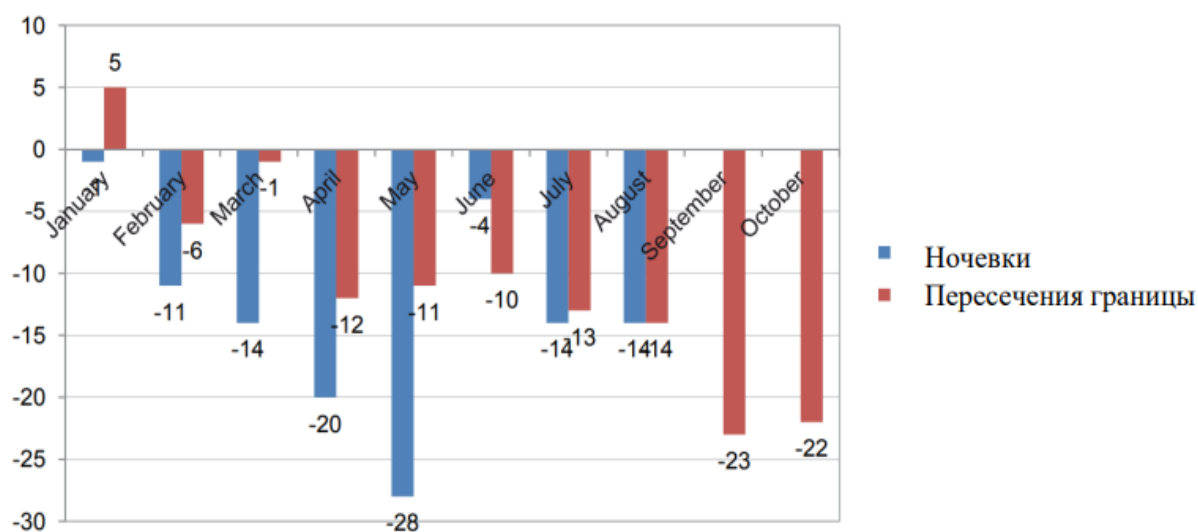

Рис. 3. Пересечение границы россиянами на юго-востоке Финляндии и ночевки по всей стране, изменение (%) в 2014 г. по сравнению с 2013 г. [5].

В Южной Карелии ситуация была еще более драматичной, чем в других регионах, из-за того, что количество ночевок россиян сократилось почти на 23,5%. Еще одним признаком того, что Южная Карелия переживает трудные времена, стало снижение заполняемости жилья на 2,5% [7]. Ослабление российского рубля по отношению к евро замедляет торговлю в Юго-Восточной Финляндии. После весны 2014 г. торговля оживилась, но в сентябре продажи снова упали. Наряду со слабым рублем, запреты на поездки, введенные Россией, также сокращают шопинг-туризм. Небольшие специализированные магазины больше всего пострадали от воздействия слабого рубля. В Южной Карелии объемы покупок россиян снизились примерно на 25–40% по сравнению с прошлым годом. Выезды за пищей, вызванные продовольственным эмбарго, оказались недостаточными, чтобы компенсировать падение, вызванное последствиями падения курса рубля [5].

Статистика и представленная финнами стратегия свидетельствует о том, что Финляндия как туристическое направление становится все более привлекательным для иностранных туристов [8]. Роль российских посетителей для туристической индустрии в масштабах всей страны, а также для региона Южной Карелии, в частности, имеет решающее значение. Особая роль в притоке российских туристов в Финляндию и приграничный регион Южная Карелия отводится г. Санкт-Петербургу,

который находится всего в 200 км от государственной границы. Фонтанка.fi обращает внимание на тот факт, что Генеральное консульство Финляндии в Санкт-Петербурге установило рекорд по предоставлению 1,25 миллиона шенгенских виз для россиян, причем более 90% из них являются мультивизами [9]. В то же время было подчеркнуто, что несмотря на то, что количество выданных виз в 2014 г. сократилось до 900 000, это повторяет статистику 2011 г., который, естественно, был неплохим годом.

Еще одна интересная статистика, показывающая значение российского туризма для экономики Финляндии и Южной Карелии – это количество покупок недвижимости (рис. 4).

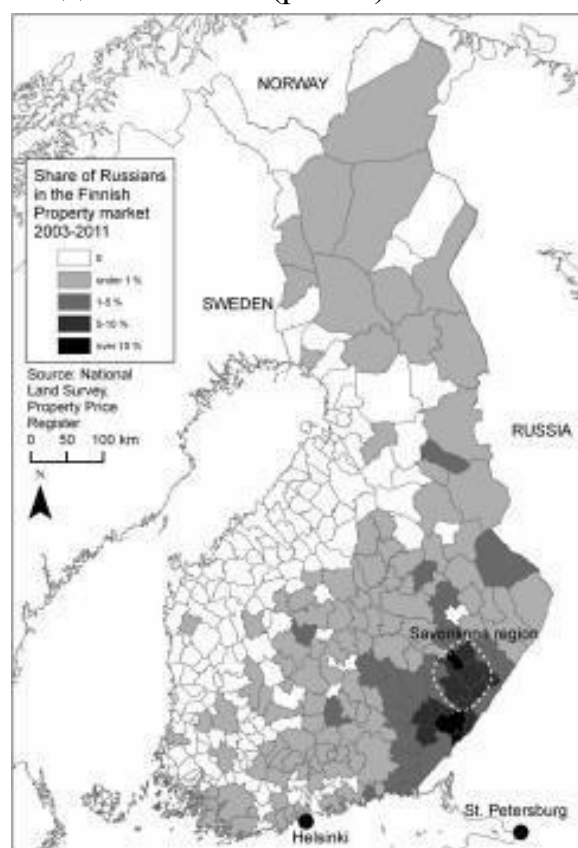

Рис. 4. Доля россиян на финском рынке недвижимости (2003–2011 гг.) [10].

Эти статистические данные показывают, что в период 2003–2011 гг. россияне купили так много домов и коттеджей в Финляндии, что к 2012 г. в Южной Карелии в среднем от 1 до 5% недвижимости принадлежало им, причем муниципалитеты Иматра и Руоколахти лидировали с долей более 5% [10]. Финляндия считается очень привлекательным местом для

россиян, чтобы иметь дачи (вторые дома/коттеджи) из-за природных преимуществ и близости к российской границе.

Дискуссия. Финляндия и Южная Карелия, в частности, оказались популярными направлениями для туристов, особенно из России и Санкт-Петербурга. Популярность постоянно растет в последние годы, но глобализированный мир стал нестабильным. Когда возникают политические или экономические трудности, падения неизбежны. Тем не менее, общая тенденция роста туристического притока не изменилась, и Суоми с его уникальными регионами по-прежнему пользовалась спросом. Полученные знания о туристических тенденциях будут использованы при анализе туристической привлекательности Южной Карелии с помощью модели Портера при определении условий спроса.

Принимая во внимание предположения модели Портера [2], важно обрисовать в общих чертах предпосылки, которыми обладает Южная Карелия как туристическое направление. К ним относятся наличие туристической инфраструктуры и мероприятий, доступность и предпосылки для эффективной деятельности.

Одним из важнейших факторов туристической привлекательности является предложение жилья. В соответствии с Booking.com, Южная Карелия предлагала 102 варианта размещения [11]. Здесь два 2-звездочных отеля, девять 3-звездочных отелей, двадцать один 4-звездочный отель, четыре 5-звездочных отеля и 66 объектов недвижимости без звездного рейтинга, что означает хостелы, гостевые дома и возможности аренды квартир или коттеджей. Предложение действительно разнообразно, так как есть предложения любой ценовой категории.

Еще одной определяющей предпосылкой для того, чтобы быть успешным местом назначения, является разнообразие туристических объектов, достопримечательностей любого рода и мест, где можно поесть вне дома. Согласно результатам поиска [12], Лаппеенранта предлагает 18 развлечений и 37 мест, где можно пообедать. В Иматре есть 9 достопримечательностей и 17 ресторанов. Что касается других муниципалитетов Южной Карелии, информация о них на удивление скудна, поэтому было бы лучше обратиться к Путеводителю по праздникам Саймаа 2015 [13]. Согласно предоставленной информации, всего в Южной Карелии насчитывалось 63 места туристической

привлекательности. Кроме того, путеводитель по отдыху содержит всю необходимую информацию и контакты 25 мест для активного отдыха, рыбалки и развлечений, 5 мест для оздоровления, 18 мест для отдыха на озере Сайма, а также 10 крупнейших торговых центров. В дополнение к этому, путеводитель по праздникам описывает программу мероприятий на весь год, которая насчитывает 122 мероприятия, которые могут быть интересны приезжим туристам. Исходя из опыта пребывания автора в этом регионе, список мест и мероприятий не является исчерпывающим, но предоставляет достаточно информации для среднестатистического туриста.

Говоря о доступности региона, стоит отметить, что в анализируемый период времени в регион можно было добраться из России любым видом транспорта, за одним исключением – самолетами, хотя в Лаппеенранте есть международный аэропорт. Так, на станции Вайниккала (30 минут езды на автобусе от Лаппеенранты) ежедневно останавливались четыре скоростных поезда Allegro, следующих из Санкт-Петербурга через Выборг и 1 ежедневный поезд "Лев Толстой", следующий из Москвы. Что касается пунктов пересечения границы, пограничная станция Нуийамаа/Брусничное является лучшим выбором для прибытия в Лаппеенранту, в то время как пограничный пункт Иматра/Светогорск обслуживает туристов, направляющихся в Иматру. На обеих станциях можно пересечь границу на велосипеде без очереди. Кроме того, нет необходимости говорить о десятках однодневных туров на микроавтобусах, организованных небольшими частными перевозчиками.

Для того, чтобы предоставлять качественные услуги и быть привлекательным направлением, Южная Карелия должна соответствовать высоким стандартам по широкому спектру факторов. Эти параметры тщательно анализируются для всей страны и оцениваются Всемирным экономическим форумом, а затем включаются в ежегодный отчет, где Финляндия занимает 17-е место среди 140 стран с оценкой 5,1 в Индексе конкурентоспособности путешествий и туризма [14]. Финляндия находится выше наиболее конкурентоспособных стран в сфере туризма, демонстрируя лучшие или высокие результаты в области безопасности, законодательства, людских ресурсов, окружающей среды, инфраструктуры, культурных и природных ресурсов. Вероятно,

единственным явным слабым местом является ценовая конкурентоспособность. Поскольку эти параметры справедливы для всей страны, они, вероятно, должны быть в равной степени справедливы и для региона Южная Карелия, что позволяет сделать вывод о том, что районы Иматры и Лаппеенранты обладают всеми необходимыми предпосылками для того, чтобы быть высококонкурентным и привлекательным туристическим направлением.

Заключение. Большое влияние на развитие туризма в Южной Карелии оказывает политика финского государства. Это проявляется в развитии институциональных, организационных действиях. Особо следует отметить развитие инфраструктуры региона и совершенствование транспортной системы.

В разные периоды российско-финских отношений развитие туристической отрасли Финляндии имело свои особенности. Наивысший период ее развития приходится на 2010-е годы. Однако, в связи с геополитическими событиями 2014 г. наметился спад российской туристической активности. Российский туризм по-прежнему очень важен для Финляндии, так как даже в прошлом году оттуда приехало более чем в три раза больше туристов, чем из любой другой страны. Количество российских туристов сократилось более чем на 17% по сравнению с предыдущим годом [15]. Снижение было заметно по всей стране, но региональные различия внутри страны, тем не менее, были значительными. Воздействие на бизнес компаний, естественно, было самым сильным в восточных частях Финляндии. В северной Финляндии доля русских среди туристов не настолько велика, чтобы это изменение оказало существенное влияние на оборот компаний.

По данным Статистического управления Финляндии, в 2014 г. в Финляндии ночевали чуть менее 19,8 млн туристов. Это на 2,3% меньше, чем в 2013 г. В 2014 г. количество иностранных туристов среди всех ночевок составило чуть менее 29%. Это на 2,8% меньше, чем годом ранее. При этом количество внутренних туристов уменьшилось на 2,1% [15]. Таким образом, основной спрос на туризм по-прежнему исходит от внутренних туристов, но в долгосрочной перспективе рост отраслевых компаний может происходить только за счет увеличения международного спроса.

Несмотря на сложную ситуацию в отрасли, по прогнозам Министерства экономического развития и занятости для туристической отрасли на 2015 г., к концу года ожидаются положительные изменения [15]. Среди тех, кто приезжает в Финляндию и Европу, ожидается увеличение количества ночевок из Китая, США, Индии и Польши. В Финляндии также увеличивается число туристов из Сингапура, Чехии и Израиля, хотя количество ночевок по-прежнему невелико.

Чем больше компаний смогут уравнивать количество своих клиентов между представителями разных стран, тем легче и с наименьшим ущербом можно управлять даже большими изменениями в странах происхождения клиентов, и поэтому быстрые и существенные изменения не будут так резко влиять на объемы туристических потоков и товарооборота.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондратьева (Степанова) С.В. Факторы развития приграничного туризма на смежных территориях России и Финляндии // Псковский региональный журнал. 2019. Выпуск 4 (40). С. 106–114.
2. Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. Москва: Издательский дом «Вильямс», 2002. 608 с.
3. Степанова С.В., Шлапек Е.А. Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 103–117.
4. Ministry of Employment and the Economy. Finnish Tourism in Numbers. Available at https://www.tem.fi/files/41894/Finnish_Tourism_in_numbers-infogr-2015_eng.pdf (accessed: 29.06.2022).
5. Toimialaraportti. Näkemyksestä menestystä. Matkailu. 2014. Available at https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/160781/Toimialaraportti_Matkailu_2014.pdf (accessed: 29.07.2022).
6. Statistics Finland. Demand for Accommodation Services Declined by 2.3 per cent in 2014. 2015. Available at: http://www.stat.fi/til/matk/2014/matk_2014_2015-04-29_tie_001_en.html (accessed: 10.07.2022).
7. Statistics Finland. Available at http://www.stat.fi/til/matk/tie_en.html (accessed: 16.07.2022).
8. Dramatic drop in Russian tourism bodes ill, says travel manager // Yle news. Available at <https://yle.fi/news/3-7744580> (accessed: 19.06.2022).
9. The number of issued Finnish visas will drop to the level of 2011. Available at <http://fontanka.fi/articles/17837> (accessed 19.06.2022).
10. Hannonen, O. Motives for Russian Second Home Ownership in Finland // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. December 2013. 13(4). P. 34–54.
11. Booking.com. Accommodation in South Karelia. Available at <http://www.booking.com> (accessed: 29.06.2022).
12. Trip Advisor.com. Search for Attractions in Finland. Available at <http://www.tripadvisor.ru/Tourism-g189896-Finland-Vacations.html> (accessed: 20.07.2022).

13. Lake Saimaa SS15 Available at <https://issuu.com/globalblue/docs/shoplakesaimaass15> (accessed: 10.07.2022).
14. Go Saimaa Ltd. Holiday Guide 2015. Services Directory, p. 38–43. Available at <http://www.gosaimaa.com/loader.aspx?id=54a01304-92db-4d62-929b-1c1272f7c2ab> (accessed: 19.07.2022).
15. Kevään 2015 toimialojen näkymät. Matkailu. 2015. Available at https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/160743/Kevaan_2015_toimialojen_nakymat_Matkailu.pdf (accessed: 29.07.2022).

REFERENCES

1. Kondratyeva (Stepanova) S.V. Faktory razvitiya prigranichnogo turizma na smezhnykh territoriyakh Rossii i Finlyandii [Factors of development of cross-border tourism in adjacent territories of Russia and Finland]. *Pskovskiy regionalnyy zhurnal*. 2019. Vypusk 4 (40). S. 106–114. (In Russ.).
2. Porter M. Konkurentsiya [On Competition]. Moscow. Vil'yams, 2005. P. 608. (In Russ.).
3. Stepanova S.V., Shlapeko Ye.A. Tendentsii razvitiya transgranichnoy trgovli v rossiysko-finlyandskom prigranichye [Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish border region] *Baltiyskiy region*. 2018. T. 10. № 4. S. 103–117. (In Russ.).
4. Ministry of Employment and the Economy. Finnish Tourism in Numbers. Available at https://www.tem.fi/files/41894/Finnish_Tourism_in_numbers-infogr-2015_eng.pdf (accessed: 29.06.2022).
5. Toimialaraportti. Näkemyksestä menestystä. Matkailu. 2014. Available at https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/160781/Toimialaraportti_Matkailu_2014.pdf (accessed: 29.07.2022).
6. Statistics Finland. Demand for Accommodation Services Declined by 2.3 per cent in 2014. 2015. Available at http://www.stat.fi/til/matk/2014/matk_2014_2015-04-29_tie_001_en.html (accessed: 10.07.2022).
7. Statistics Finland. Available at http://www.stat.fi/til/matk/tie_en.html (accessed: 16.07.2022).
8. Dramatic drop in Russian tourism bodes ill, says travel manager. *Yle news*. Available at <https://yle.fi/news/3-7744580> (accessed: 19.06.2022).
9. The number of issued Finnish visas will drop to the level of 2011. Available at <http://fontanka.fi/articles/17837> (accessed: 19.06.2022).
10. Hannonen, O. Motives for Russian Second Home Ownership in Finland. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. December 2013. 13(4). P. 34–54.
11. Booking.com. Accommodation in South Karelia. Available at <http://www.booking.com> (accessed: 29.06.2022).
12. Trip Advisor.com. Search for Attractions in Finland. Available at <http://www.tripadvisor.ru/Tourism-g189896-Finland-Vacations.html> (accessed: 20.07.2022).
13. Lake Saimaa SS15 Available at <https://issuu.com/globalblue/docs/shoplakesaimaass15> (accessed: 10.07.2022).
14. Go Saimaa Ltd. Holiday Guide 2015. Services Directory, p. 38–43. Available at <http://www.gosaimaa.com/loader.aspx?id=54a01304-92db-4d62-929b-1c1272f7c2ab> (accessed: 19.07.2022).

15. Kevään 2015 toimialojen näkymät. Matkailu. 2015. Available at https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/160743/Kevaan_2015_toimialoj_en_nakymat_Matkailu.pdf (accessed: 29.07.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Лагойко Анастасия Геннадьевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: lagojko_ag@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-2562-5897

Lagojko Anastasia G. – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: lagojko_ag@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-2562-5897

*Статья поступила в редакцию 17.08.2022. Одобрена после рецензирования 02.09.2022. Принята 03.09.2022.
Received 17.08.2022. Approved after reviewing 02.09.2022. Accepted 03.09.2022.*

Научная статья
УДК: 930
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.9

Советская историография социалистических преобразований и осуществления ленинского кооперативного плана в Узбекистане (историческая литература 1930–50-е гг.)

Ван Ли ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ 13622049491@163.com; <https://orcid.org/0000-0001-6468-5545>

***Аннотация.** Советская историческая наука уделяет большое внимание изучению социалистических преобразований в сельском хозяйстве Узбекистана и Ленинскому кооперативному плану. В современной науке назрела необходимость критической оценки историографических материалов и анализа исторического значения изменений. Первые исторические работы появились в 1930-е годы, они были написаны на основе достижений марксистско-ленинской методологии и достижений советской исторической мысли, на базе освоения ленинского идейно-теоретического наследия. В фундаментальных трудах советских историков были даны и проанализированы главные направления аграрной политики Советской власти: мероприятия по претворению в жизнь ленинского Декрета о земле, организации классовых союзов бедноты, земельно-водные реформы, проведение коллективизации, колхозное строительство и др. Эти труды имели большое значение, в которых на базе большого фактического материала, была создана картина социалистического строительства и аграрных преобразований в Узбекистане. В начале 1950-х годов выходят исследования, посвященные аграрным преобразованиям в период НЭПа, о продналоге, его социальной сущности, направленной на создание материальных условий подъема хозяйства беднейшего крестьянства (предоставление им денежного кредита, организованное снабжение семенами, обеспечение сельскохозяйственными машинами и т.д.). Во второй половине 1950-х годов начинается изучение сельского хозяйства Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Изучение советской исторической литературы имеет большое значение для современной российской историографии и исторической науки Узбекистана. С теоретической точки зрения представленная публикация раскрывает доминирование марксистско-ленинского подхода в исторической науке, с практической позиции показывает одностороннее видение «успехов» социалистического сельского хозяйства. В современных исследованиях рассматриваются объективные и субъективные факторы, оказавшие воздействие на развитие исторической науки.*

Ключевые слова: историческая наука; советская историография; Узбекистан; социалистические преобразования; кооперативный план; кишлак; сельское хозяйство; хлопчатник

Для цитирования: Ван Л. Советская историография социалистических преобразований и осуществления ленинского кооперативного плана в Узбекистане (историческая литература 30–50-е гг.) // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 128–144. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.9

© Ван Л., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 930

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.9

Soviet historiography of socialist transformations of Leninist cooperative plan in Uzbekistan (historical literature of the 1930–50s)

Wang Li ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ 13622049491@163.com; <https://orcid.org/0000-0001-6468-5545>

Abstract. *Soviet historical science has paid great attention to the study of socialist transformations in agriculture in Uzbekistan and Lenin's cooperative plan. In modern science, there is a need for a critical assessment of historiographic materials and an analysis of the historical significance of changes. The first historical works appeared in the 1930s, they were written on the basis of the achievements of the Marxist-Leninist methodology and the achievements of Soviet historical thought, on the basis of the development of Lenin's ideological and theoretical heritage. In the fundamental works of Soviet historians, the main directions of the agrarian policy of the Soviet government were given and analyzed: measures to implement the Lenin Decree on land, the organization of class unions of the poor, land and water reforms, collectivization, collective farm construction, etc. Publications were of great importance, in them, on the basis of a large factual material accumulated by Soviet historical science, a picture of socialist construction and agrarian transformations in Uzbekistan was created. In the early 1950s, works were published on agrarian transformations during the NEP's period, on the food tax, its social essence, aimed at creating material conditions for the rise of the economy of the poorest peasantry: providing them with a monetary loan, organized seed supply, provision of agricultural machinery, etc. In the second half of the 1950s, the study of agriculture in Uzbekistan in the years of the Great Patriotic War. The study of Soviet historical literature is of great importance for modern Russian historiography and Uzbekistan's history. From a theoretical point of view, it reveals the Marxist-Leninist approach to historical science as a dominant, from a practical point of view it shows a one-sided vision of the "successes" of socialist agriculture. Modern studies examine objective and subjective factors that influenced the development of historical science.*

Keywords: historical science; soviet historiography; Uzbekistan; socialist transformation; cooperative plan; village; agriculture; cotton

For citation: Wang Li. Soviet historiography of socialist transformations of Leninist cooperative plan in Uzbekistan (historical literature of the 30–50s). *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 128–144. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.9

© Wang Li, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение. Со второй половины 1930-х годов СССР вступил в период упрочения и развития социалистического общества, который был прерван начавшейся войной. Великая Отечественная война явилась суровым испытанием и для тружеников сельского хозяйства. В годы войны сельское хозяйство страны, колхозное крестьянство сумели не только выдержать неимоверные трудности военного времени, но и достичь новых рубежей. Все эти вопросы нашли отражение в советской исторической литературе, написанной на материалах Узбекистана.

Постановка проблемы. В исследуемый период находят освещение и новые вопросы социалистических аграрных преобразований. Аграрная литература вобрала в себя все достижения научной исторической мысли и расширила проблематику на базе дальнейшего освоения ленинского идейно-теоретического наследия, изучения документов съездов и конференций КПСС и Коммунистической партии Узбекистана, статистических данных, материалов переписей 1917 и 1920 года. Вместе с тем в исследованиях рассматриваются объективные и субъективные факторы, оказавшие воздействие на развитие исторической науки.

Материалы исследования и их обсуждение. В анализируемый период выходят в свет сборники документов [1; 2; 3; 4] и обобщающие труды [5; 6], в которых содержится большой фактический материал, отражающий основные достижения аграрной политики Советской власти. В статистических и документальных сборниках отражены результаты осуществления аграрной политики с первых этапов социалистического преобразования до конца 1950-х годов. Аграрные преобразования в Узбекистане частично освещены и в документальном сборнике «Аграрная политика Советской власти».

В обобщающих трудах историков Узбекистана характеризуются основные направления осуществления аграрной политики Советской власти: мероприятия по претворению в жизнь ленинского Декрета о земле, организации классовых союзов бедноты, земельно-водные реформы, проведение коллективизации, колхозное строительство и др. Эти труды имели большое значение, ибо в них впервые была предпринята попытка на базе большого фактического материала, накопленного исторической наукой, создать цельную картину социалистического строительства и одного из его направлений – аграрных преобразований.

Аграрные социалистические преобразования находят отражение в материалах VII–IX и XIII съездов Коммунистической партии Узбекистана [7; 8].

Все это способствовало дальнейшему развитию исторической мысли в республике, достижению новой, более высокой ступени в научно-теоретической разработке истории аграрной политики в Узбекистане.

Историки уделяют большое внимание исходному уровню социалистических, в частности, аграрных преобразований [9; 10; 11; 12]. В.Я. Непомнин подчеркивал, что важным фактором подъема сельского хозяйства Туркестана с конца 1880-х годов стал рост хлопководства, обусловленный интенсивным развитием текстильной промышленности метрополии [12, с. 37]. Наряду с этим начинает возрастать товарность сельского хозяйства, усиленно развивается товарно-денежные отношения. Однако это незначительно повлияло на производственные методы сельского хозяйства. «Даже в хлопковых районах с их высокой товарностью продолжали господствовать докапиталистические методы эксплуатации крестьян и широко были распространены различные феодальные и полуфеодальные формы издольщины (чайрикерство). В деревне существовали и тесно между собой переплетались докапиталистические и капиталистические методы эксплуатации непосредственных производителей» [12, с. 37]. Несмотря на это, в узбекском кишлаке постепенно происходили определенные социально-экономические изменения: новые буржуазные отношения, хотя и крайне медленно, но внедрялись, обостряя классовую борьбу и усиливая социальное расслоение.

В конце 1950-х годов выходят в свет работы, в которых рассматриваются вопросы аграрных преобразований в период, предшествующий новой экономической политике, в частности, предналоге, его социальной сущности, направленной на создание материальных условий подъема хозяйства беднейшего крестьянства: предоставление им денежного кредита, организованное снабжение семенами, обеспечение сельскохозяйственными машинами и т.д. [12, с. 67–68; 13].

Исследователи на основе фактического материала изучали роль новой экономической политики в подъеме сельскохозяйственного производства республики, показав, что она в тот период была единственно правильной, на основе которой стало возможным осуществление

восстановительных процессов и дальнейших социалистических преобразований в Узбекистане. Однако надо подчеркнуть, что трудности и особенности осуществления этой политики в конкретно-исторических условиях Туркестана еще не получили должного освещения. Общим недостатком литературы по аграрной проблематике являлся ее иллюстративный характер, который зачастую подменял теоретические обобщения и выводы.

В работах В.Я. Непомнина и Ш.Ш. Абдуллаева [12, с. 90–106; 14] рассматриваются особенности развития народного хозяйства Туркестанской АССР в период, предшествующий нэпу, и начала восстановительного периода. Авторы подчеркивали огромное значение новой экономической политики для Туркестана, с его многоукладным хозяйством, в котором преобладало мелкое производство. Они, в частности отмечали такие моменты, как незавершенность осуществления ленинского Декрета о земле, затяжной характер гражданской войны и борьбы с басмачеством, наличие многочисленных социально-экономических пережитков в экономике Туркестана.

В литературе также рассматривался вопрос об осуществлении ленинского Декрета о земле в Туркестане. В работе Г.Р. Ризаева [15, с. 29] отмечалось, что ленинский Декрет о земле на местах вообще не проводился в жизнь. В.Я. Непомнин не разделял такую точку зрения. Используя многочисленные архивные материалы и вводя их в научный оборот, он показал, что ленинский Декрет о земле начал осуществляться в Туркестане сразу же после его обнародования, однако в силу объективных причин его полное претворение в жизнь, включая отдельные области республики, задержалось до конца восстановительного периода и проведения земельно-водной реформы 1925–1929 годах [12, с. 152]. Автор исследует сущность ряда мероприятий, направленных на осуществление Декрета о земле в Туркестане, и вместе с тем отмечает трудности, стоящие на пути его реализации, вызванные упорным сопротивлением байско-помещичьих элементов и местного духовенства [12, с. 62–64].

Рассматривая особенности и трудности осуществления ленинского Декрета о земле, авторы отмечали большое влияние религиозных и бытовых предрассудков на трудовое крестьянство, которое приводило к тому, что наблюдались случаи отказа беднейших крестьян взять в

пользование отчужденную земельной комиссией у бая землю. Туркестанское крестьянство с энтузиазмом встретило ленинский Декрет, принимало активное участие в его реализации, участвуя в земельно-водных комиссиях, создавая классовые организации бедноты и т.д.

Историки изучали также классовую борьбу в кишлаках на начальном этапе осуществления ленинского Декрета о земле, повышении политической сознательности узбекского крестьянства [16; 17], создание комитетов и союзов бедноты [12, с. 56–58], союза «Кошчи» [18; 19; 20]. В частности, отмечалось, что организация комитетов и союзов бедноты в Туркестане была намного слабее, чем в центре страны. Это объяснялось общей отсталостью кишлаков, унаследованной от феодально-колониального периода.

Уже к концу 1940-х годов [21] в ряде публикаций начинает упоминаться союз «Кошчи». Однако все ограничивалось лишь констатацией факта существования этого союза, авторы не указывали точное время его создания, не была отражена его роль в период перехода к новой экономической политике и т.д.

Изучение истории союза «Кошчи» началось лишь с середины 1950-х годов, с выходом в свет работ М.Х. Давлет-Юсупова и М.М. Абрамова. Опираясь на архивные данные, они проследили путь создания союза, изучили основные направления его деятельности, показали организующие и мобилизующие функции, популярность его в народе. Однако круг этих вопросов в те годы не получил полного освещения, и дальнейшее более углубленное его изучение было продолжено в 60–70-е годы.

В исторической литературе исследуемого периода особое внимание уделялось земельно-водным реформам 1920–1921 и 1925–1929 годов [9; 12; 15; 16; 17; 22]. Если в годы первого периода историографии ученые рассматривали в основном земельно-водную реформу 1925–1929 годов, то в годы второго периода они обращались и к реформе 1920–1921 года. Авторы изучали цели и задачи, которые преследовали реформы, процесс их практического осуществления в условиях Советского Туркестана и Узбекистана, а также социально-экономические и политические последствия этих реформ.

Обобщая труд исследователей, можно сделать вывод о том, что цели и задачи 1920–1921 годов сводились к урегулированию земельно-водных отношений между переселенческим и местным населением Туркестанской

АССР, ликвидации самовольных захватов земель и возвращению их коренному населению, ограничению в землепользовании местных феодалов, баев, кулацких хозяйств и за счет этих и изъятых земель наделению земель батраков и бедное коренное и переселенческое население.

Анализируя социально-экономические и политические последствия этой реформы, историки отмечали ее огромную роль в ликвидации старых производственных отношений в сельском хозяйстве республики, укреплении дружб между народами Туркестана и русским народом, а также союза рабочего класса и крестьянства.

Следует отметить, что в рассматриваемый период в исторической литературе четко не был поставлен вопрос о характере реформы 1920–1921 годов, о том месте, которое она занимала в системе мероприятий Советской власти по социалистической перестройке узбекского кишлака. Безусловно, положительными факторами являются конкретно-экономические, цифровые показатели, характеризующие излишки, изъятые против норм землепользования по областям и в целом по Туркестанской АССР. «В результате земельной реформы в Семиреченской, Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях было изъято более 250 тыс. десятин земли, на которых устроено свыше 9 тыс. хозяйств батраков и бедняков» [11; 12, с. 85].

С.В. Тихонова отмечала, что реформа ускорила советизацию туркестанской деревни, способствовало сплочению трудящихся масс вокруг Коммунистической партии, оседанию части кочевых хозяйств, пополнению состава Компартии Туркестана лучшими представителями кишлака и аула; реформа нанесла удар по остаткам колонизаторства, подорвав ее экономическую и политическую основу; способствовала ликвидации басмачества [23].

В 1930–1940-е годы земельно-водная реформа 1925–1929 годов в исторической литературе специально не рассматривалась. Только в работах Е.Е. Житова и В.Я. Непомнина [9] приводились самые общие цифровые данные по ее осуществлению. Первыми трудами, специально посвященные этой реформе, были работ Г.Р. Ризаева и А. Гуревича [15; 24], в которых рассматривалось состояние сельского хозяйства накануне ее проведения. А. Гуревич несколько шире, чем Г.Р. Ризаев, отразил

предпосылки, ход и итоги реформы. Он стремился показать руководящую и направляющую роль Коммунистической партии, а также повышение политической активности крестьянства в момент ее осуществления. Несмотря на значимость этих работ для того времени, они в исследуемом вопросе шли более «вширь», чем «вглубь», результатом чего явилась беглая констатация событий. Кроме того, они в какой-то мере преувеличивали ее значение, утверждая, что в ходе реформы было уничтожено кулачество в кишлаках, тогда, как известно, что эта задача была решена в Узбекистане лишь в процессе осуществления сплошной коллективизации [15; 25].

В 1950-е годы были опубликованы книги О.Б. Джамалова и В.Я. Непомнина [12; 26], в которых также изучались вопросы земельно-водной реформы 1925–1929 годов. О.Б. Джамалов ввел в научный оборот обширный цифровой материал о результатах реформы, определил ее роль в системе мероприятий по перестройке сельского хозяйства Узбекистана на социалистический лад. В.Я. Непомнин подробно осветил ряд вопросов, связанных с предпосылками, задачами, практическим осуществлением и значением реформы для социалистического строительства в Узбекистане. Автор широко использовал результаты выборочного обследования кишлаков и аулов, проводившегося в республике по решению партийных и советских органов. Он показал, что результаты обследования, опубликованные в 1926–1927 годах в 15 выпусках [27], оказали большую помощь при проведении реформы. В.Я. Непомнин обратил внимание на обострившуюся классовую борьбу в кишлаках в связи с проведением реформ, а также определил ее политическое и экономическое значение [12, с. 139–141]. Однако при изложении истории и реформы он не увязал ее с другими мероприятиями, направленными на социалистическую перестройку сельского хозяйства Узбекской ССР.

Специально рассматривался в исторической литературе вопрос о борьбе за хлопок, за развитие хлопководства как профилирующей отрасли сельскохозяйственного производства Узбекистана. Серьезные попытки показать ход восстановительных процессов в этой отрасли сельского хозяйства республики были реализованы во второй половине 1950-х годов. Следует вместе с тем отметить, что ни один историк аграрной проблематики не оставлял без внимания эту тему, подчеркивая, что

хлопководство всегда находилось в центре внимания КПСС, Компартии и правительства Узбекистана [28; 29].

В работе К.Р. Рахимова [22], специально посвященной хлопководству, дается краткий обзор успехов в развитии этой отрасли хозяйства. В небольших по объему публикациях не мог быть основательно рассмотрен весь комплекс вопросов. В работах тех лет почти отсутствовал научный аппарат, хотя в них и приводился большой фактический материал.

В 1957 году выходят в свет труд Г.Р. Ризаева, А.В. Раззакова, Н.И. Агальцевой и М.В. Мухамеджанова [11; 30; 31; 32] и других, в которых исследуется развитие хлопководства, показана помощь Советского государства и Коммунистической партии в деле восстановления и дальнейшего развития хлопководства и ирригации в республике, показана деятельность Коммунистической партии по руководству трудящимися в их борьбе за подъем хлопководства. Однако во всех этих работах не получили освещения вопросы социально-экономических изменений, происшедших в кишлаке в результате восстановления и дальнейшего развития хлопководства.

В.Я. Непомнин и Г.Р. Ризаев [12; 33] показали также заботу Коммунистической партии и Советского правительства о развитии хлопководства. Отмечая степень изученности вопроса о хлопководстве в те годы, следует отметить, что авторы рассматривали значительный хронологический отрезок времени, а исследовали этот вопрос в самых общих чертах. С вопросом развития хлопководства тесно связан вопрос об освоении новых земель, который начинает освещаться в конце 1950-х годов. В брошюре С.-К. Зиядуллаева [34] показано огромное значение ввода в эксплуатацию земель нового орошения для сельского хозяйства.

Продолжалась разработка истории осуществления ленинского кооперативного плана и проведения коллективизации в Узбекистане [26; 35; 36; 37]. В работе С.С. Саидалиева [37], явившейся для того времени значительным событием в разработке аграрной проблематики, отразились многие черты, свойственные литературе того периода, в частности, некоторая иллюстративность изложения.

Особого внимания заслуживают работы историков, в которых рассматривается помощь центральных районов страны республике в деле

социалистических аграрных преобразований. Из таких публикаций, можно отметить статью А.И. Зевелева [38].

Новые вопросы, посвященные аграрным вопросам были связаны с периодом Великой Отечественной войны и послевоенным периодом. Эта литература была крайне малочисленна [39; 40; 41] и начала выходить в свет в основном только в 1950-х годах.

Результаты исследования. Итоги изучения литературы 1930–1950-х годов по вопросам аграрных преобразований в Узбекской ССР позволяют выявить ряд ее характерных особенностей.

Качественные изменения в кадрах исторического фронта положительно сказались и на опубликованной литературе. Расширялась источниковая основа публикаций, привлекались новые архивные материалы, а также труды классиков марксизма-ленинизма, материалы партийных съездов, конференций, Пленумов ЦК КПСС и ЦК КП Узбекистана, отражавшие различные аспекты социалистического строительства, в частности аграрной политики.

Характерной чертой исторической литературы по аграрному вопросу рассматриваемого периода явилось стремление исследователей к изучению начальных этапов социалистических аграрных преобразований. Это выразилось в обращении к рассмотрению таких аспектов, как продовольственная политика в период осуществления «военного коммунизма» аграрные преобразования в первые годы нэпа, создание массовых организаций бедноты, земельно-водная реформа 1920–1921 годов, осуществление ленинского Декрета о земле. Эти вопросы в предшествующие годы в исторической литературе не рассматривались.

Изучение вопросов аграрных преобразований в исторической литературе позволяет констатировать, что она в количественном отношении была малочисленна. Что касается ее качественной стороны, то здесь превалировал иллюстративный метод освещения событий, хотя историки того времени и располагали достаточным фактическим материалом. Это может быть объяснено отмеченными выше причинами, а также отчасти объективными условиями военного времени и первых послевоенных лет.

До середины 1950-х годов фактически не было значительных научных исследований по аграрной проблеме. Лишь после XX съезда КПСС работа

по изучению различных вопросов аграрной проблематики заметно активизировалась, что дало результаты во второй половине 1950-х годов. В исторической литературе продолжались исследования исходного уровня социалистических аграрных преобразований, развития хлопководства, восстановительных процессов в сельском хозяйстве, коллективизации и т.д.

Заключение. Необходимо отметить, что целый ряд вопросов по аграрной проблематике не получил еще должного освещения: осуществление ленинского кооперативного плана и его социально-экономические и политические последствия. Не были достаточно изучены вопросы о предпосылках коллективизации, о трудностях и ошибках, имеющих место при ее проведении, о роли сельскохозяйственной кооперации в подготовке и проведении коллективизации, ее последующей судьбы, повышение благосостояния и культурного уровня крестьянства республики и др. Только во второй половине 1950-х годов начинают изучаться вопросы состояния сельского хозяйства времени Великой Отечественной войны. Тем не менее, в историографических исследованиях отмечаются объективные и субъективные факторы, оказавшие воздействие на развитие исторической науки (например, исследования В.Я. Непомнина). Вместе с тем в изучаемый период не получили широкого освещения социалистические и психологические аспекты социалистических аграрных преобразований, вопрос повышения трудовой и политической активности крестьянства, помощи центра в осуществлении аграрных преобразований, укрепления союза рабочего класса и крестьянства и некоторые другие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: Сборник документов / Сост.: К.Е. Житов и В.Г. Крылова; Под общ. ред. И.К. Додонова. Ташкент: Госиздат УзССР. 1947. 232 с.
2. Аграрная политика Советской власти. (1917–1918 гг.): Документы и материалы. Москва: Изд-во Акад. наук СССР. 1954. 552 с.
3. Ленин В.И. О Средней Азии и Узбекистане: Сборник. Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. 178 с.
4. Развитие экономики и культуры Советского Узбекистана / Отв. ред. И.Н. Тогоев. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР. 1957. 336 с.
5. История Узбекской ССР / Под ред. С.П. Толстова и др. Т. 2: [Советский период. 1917–1957] / Под ред. акад. К.Е. Житова и др. 1957. 654 с.
6. Гулямов Я.Г., Набиев Р.Н., Вахабов М.Г. История Узбекской ССР. Ташкент. 1958. (на узбекском языке).

7. Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент: Госиздат УзССР. 1957. 494 с.
8. Резолюции постановления съездов Коммунистической партии Туркестана 1918–1924 гг. Ташкент: Госиздат УзССР. 1958. 212 с.
9. Житов К.Е., Непомнин Е. От колониального рабства к социализму: (К 15-летию образования Узб. ССР). Ташкент: Узпартиздат. 1939. 124 с.
10. Бедринцев К.Н. Узбекистан в народном хозяйстве // Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. Ташкент, 1950. С. 7–16.
11. Ризаев Г.Р. Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет. Ташкент: Госиздат УзССР. 1957. 266 с.
12. Непомнин В.Я. Очерки истории социалистического строительства в Узбекистане (1917–1937 гг.). Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР. 1957. 219 с.
13. Рахимов К.А. Значение новой экономической политики в восстановлении дехканского хозяйства Самаркандской области в 1921–1925 гг. // Труды УзГУ. 1958. Вып. 83. С. 37–69.
14. Абдуллаев Ш.Ш. К вопросу о некоторых особенностях восстановительного периода в Туркменской АССР // Ученые записки Ташкентского ГПИ. 1956. Вып. 3. С. 53–62.
15. Ризаев Г.Р. Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1947. 64 с.
16. Чикаев Х.Ф. Из истории борьбы Коммунистической партии за разрешение земельно-водного вопроса в основных хлопководческих районах Туркестанской республики (октябрь 1917–1925 гг.). // Труды УзГУ. 1956. Вып. 61. С. 61–116.
17. Попов А.В. Развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства в Туркестане в первые годы Советской власти (1918–1921 гг.). // Труды УзГУ. 1957. Вып. 83. С. 78–112.
18. Давлет-Юсупов М.Х. Союз «Кошчи» и его роль в укреплении Советской власти и восстановлении сельского хозяйства в Туркестанской АССР (1919–1924 гг.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1956. 67 с.
19. Давлет-Юсупов М.Х. Союз «Кошчи» и его роль в борьбе за проведение земельно-водной реформ в Узбекистане (1925–1929 гг.). // Ученые записки Ташкентского ГПИ. 1958. Вып. 9. С. 51–74.
20. Абрамов М.М. О деятельности союза «Кошчи» в Самаркандской области (1919–1927 гг.). // Труды УзГУ. 1958. Вып. 83. С. 3–36.
21. Зуфаров А.Ю., Ризаев Г.Р., Ершов В.В., Воскобойников Э.А. Советский Узбекистан в борьбе за развитие хлопководства. (1918–1948 гг.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1949. 83 с.
22. Рахимов К.Р. Хлопководство Узбекистана за 25 лет: [К 25-летию Узб. ССР]. Ташкент: Госиздат УзССР, 1949. 88 с.
23. Тихонова С.В. Большевики Туркестана в борьбе за единство партии в период перехода от гражданской войны к мирному хозяйственному строительству // Труд Узбекского филиала ИМЭЛ. 1951. Вып. 1. С. 118–154.
24. Гуревич А. Земельно-водная реформа в Узбекской ССР (1925–1929 гг.). // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 50–69.

25. Шалашилин И.Е. Победа социалистического хлопководства в Узбекистане: (К 25-летию Узбек. ССР). Ташкент: Госиздат УзССР, 1949. 100 с.
26. Джамалов О.Б. Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1950. 124 с.
27. Современный кишлак Средней Азии (Социально-экономический очерк): в 15 вып. / Под ред. Б.Б. Карп и И.Е. Сулова. Ташкент: Ср.-Азиат. бюро ЦК ВКП(б), 1926–1927.
28. Икрамов А. Из речи на VII курултае ленинского Коммунистического союза молодежи Узбекистана 22 февраля 1936 г. // Икрамов А. Избранные труды. Т. 3. С. 146–147.
29. Рашидов Ш.Р. О дальнейшем развитии хлопководства в свете решений XXV съезда КПСС: Доклад на науч. сессии ВАСХНИЛ "Дальнейшее развитие хлопководства в СССР и задачи науки", 12–14 сент. 1977 г., Ташкент, 1977. 55 с.
30. Раззаков А.В. Из истории борьбы трудящихся Туркестанской АССР за восстановление хлопководства. (1921–1924 гг.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. 128 с.
31. Агальцева Н.И. Борьба Коммунистической партии за подъем хлопководства в 1922–1924 гг. // Научные труды Самаркандского ИСТ. Т. VIII, 1957. С. 5–30.
32. Мухамеджанов М.В. Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет // Социалистическое сельское хозяйство Узбекистана. 1957. № 11. С. 8–20.
33. Ризаев Г.Р. Из истории развития сельского хозяйства Советского Узбекистана (1917–1956 гг.) // Ученые записки Ташкентского ГПИ. 1958. Вып. 9. С. 21–50.
34. Зиядуллаев С.-К. Важнейшие вопросы строительства и освоения Голодной степи. Ташкент: Госиздат УзССР. 1957. 35 с.
35. Ибрагимова А. Сплошная коллективизация сельского хозяйства Ферганской долины (1929–1932 гг.) // Из истории Советского Узбекистана. Ташкент. 1956. С. 173–192.
36. Наржигитов Р. Коллективизация сельского хозяйства – важнейшее условие подъема и развития хлопководства в Узбекистане // Труд Ташкентского СХИ. 1958. Вып. 12. С. 85–96.
37. Саидалиев С.С. Борьба за осуществление ленинского кооперативного плана в Узбекистане. Ташкент: Госиздат УзССР. 1958. 131 с.
38. Зевелев А.И. Помощь народов России, Коммунистической партии и Советского государства трудящимся Туркестана в первый период гражданской войны // Ученые записки Ташкентского ГПИ. 1957. Вып. 6. С. 89–109.
39. Воскобойников Э.А., Яковлев В.М. Борьба Коммунистической партии Узбекистана за обеспечение страны хлопком в годы Великой Отечественной войны // Научные записки Ташкентского ФЭИ. 1957. Вып. 9. С. 113–127.
40. Рахимов Ф. Коммунист Ташкентской области в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) // Ученые записки Ташкентского ГПИ. 1957. Вып. 6. С. 167–207.
41. Каримов И.А. Борьба партийной организации Узбекистана за усиление массово-политической работы среди колхозного крестьянства республики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Труды Ташкентского СХИ. 1958. Вып. 2. С. 11–44.

REFERENCES

1. Pobeda Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii v Turkestane [The Victory of the Great October Socialist Revolution in Turkestan]. Sbornik dokumentov / Sost.: K.E. Zhitov i V.G. Krylova; Pod obshh. red. I.K. Dodonova. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 1947. 232 s. (In Russ.).
2. Agrarnaja politika Sovetskoj vlasti. (1917–1918 gg.) [Agrarian policy of the Soviet power. (1917–1918)]. Dokumenty i materialy. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 1954. 552 s. (In Russ.).
3. Lenin V.I. O Srednej Azii i Uzbekistane [About Central Asia and Uzbekistan]. Sbornik. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1957. 178 s. (In Russ.).
4. Razvitie jekonomiki i kul'tury Sovetskogo Uzbekistana [Development of the economy and culture of Soviet Uzbekistan] / Otv. red. I.N. Togojev. Tashkent: Izd-vo Akad. nauk UzSSR. 1957. 336 s. (In Russ.).
5. Istorija Uzbekskoj SSR [History of the Uzbek SSR] / Pod red. S.P. Tolstova i dr. T. 2: [Sovetskij period. 1917–1957] / Pod red. akad. K.E. Zhitova i dr. 1957. 654 s. (In Russ.).
6. Guljamov Ja.G., Nabiev R.N., Vahabov M.G. Istorija Uzbekskoj SSR [History of the Uzbek SSR]. Tashkent. 1958. (In Uzbek.).
7. Rezoljucii i reshenija s`ezdov Kommunisticheskoj partii Uzbekistana [Resolutions and decisions of the congresses of the Communist Party of Uzbekistan]. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 1957. 494 s. (In Russ.).
8. Rezoljucii postanovlenija s`ezdov Kommunisticheskoj partii Turkestana 1918–1924 gg. [Resolutions of the resolutions of the congresses of the Communist Party of Turkestan in 1918–1924]. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 1958. 212 s. (In Russ.).
9. Zhitov K.E., Nepomnin E. Ot kolonial'nogo rabstva k socializmu: (K 15-letiju obrazovanija Uzb. SSR) [From colonial slavery to socialism: (to the 15th anniversary of the formation of the Uzbek SSR)]. Tashkent: Uzpartizdat. 1939. 124 s. (In Russ.).
10. Bedrincev K.N. Uzbekistan v narodnom hozjajstve [Uzbekistan in the national economy]. *Uzbekistan. Jekonomiko-geograficheskaja harakteristika*. Tashkent, 1950. S. 7–16. (In Russ.).
11. Rizaev G.R. Sel'skoe hozjajstvo Uzbekistana za 40 let [Agriculture of Uzbekistan for 40 years]. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 1957. 266 s. (In Russ.).
12. Nepomnin V.Ja. Oчерki istorii socialisticheskogo stroitel'stva v Uzbekistane (1917–1937 gg.) [Essays on the history of socialist construction in Uzbekistan (1917–1937)]. Tashkent: Izd-vo Akad. nauk UzSSR. 1957. 219 s. (In Russ.).
13. Rahimov K.A. Znachenie novej jekonomicheskoj politiki v vosstanovlenii dehkanskogo hozjajstva Samarkandskoj oblasti v 1921–1925 gg. [The Significance of the New Economic Policy in the Restoration of the Dekhkan Economy of the Samarkand Region in 1921–1925]. *Trudy UzGU*. 1958. Vyp. 83. S. 37–69. (In Russ.).
14. Abdullaev Sh.Sh. K voprosu o nekotoryh osobennostjakh vosstanovitel'nogo perioda v Turkmenskoj ASSR [To the question of some features of the recovery period in the Turkmen ASSR]. *Uchennye zapiski Tashkenskogo GPI*. 1956. Vyp. 3. S. 53–62. (In Russ.).
15. Rizaev G.R. Kratkij очерк zemel'no-vodnoj reformy v Uzbekistane [Brief outline of land and water reform in Uzbekistan]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1947. 64 s. (In Russ.).
16. Chikaev H.F. Iz istorii bor'by Kommunisticheskoj partii za razreshenie zemel'no-vodnogo voprosa v osnovnyh hlopkovodcheskih rajonah Turkestanskoj respubliki (oktjabr' 1917–1925 gg.) [From the history of the struggle of the Communist Party for the

resolution of the land and water issue in the main cotton-growing regions of the Turkestan Republic (october 1917–1925)]. *Trudy UzGU*. 1956. Vyp. 61. S. 61–116. (In Russ.).

17. Popov A.V. Razvitie i ukreplenie sojuza rabocheho klassa i krest'janstva v Turkestane v pervye gody Sovetskoj vlasti (1918–1921 gg.) [Development and strengthening of the union of the working class and the peasantry in Turkestan in the first years of Soviet power (1918–1921)]. *Trudy UzGU*. 1957. Vyp. 83. S. 78–112. (In Russ.).

18. Davlet-Jusupov M.H. Sojuz «Koshchi» i ego rol' v ukreplenii Sovetskoj vlasti i vosstanovlenii sel'skogo hozjajstva v Turkestanskoj ASSR (1919–1924 gg.) [Union "Koshchi" and its role in strengthening Soviet power and restoring agriculture in the Turkestan ASSR (1919–1924)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1956. 67 s. (In Russ.).

19. Davlet-Jusupov M.H. Sojuz «Koshchi» i ego rol' v bor'be za provedenie zemel'no-vodnoj reform v Uzbekistane (1925–1929 gg.) [Union "Koshchi" and its role in the struggle for land and water reforms in Uzbekistan (1925–1929)]. *Uchenye zapiski Tashkentskogo GPI*. 1958. Vyp. 9. S. 51–74. (In Russ.).

20. Abramov M.M. O dejatel'nosti sojuza «Koshchi» v Samarkandskoj oblasti (1919–1927 gg.) [On the activities of the "Koshchi" union in the Samarkand region (1919–1927)]. *Trudy UzGU*. 1958. Vyp. 83. S. 3–36. (In Russ.).

21. Zufarov A.Ju., Rizaev G.R., Ershov V.V., Voskobochnikov Je.A. Sovetskij Uzbekistan v bor'be za razvitie hlopkovodstva. (1918–1948 gg.) [Soviet Uzbekistan in the struggle for the development of cotton growing. (1918–1948)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1949. 83 s. (In Russ.).

22. Rahimov K.R. Hlopkovodstvo Uzbekistana za 25 let: [K 25-letiju Uzb. SSR] [Cotton growing in Uzbekistan for 25 years: [To the 25th anniversary of Uzbek. SSR]]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1949. 88 s. (In Russ.).

23. Tihonova S.V. Bol'sheviki Turkestana v bor'be za edinstvo partii v period perehoda ot grazhdanskoj vojn k mirnomu hozjajstvennomu stroitel'stvu [The Bolsheviks of Turkestan in the struggle for the unity of the party during the period of transition from civil wars to peaceful economic construction]. *Trud Uzbekskogo filiala IMJEL*. 1951. Vyp. 1. S. 118–154. (In Russ.).

24. Gurevich A. Zemel'no-vodnaja reforma v Uzbekskoj SSR (1925–1929 gg.) [Land and Water Reform in the Uzbek SSR (1925–1929)]. *Voprosy istorii*. 1948. № 11. S. 50–69. (In Russ.).

25. Shalashilin I.E. Pobeda socialisticheskogo hlopkovodstva v Uzbekistane: (K 25-letiju Uzbek. SSR) [The victory of socialist cotton growing in Uzbekistan: (To the 25th anniversary of the Uzbek SSR)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1949. 100 s. (In Russ.).

26. Dzhamalov O.B. Social'no-jekonomicheskie predposylki sploshnoj kollektivizacii sel'skogo hozjajstva v Uzbekistane [Socio-economic prerequisites for the complete collectivization of agriculture in Uzbekistan]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1950. 124 s. (In Russ.).

27. Sovremennyj kishlak Srednej Azii (Social'no-jekonomicheskij ocherk) [Modern village of Central Asia (Socio-economic essay)]: v 15 vyp. / Pod red. B.B. Karp i I.E. Suslova. Tashkent: Sr.-Aziat. bjuro CK VKP(b), 1926–1927. (In Russ.).

28. Ikramov A. Iz rechi na VII kurultae leninskogo Kommunisticheskogo sojuza molodezhi Uzbekistana 22 fevralja 1936 g. [From a speech at the 7th kurultai of the Leninist Communist Youth Union of Uzbekistan on February 22, 1936]. Ikramov A. *Izbrannye trudy*. T. 3. S. 146–147. (In Russ.).

29. Rashidov Sh.R. O dal'nejshem razvitii hlopkovodstva v svete reshenij XXV s'ezda KPSS [On the further development of cotton growing in the light of the decisions of the XXV Congress of the CPSU]. *Doklad na nauch. sessii VASHNIL "Dal'nejshee razvitie hlopkovodstva v SSSR i zadachi nauki"*, 12–14 sent. 1977 g., Tashkent, 1977. 55 s. (In Russ.).
30. Razzakov A.V. Iz istorii bor'by trudjashhihsja Turkestanskoj ASSR za vosstanovlenie hlopkovodstva. (1921–1924 gg.) [From the history of the struggle of the workers of the Turkestan ASSR for the restoration of cotton growing. (1921–1924)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1957. 128 s. (In Russ.).
31. Agal'ceva N.I. Bor'ba Kommunisticheskoj partii za pod'em hlopkovodstva v 1922–1924 gg. [The struggle of the Communist Party for the rise of cotton growing in 1922–1924] *Nauchnye trudy Samarkandskogo IST*. T. VIII, 1957. S. 5–30. (In Russ.).
32. Muhamedzhanov M.V. Sel'skoe hozjajstvo Uzbekistana za 40 let [Agriculture of Uzbekistan for 40 years]. *Socialisticheskoe sel'skoe hozjajstvo Uzbekistana*. 1957. № 11. S. 8–20. (In Russ.).
33. Rizaev G.R. Iz istorii razvitija sel'skogo hozjajstva Sovetskogo Uzbekistana (1917–1956 gg.) [From the history of the development of agriculture in Soviet Uzbekistan (1917–1956)] // *Uchenye zapiski Tashkentskogo GPI*. 1958. Vyp. 9. S. 21–50. (In Russ.).
34. Zijadullaev S.-K. Vazhnejshie voprosy stroitel'stva i osvoenija Golodnoj stepi [The most important issues of construction and development of the Hungry Steppe]. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 1957. 35 s. (In Russ.).
35. Ibragimova A. Sploshnaja kollektivizacija sel'skogo hozjajstva Ferganskoj doliny (1929–1932 gg.) [Complete collectivization of agriculture in the Fergana Valley (1929–1932)]. *Iz istorii Sovetskogo Uzbekistana*. Tashkent. 1956. S. 173–192. (In Russ.).
36. Narzhigitov R. Kollektivizacija sel'skogo hozjajstva – vazhnejshie uslovie pod'ema i razvitija hlopkovodstva v Uzbekistane [The collectivization of agriculture is the most important condition for the rise and development of cotton growing in Uzbekistan]. *Trud Tashkentskogo SHI*. 1958. Vyp. 12. S. 85–96. (In Russ.).
37. Saidaliev S.S. Bor'ba za osushhestvlenie leninskogo kooperativnogo plana v Uzbekistane [The struggle for the implementation of the Leninist cooperative plan in Uzbekistan]. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 1958. 131 s. (In Russ.).
38. Zevelev A.I. Pomoshh' narodov Rossii, Kommunisticheskoj partii i Sovetskogo gosudarstva trudjashhimsja Turkestana v pervyj period grazhdanskoj vojny [Help of the peoples of Russia, the Communist Party and the Soviet state to the working people of Turkestan in the first period of the civil war]. *Uchenye zapiski Tashkentskogo GPI*. 1957. Vyp. 6. S. 89–109. (In Russ.).
39. Voskoboynikov Je.A., Jakovlev V.M. Bor'ba Kommunisticheskoj partii Uzbekistana za obespechenie strany hlopkom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The struggle of the Communist Party of Uzbekistan for providing the country with cotton during the Great Patriotic War]. *Nauchnye zapiski Tashkentskogo FJeI*. 1957. Vyp. 9. S. 113–127. (In Russ.).
40. Rahimov F. Kommunist Tashkentskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza (1941–1945 gg.) [Communist of the Tashkent region during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945)]. *Uchenye zapiski Tashkentskogo GPI*. 1957. Vyp. 6. S. 167–207. (In Russ.).
41. Karimov I.A. Bor'ba partijnoj organizacii Uzbekistana za usilenie massovo-politicheskoj raboty sredi kolhoznogo krest'janstva respubliky v gody Velikoj

Otechestvennoj vojn 1941–1945 gg. [The struggle of the party organization of Uzbekistan for the strengthening of mass-political work among the collective farm peasantry of the republic during the Great Patriotic Wars of 1941–1945]. *Trudy Tashkentskogo SHI*. 1958. Vyp. 2. S. 11–44. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Ван Ли – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: 13622049491@163.com; ORCID: 0000-0001-6468-5545

Wang Li – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: 13622049491@163.com; ORCID: 0000-0001-6468-5545

*Статья поступила в редакцию 17.08.2022. Одобрена после рецензирования 02.09.2022. Принята 03.09.2022.
Received 17.08.2022. Approved after reviewing 02.09.2022. Accepted 03.09.2022.*

научная статья
УДК: 929.52
DOI: 10.48612/rg/RGW.24.10

Население города Гижигинска в XIX – начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных)

¹ Понкратова Ирина Юрьевна ✉

² Береговых Анатолий Владимирович

^{1,2} Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия
✉ ponkratova1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3410-3430>
beregovykh201799@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1487-9680>

Аннотация. Освоение далеких северных окраин в XVII–XVIII веках связано с деятельностью не только казаков, но и купцов, задачей которых было наладить торговые отношения с местным населением на присоединяемых к России территориях. Актуальность избранной темы обусловлена интересом к истории населения первого на территории Магаданской области города – Гижигинска, раскопки которого были начаты Гижигинской археологической экспедицией в 2020 году. Реконструкция генеалогии наиболее влиятельной в Гижигинске семьи купцов Брагиных, отдельные захоронения членов которой были обнаружены на городском кладбище, является центральной идеей публикации. Решались задачи сбора материалов в Государственном архиве Магаданской области, в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, проводился опрос населения. В исследовании использованы анализ археологических, архивных и исторических источников и генеалогический метод. В результате определены две генеалогические линии семьи и выявлены родственные связи между проживавшими в Гижигинске в конце XIX – начале XX веков представителями семьи с их современными потомками. Установлено, что основной сферой деятельности Брагиных была торговля; имели место поиски золота. Брагины занимали руководящие должности – много лет главой Гижигинска являлся Василий Прокопьевич Брагин (1827–09.06.1900); возглавляли комсомольскую организацию, принимали активное участие в работе сельского революционного Комитета в советский период. Трагические события начала XX века – эпидемии и репрессии унесли из жизни более 30 представителей этой семьи. Изучение материалов показало, что Брагины оказывали помощь тем, кто оказывался в затруднительном положении, усыновляли и воспитывали сирот, жертвовали деньги на медицинское и санитарное обслуживание города, строительство общественных домов. Ум, энергия и расчетливость были чертой практически всех представителей семьи Брагиных. Полученные выводы о населении Гижигинска могут способствовать расширению базы данных об истории освоения северных окраин России и, возможно, изменению принятых в советское время стереотипов, связанных с «грабительской политикой купцов» в отношении местного населения.

Ключевые слова: XIX – начало XX вв.; север Дальнего Востока России; купечество; Гижигинск; Брагины

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИОКР Северо-Восточного государственного университета по теме «История города Гижигинск (XVII – начало XX вв.)» № гос. регистрации 121070600101-1, при поддержке ВОО «РГО» (проекты № 13/2020-Р и № 33/2022-И), Правительства Магаданской области, Магаданского отделения РГО, Попечительского Совета МОО РГО и лично И.Б. Донцова.

Для цитирования: Понкратова И.Ю., Береговых А.В. Население города Гижигинска в XIX – начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных) // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 145–166. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.10

© Понкратова И.Ю., Береговых А.В., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 929.52

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.10

The population of the city Gizhiginsk in the XIX – early XX centuries (based on the reconstruction of the genealogy of the Bragin's family)

¹ Irina. Yu. Ponkratova ✉

² Anatoly V. Beregovykh

^{1,2} Northeastern State University, Magadan, Russia

✉ ponkratova1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3410-3430>
beregovykh201799@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1487-9680>

Abstract. *The development of the far northern suburbs in the XVII–XVIII centuries was associated with the activities of not only Cossacks, but also merchants. Their task was to establish trade relations with the local population in the territories annexed to Russia. The relevance of the chosen topic is due to the interest in the history of the population of the first city of the Magadan region – Gizhiginsk. Excavations there were started by the Gizhiga archaeological expedition in 2020. The purpose of this study is to reconstruct the genealogy of the most influential merchant family of the Bragins in Gizhiginsk, whose individual burials were discovered in the city cemetery. The tasks of collecting materials were solved in the State Archive of the Magadan region, in the Russian State Historical Archive of the Far East; a survey of the population was conducted. The study uses the analysis of archaeological, archival and historical sources and the genealogical method. As a result, two genealogical lines of the Bragin's family were identified and kinship ties were revealed between family members who lived in Gizhiginsk in the late XIX – early XX centuries with their modern descendants. It is established that the main sphere of activity of the Bragins was trade; gold searches took place. The Bragins held senior positions – for many years Vasily Prokopyevich Bragin (1827–09.06.1900) was the head of Gizhiginsk; they headed the Komsomol organization, took an active part in the work of the rural revolutionary Committee during the Soviet period. The tragic events of the beginning of the XX century – epidemics and repressions took away more than 30 representatives of this family. The study of the materials showed that the Bragins helped those who found themselves in a difficult situation, adopted and raised orphans, donated money for medical and sanitary services of the city, the construction of public houses. Intelligence, energy and prudence were a feature of almost all*

representatives of the Bragin's family. The obtained conclusions about the population of Gizhiginsk can contribute to the expansion of the database on the history of the development of the northern outskirts of Russia and, possibly, change the stereotypes adopted in Soviet times associated with the «predatory policy of merchants» towards the local population.

Keywords: XIX – early XX centuries; the North of the Russian Far East; merchants; Gizhiginsk; Bragin's family

Funding: The study was carried out as part of the research and development of the North-Eastern State University on the topic "History of the city of Gizhiginsk (XVII – early XX centuries)" registration 121070600101-1, with the support of the All-Russian Public Organization "RGS" (projects No. 13/2020-R and No. 33/2022-I), the Government of the Magadan Region, the Magadan Branch of the Russian Geographical Society, the Board of Trustees of the Interregional Public Organization of the Russian Geographical Society and personally I.B. Dontsov.

For citation: Ponkratova, I.Yu., Beregovykh, A.V. The population of the city Gizhiginsk in the XIX – early XX centuries (based on the reconstruction of the genealogy of the Bragin's family). *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 145–166. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.10

© Ponkratova, I.Yu. Beregovykh, A.V., 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение. Период середины XVII–XVIII веков – эпохальная веха в истории Дальнего Востока России [1; 2]. Это время открытия, закрепления за Российским государством и освоения русскими людьми обширных территорий со сложными физико-географическими условиями и особым развитием этносов. Важная роль в этом процессе всегда отводилась казакам, которые своим жизненным подвигом превратили далекие окраины в полноправные составляющие одной великой страны [3; 4]. Вслед за казаками прибывали сюда купцы, целью которых было наладить торговые отношения с местным населением. Увидев, что северные земли богаты разнообразными ресурсами, эти люди часто оставались здесь навсегда. Передавая своим наследникам навыки ведения торговлей, они основывали целые династии. Примером такой семьи является семья купцов Брагиных из Гижигинска – поселения, которое было образовано казаками в 1752 г. как военный и административный центр «дабы обеспечить сухопутное сообщение России с Камчаткой, и чтобы постановить преграду возмущениям коряков...» [5, с. 284] и прошедшего путь от острога к городу [6; 7].

В 2020 г. на территории покинутого в 1930-е годы Гижигинска (Магаданская область) под руководством С.В. Батаршева и И.Ю. Понкратовой

проводились археологические раскопки (рис. 1 а, б) [8]. На городском кладбище обнаружены надмогильные сооружения – остатки от деревянных крестов, каменные и металлические плиты. Надписи на части сооружений свидетельствуют о захоронении членов семьи Брагиных, проживавших в Гижигинске в XIX – начале XX веков [9] (рис. 1 в–д).

Рис. 1. ОКН «Город Гижигинск»: а, б – месторасположение, в, г надмогильные сооружения Н.П. Брагина, д – надгробная плита П.П. Брагина (схемы и фото С.В. Батаршева, 2020 г.).

В результате опроса населения села Гижига¹, оказалось, что многие считают, что на кладбище Гижигинска (Старой Гижиги) похоронены их родственники, но степень родства с захороненными конкретными лицами объяснить не могут. Попытка восстановить данные об этой семье была предпринята участником экспедиции – В.В. Брагиным, который установил, что захороненные на Гижигинском кладбище купцы Брагины – его родственники [10]. Сведения об отдельных представителях семьи Брагиных имеются в работах Л.Н. Хаховской [11; 12], но в целом, история семьи Брагиных из Гижигинска еще не написана.

Материалы и их обсуждение. Для восстановления отдельных аспектов истории семьи Брагиных анализировались документы из Государственного архива Магаданской области [13], Российского государственного исторического архива Дальнего Востока [14], описания Н.В. Слюнина [15], А.П. Сильницкого [16], А.А. Прозорова [17], В.К. Арсеньева [18], С.Л. Бацевича [19], данные из Родословной книги Проекта «Камчадалы.ру» [20], Списка реабилитированных лиц [21] и др. Особым источником стали данные опроса членов семьи Брагиных [22], в том числе Василия Вячеславовича Брагина (1999 г.р.) – потомка купцов Брагиных из Гижигинска. В статье использованы фотографии Гижигинской археологической экспедиции, материалы Российского этнографического музея, архива семьи Брагиных.

Выяснилось, что фамилия «Брагины» – достаточно распространена, как в европейской части России, так и на территории Магаданской области, на Камчатке. Не исключено, что Брагины произошли от казаков-первопроходцев, основавших когда-то Гижигинский острог [10].

Согласно данным археологических, архивных источников и исторических описаний упоминание о первом представителе Гижигинской семьи Брагиных относится к 1800 г. Это год рождения Прокопия Прокопьевича Брагина, металлическая плита надгробия которого обнаружена на кладбище Гижигинска. На ней написано: «Здесь покоится прах Гижигинского купца Прокопий Прокопьевича Брагина скончавшегося в 1862 г. на 62 году от роду» [9] (рис. 1 д). В Метрической

¹ Гижига – современное село в Северо-Эвенском районе Магаданской области (до 1926 г. – Кушка, Новая Гижига), куда население Гижигинска было переселено в 1930-е гг.

книге Гижигинской Спасской церкви за 1862 г. также имеется запись о том, что Прокопий Прокопьевич скончался от «внутренней боли» в 1862 году [13, Ф. Д-73, дело 8, с. 24].

Откуда П.П. Брагин прибыл в Гижигинск, пока установить не удалось. Известно, что в это же время на Камчатке в с. Ключи проживали мещане Брагины – Николай Александрович (1833–1894 гг.), а на Чукотке (Анадырь) – Павел Матвеевич (1821 г.р.) [20].

П.П. Брагин являлся купцом 3-й гильдии. В 1845 г. в российском купечестве всего насчитывалось 131100 человек, из них на купцов 3 гильдии приходилось от 92,5% до 92,8% в 1840-х – первой половине 1850-х гг. [23; 24].

Прокопий был дважды женат. В первом браке с Марией Алексеевной у него родилось девять детей: Анна (1836 г.р., в возрасте 26 лет 13.06.1862 г. вышла замуж за помощника Гижигинского Земского исправника Коллежского секретаря Адриана Тихоновича Попкова (умер в 40 лет «от внутренней боли» 04.10.1862 г.) [13, Ф. Д-73, дело 9, с. 8]), Матрена (н/д), Илья (н/д), Василий (1831 – 09.06.1900), Матвей (умер до 1861 г.), Матвей (1842 – 21.06.1898), Николай (1844 – 14.09.1897), Татьяна (4.12.1845 – н/д) [13, Ф. Д-73, дело 2, с. 55], Иннокентий (умер около 1912 г.). От «дочери дьяка» – Анны Прокопьевны у П.П. Брагина 21.01.1858 года родилась «незаконнорожденная» дочь Ксения [13, Ф. Д-73, дело 4, с. 3].

Второй раз купец П.П. Брагин сочетался браком в Гижигинской Спасской церкви 24 февраля 1861 г. с «мещанской дочерью» – Дарьей Захаровной Поповой [13, Ф. Д-73, дело 7, с. 11]. Невесте в это время исполнился 31, жениху – 61 год. Венчал новобрачных священник Никифор Никифорович. Этот брак продлился недолго, практически через год – 15 марта 1862 г. Прокопий скончался. Через 10 дней после его смерти – 25 марта молодая вдова родила дочь Екатерину, но и ей не суждено было прожить долго: через 6 дней после рождения (01.04.1862) девочка умерла [13, Ф. Д-73, дело 8, с. 25].

Таким образом, у П.П. Брагина родилось всего 11 детей. Кроме этого, он являлся «восприемником» (крестным отцом) Аулитты (родилась около 1840-х гг.). Интересно, что члены семьи Брагиных довольно часто становились восприемниками (крестными родителями). Их

воспитанниками были как русские дети, так и дети местного населения. Так, например, у брата Прокопия – Александра (1789 – умер «от старости» в 1865 г.), помимо двух собственных детей Адриана (1866 г.р.) и Евдокии, «воспитанником» был «крещеный коряк» Афанасий [13, Ф. Д-73, дело 1, с. 11]. Вероятно, количество крестных детей зависело от материального положения крестного.

У П.П. Брагина был и другой брат – Алексей. О нем известно только, что он был купцом 3-й Гильдии [13, Ф. Д-73, дело 2, с. 41].

В 1844 году в семье купца П.П. Брагина в браке с Марией Алексеевной родился сын Николай. В Метрической книге Гижигинской Спасской церкви за 1855 год он упоминается как «купецкий сын» [13, Ф. Д-73, дело 3, с. 2]. Надгробный памятник Николаю находится в северной части городского кладбища на склоне террасы. Часть надмогильного сооружения перемещена вниз по склону, на поверхность пойменной террасы у края протоки реки (рис. 1 в, г). На каменном постаменте имеются надписи на английском и русском языках, где говорится, что «Здѣсь покоится прахъ раба Божія Николая Прокопѣва Брагина». На юго-восточной грани каменного обелиска надпись: IN MEMORY OF NICHOLAS PROCOPIEFF BRAGIN. Died September, 14th 1897. A good husband a beloved father a firm friend an upright man. O noble soul o gentle heart farewell» [9]. В переводе на русский язык: «Хороший муж, любимый отец, надежный друг, честный человек. О благородная душа, о нежное сердце прощай».

Николай Прокопьевич Брагин был купцом 2-й Гильдии [13, Ф. Д-73, дело 11, с. 6]. Это звание позволяло вести внутренний оптовый и розничный торг, владеть фабриками и заводами, речными судами, ездить на повозках, запряженных двумя лошадьми. В середине XIX века количество купцов 2-й Гильдии составляло около 5% всех гильдейских купцов [24]. Занимался Николай Брагин и поиском золота. Но, о результатах этих трудов данных нет [19, с. 22].

О его личных качествах известно, что Николай в возрасте 52-х лет (за год до смерти – прим. И.П.), «сам занимался развозной торговлей, отдельно от своего брата, ...сам ездил из Гижиги в Марково на ярмарки, а такие переезды на собаках, зимой, требуют от человека много бодрости и

силы, так как путнику приходится свыше месяца проводить на открытом воздухе, не имея возможности обогреться в жилом помещении» [17, с. 148].

У Николая было шестеро детей: Параскева (1876 – н/д) [13, Ф. Д-73, дело 15, с. 327], Василий (15.03.1877 – 12.08.1887) [13, Ф. Д-73, дело 11, с. 6], Матрена (14.03.1879 – умерла «от болезни» 04.08.1887) [13, Ф. Д-73, дело 11, с. 98], Прокопий (19.01.1883 – н/д) [13, Ф. Д-73, дело 11, с. 346], Иоанн (24.06.1884 – умер «от младенчества» 08.08.1887) [13, Ф. Д-73, дело 14, с. 6], Михаил (15.03.1886 – умер «от горячки» 01.06.1888) [13, Ф. Д-73, дело 12, с. 227].

В 1897 г. Параскева в возрасте 21 года вышла замуж за гражданина США – Александра Филипповича Пауэрса. Жених был православного вероисповедания; на момент бракосочетания ему исполнилось 27 лет (это был его первый брак) [13, Ф. Д-73, дело 15, с. 327]. Вероятно, что А.Ф. Пауэрс, прибыл Гижигинск в конце XIX в. на одном из американских коммерческих судов. Данных о девушке после свадьбы больше не обнаружено. Не исключено, что муж-иностранец увез ее с собой в США.

Николай Прокопьевич умер «от болезни желудка» 14.09.1897 года [13, Ф. Д-73, дело 13; 9]. Его вдова – Татьяна Васильевна вместе с остальными членами семьи продолжила дело мужа [19, с. 22]. Вероятно, что ими же на кладбище Гижигинска был поставлен памятник Николаю. Материал, из которого сделан памятник (гранит, железная кованая решетка), надписи на русском и иностранном языках, данные опроса населения [22] свидетельствуют о том, что надгробие было привезено из-за границы (возможно, из Калифорнии). Текст эпитафии характеризует отношение к умершему и указывает на любовь и уважение близких к нему людей.

Достаточно знаменитым сыном П.П. Брагина был Василий Прокопьевич (1827–09.06.1900) – купец 2-й Гильдии, многолетний глава Гижигинска [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 60]. Он являлся «...единственным в крае почетным гражданином, кавалером ордена Святого Станислава за пожертвования в пользу храмов, ... сначала торговал в Тигиле, в Камчатке, затем переехал в Гижигу, но торговал от Анадырска до Тигиля. Разъезжал по тундре, знал наречия (иностранные языки), имел состояние – несколько сот тысяч рублей, бездетный вдовец...» [17, с. 147]. К слову, в Гижигинском уезде в силу его удаленности от центра, малонаселенности,

вести торговлю было сложно – уезд был большим, а население разбросано по отдаленным друг от друга поселкам. В связи с этим, во второй половине XIX в. коммерческие Товарищества ограничивали свою деятельность только ежегодным привозом товаров, которые сдавали в обмен на пушнину братьям Николаю и Василию Брагиным. А.А. Прозоров, в экономическом обзоре Охотско-Камчатского края в конце XIX в., называл братьев Николая и Василия Брагиных «самыми крупными и известными торговцами» в регионе [17, с. 146]. Брагины получали товары, преимущественно, от Русского Товарищества Котиковых промыслов. Сумма полученных товаров, у представителей семьи Брагиных, могла отличаться. Так, например, «...Василий Прокопьевич Брагин в 1890-х гг. брал товаров не более чем на 5 тысяч, тогда как его брат Николай, со своей семьей, мог взять товаров тысяч на 30, и, распродав их, и рассчитаться с Товариществом пушниной...» [17, с. 149].

В РГИА ДВ хранятся документы, связанные с присвоением наград В.П. Брагину, в том числе его Прошение Военному губернатору Приморской области на возведение в почетное потомственное дворянство, Рапорт Окружного начальника Константина Пржевалинского за № 437 от октября 1893 г. «Господину военному Губернатору Приморской области», а также Указ из Правительствующего Сената от 20 Октября 1897 г. Согласно документам В.П. Брагин был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени, орденом Святой Анны 3 степени, и грамотой от 24 сентября 1897 г. на Почетное гражданство [14]. Его жена Мария Никифоровна и он сам «исповедуют православную веру, и ни к каким вредным сектам или ересям не принадлежат, детей не имеют» [14, с. 6]. Исходя из данных о наградах, можно предположить, что на сделанной около 1895–1898 годов фотографии, запечатлен именно Василий Прокопьевич (рис. 2).

Рис. 2. Почетный гражданин города Гижиги – купец Брагин, 1895–1898 гг.
(№ в Госкаталоге № 23819146, РЭМ № 5655-125.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23953459>).

После смерти жены В.П. Брагин «отошел от купеческих дел», в том числе по состоянию здоровья. У него был хороший дом со скотным двором, складами, амбарами. В торговле ему помогал К.Т. Молодых, который прибыл в Гижигинск в 1880-х годах для работы фельдшером, но вышел в отставку после женитьбы на родственнице Брагина [17, с. 148]. Умер В.П. Брагин «от старческой гангрены» [13, Ф. Д-73, дело 16. с. 60].

Благодаря материалам Охотско-Камчатской экспедиции, целью которой было «всестороннее изучение северного края» [15], мы можем видеть, как выглядела купеческая семья Брагиных в конце XIX в. (рис. 3). Это были представители высшего слоя Гижигинского аристократического общества.

Рис. 3. Семья купцов Брагиных, 1895–1898 гг.
(Госкаталог № 23819163, РЭМ №5655-132.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23953439>).

На рубеже XIX–XX вв. в Гижигинске случилась эпидемия кори. Болезнь, завезенная с Камчатки торгующим Федором Косыгиным, была в то время не страшна в городах, где были и врачи, и аптеки, где была возможность соблюдать предписания врачей относительно диеты и гигиены. В далеком Гижигинске она приняла угрожающие размеры – от вспышки кори из шестисот жителей умерло 160 человек [16, с. 148–150].

Вот как описывал зиму на рубеже 1899–1900 гг. государственный служащий, журналист, петропавловский уездный начальник в 1903–1904 гг. А.П. Сильницкий: «...зима была в Гижиге лютая, холодная... Болезнь началась 27-го декабря 1899 г., причем первым заболел зауряд-

сотник Егор Падерин, который 2-го января 1900 г. вследствие осложнений кори отдал Богу душу. Ко дню смерти Падерина, то есть ко 2-му января, из шестисот жителей Гижиги уже заболело до ста человек, а в середине января болезнь приняла такие размеры, что из всех жителей Гижиги здоровых было только восемнадцать человек, а остальные все поголовно заболели... О похоронах покойников не могло быть и речи, ибо некому было копать могил, и трупы умерших сносились в отдельные дома, где и складывались в кучу, причем к 9-му марта, когда болезнь приутихла, в трех домах, обитатели которых вымерли поголовно, было сложено 157 трупов. Из этих 157 покойников не все, однако, умерли от кори, а многие, особенно дети, замерзли живыми... Такая картина, как описанная, имела место во многих семьях, ибо теперь в Гижиге семь домов, обитатели которых вымерли поголовно... Помощи извне ждать было нечего, и гижигинцы обратились к взаимопомощи. Между состоятельными жителями была устроена подписка, которая дала 1300 рублей, причем купец Брагин, лежа на смертном одре, нацарапал на подписном листе: «Жертвую тысячу рублей», а другие – кто сто, кто десять (меньшей суммы нет). Могли подписать что-либо всего девять человек, и они подписали щедро. Собранные 1300 рублей пошли на дело призрения сирот, которых эпидемия лишила родителей и вообще тех, которые кормили их. Эпидемия стала ослабевать с середины февраля... к концу марта многие повыздоровели, и общими силами были выкопаны две братских могилы, в которых и были перенесены сто пятьдесят семь (первые три покойника, умершие в декабре, тогда же и похоронены) покойников, и похоронены, конечно, без гробов» [16, с. 148–150].

Факт смертельной эпидемии иллюстрируют записи в Метрической книге Гижигинской Спасской Церкви за 1900 год [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 30–68]. Именно с этого года прослеживается заметная убыль, и без того уже небольшого по количеству населения Гижигинска. Так, на протяжении двух месяцев – с 20-го января по начало марта больные корью в день погибали от 3 до 17 человек. Пик смертности в городе, в том числе и среди членов семьи Брагиных, пришелся на вторую половину января 1900 г. Среди умерших значатся:

1. Татьяна Матвеевна Брагина (? – 25.01.1900) – «мещанская девица», дочь М.П. Брагина [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 43].

2. Василий Михайлович Брагин (1843 – 14.01.1900) – «гижигинский мещанин» [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 34].

3. Ефросинья Васильевна Брагина (08.01.1878 – 25.01.1900) – «мещанская девица», дочь В.М. Брагина [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 42].

4. Илья Васильевич Брагин (н/д – 24.01.1900) и его дочь – «младенец Наталья Ильина умерла тем же днем» [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 42].

5. Андрей Ильич Брагин (23.09.1888 – 26.01.1900) – сын Гижигинского мещанина Ильи Брагина [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 43].

6. Лев Ильич Брагин (20.03.1896 – 25.09.1900) – сын мещанина Ильи Брагина [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 65].

7. Евдокия Брагина (Падерина) (н/д – 14.01.1900), жена Гижигинского мещанина Александра Адриановича Брагина [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 35].

8. Елизавета Александровна Брагина (06.05.1896 – 27.01.1900) – дочь мещанина Александра Адриановича Брагина [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 43].

9. Евдокия Александровна Брагина (06.02.1898 – 30.01.1900) – дочь мещанина Александра Адриановича Брагина [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 43].

Таким образом, в семье Брагиных только за январь 1900 г. умерло не менее 10 человек.

В начале XX в. наиболее значимой фигурой в Гижигинске становится вдова Николая Прокопьевича Брагина – Татьяна Васильевна. Она родилась в 1849 г. в семье Гижигинского купца 3-й Гильдии Василия Ивановича Воробьева. Из дневниковых записей Дины Бродской-Иохельсон от 1901 г. известно, что купчиха принадлежала к высшей аристократии Гижигинского общества [12]. У нее был один из самых лучших домов в Гижигинске: «большой, деревянный, с хорошими рамами и дверьми, с высокими комнатами, с печами, сложенными из привозного японского кирпича и покрытый оцинкованным волнистым железом» [19, с. 22]. Для заразных больных Т.В. Брагина на Таватуме в районе лечебных источников построила дом [17, с. 149]. Она владела табуном лошадей, который выпасала на полуострове Тайгонос. Табун был образован из разбежавшихся и одичавших лошадей, доставленных в 1880-х годах из Якутска компанией для розыска и добычи золота. Из него ежегодно для приручения вылавливались 1–2 лошади [13, Ф. Д-24, дело 1, с. 12]. Эти данные вошли в Отчет Гижигинского уездного Начальника о состоянии Гижигинского уезда за 1908 г., где

сообщалось, что «население как городское, так и сельское, передвигалось, в основном, на ездовых собаках, но и в лошадях нужды не было, потому что на Тайгоносском полуострове пасся целый табун диких лошадей, принадлежавших купчихе Т. В. Брагиной» [13, Ф. Д-24, дело 1, с. 13].

Из опроса семьи Василия Вячеславовича Брагина выяснилось, что приказчиком у купчихи Т.В. Брагиной служил прадед опрашиваемого – Влас Брагин. Интересен факт, что купчиха перед смертью заказала для себя металлический саркофаг длиной и высотой 2 м, шириной 1 м, перевозкой саркофага Влас руководил лично. Саркофаг в Гижигинск везли на шести связанных между собой собачьих нартах, запряженными 20 собаками. Умерла Т. В. Брагина от чахотки 02.03.1916 года в возрасте 67 лет [13, Ф. Д-73. дело, 18. с. 202]. Приказ ее был исполнен – гроб накрыли саркофагом [22].

Есть данные еще об одном члене семьи Брагиных – «торговце» Прокопии Матвеевиче (умер около 1912 г.). Его первая жена – Наталья Егоровна умерла при родах 23 марта 1900 г. С ней у него было трое детей: Елисавета (22.11.1891 – умерла «от поноса» 09.09.1893 г.) [13, Ф. Д-73, дело 15, с. 16], Аулитта (04.04.1894 – умерла «от воспаления кишок» 16.06.1912 г.) [13, Ф. Д-73, дело 18, с. 51], Агриппина (12.06.1896 – н/д) [13, Ф. Д-73, дело 15, с. 255]. От второго брака с Марфой Николаевной у него родился сын Матвей (09.12.1903 – н/д) [13, Ф. Д-73, дело 16, с. 92].

Прокопий Матвеевич был мещанином, активно вел торговлю. Товары брал в долг у Н.А. Гребницкого. Торговал, в основном потребительскими товарами, такими как мука, чай, соль, крупы, сахар и табак, патроны, дробь, краски, капканы, ящики, сталь, железо, напильники и пр. Известно, что вначале XX в. «Торговый дом Кунст и Альберс», штаб-квартира которого располагалась во Владивостоке, заключали с начальником Гижигинского уезда торговые договора. Ассортимент состоял из продуктов – чай, мука, крупы, табак и др., и непродовольственных товаров – керосин, оконные замазки, краски, дробь, патроны Маузера, капканы для лисицы, обои, огнестрельное оружие (винчестер) и пр. Товары привозились на пароходе «Австралия» и доставлялись на адрес урядника Падерина в Бухту Барон Корфа [13, Ф. Д-24, дело 2, с. 65].

В числе негильдейских («мелких») купцов был Власий Адрианович Брагин (23.06.1881 – н/д), сын Адриана Александровича Брагина. О его торговой деятельности известно из показаний против начальника Гижигинского уезда Веденского, которого обвиняли в превышении должностных полномочий в 1908–1909 гг. Например, Власий в 1904 г. на шхуне «Мария» из бухты пос. Чайбуха доставил казенный груз в Кушку (место торговых складов Гижигинска – *И.П.*), и при этом «денег от Веденского не получил» [13, Ф. Д-24, дело 2, с. 277].

Влас Ильич Брагин (н/д – 08.07.1938) (прадед информанта Василия Брагина) родился и проживал на Дальнем Востоке; национальность – камчадал. У Власа было пятеро детей, кроме них он воспитывал еще трех сирот – мальчиков-погодков. Был арестован и осужден 21 апреля 1938 г. Обвинялся в шпионаже в пользу Японии. После ареста, от него семье пришла только одна записка о том, что он находится в пос. Угольные копи около г. Анадырь. Был расстрелян 8 июля 1938 г., реабилитирован 11 мая 1989 г. [10; 22].

Сын Власа – Прохор Брагин родился в с. Левчики в 1920 г. Он также работал в семье купчихи Брагиной – ездил на собаках с друзьями за товарами в устье р. Гижиги к мысу Маячному, где находились торговые склады. С его слов, гижигинцы жили бедно, но не голодали: ловили рыбу, охотились на сухопутных животных и морского зверя. Летом, когда на нерест шла кета и горбуша, они строили на берегу легкие постройки – поварни, где все лето обрабатывали рыбу. Икру солить не умели – просто сушили на корм собакам. Для хранения запасов в грунте выкапывали ямы, обкладывая их внутри травой, и туда складывали рыбу и ее отходы [10; 22]. У Прохора и его жены Марии родилось 5 детей – Василий, Сергей, Валерия, Вячеслав, Елена. У Сергея (1949 г.р.) родилось две дочери – Татьяна и Ольга (сегодня она председатель Магаданской общественной организации малочисленных народов и этнических групп Севера, г. Магадан), и два сына – Вячеслав и Сергей; у Валерии (1950 г.р.) – дети Петр и Виктория. У Вячеслава в браке с Чепаловой Людмилой Михайловной родились дочери Ксения, Полина и сын Василий (участник проекта «Гижигинская археологическая экспедиция», информант) [22]. Сходство на предоставленных семьей фотографиях (рис. 4) также

подтверждают родство с членами семьи, чьи памятники сегодня находятся на кладбище Гижигинска.

По линии матери Василия Брагина стоит упомянуть его прадеда – Ефима Кузьмича Кудьярова. Он был проводником с Камчатки до Гижигинска отряда Г.И. Чубарова, который в 1923 г. освободил город от отряда Валериана Бочкарева. Вначале 1930-х годов Е.К. Кудьяров был арестован и осужден на 5 лет. Так как он был охотником-профессионалом, то его отправили в район Северо-Ледовитого океана на промысел китов и моржей [10; 22].

Рис. 4. Василий Брагин с сестрой Полиной на руках у дяди – Василия Прохоровича Брагина (2005 г., село Гижига) (Фото из архива семьи Брагиных).

События революции и послереволюционная жизнь Гижигинска описана в автобиографии одного из первых комсомольцев, организатора комсомольской ячейки Акима Михайловича Брагина (1904 г.р.), который в 1923 г. работал у «богача Елисейкина» во время сбора ясака для Бочкарева [25]. Аким Михайлович говорил, что «вчерашние батраки вставали под знамена новой жизни. Как радостно они, гижигинцы, в 1923 г. встречали Чубарова с отрядом красноармейцев, который на голову разбил банду

Бочкарева. До всех пришла мысль и понимание, что нет больше рыбопромышленников, нет кулаков, а есть одна Светская власть» [25]. По воспоминаниям А.М. Брагина, «чтобы приблизить счастливую жизнь, работали, не жалея сил, не считались со временем, а приезжие товарищи, которых посылала партия, учили гижигинцев. Среди них были Пономарев, Ковалевский, Молчанов, Крупенин, Федуков, Пинчук. С их помощью были организованы ликбез, политзанятия, хор революционной песни, молодежная бригада по разгрузке и погрузке. В то тяжелое время находили время на спортивные мероприятия» [25].

В 1923 г. в Гижигинске власть перешла к сельскому революционному комитету. Можно предположить, что семья Брагиных заниматься торговлей как раньше, не могла. Но, несмотря на это, представители этой семьи играли важную роль в жизни поселения. Брагины принимали участие в каждом заседании сельского революционного комитета, в перечень обсуждаемых вопросов которого входили отчеты о количестве добытого морского зверя, подготовке и отоплении школы, сельсовета, об устройстве мостов и выборе комиссий, рассмотрении заявлений членов совета и т.п., прочих граждан, обсуждение текущих дел. Например, в протоколе № 9 от 4 сентября 1926 г. из Брагиных участвовали: Наталья, Василий, Алексей. Фамилия «Брагины» встречается чаще других на разных заседаниях и сборах [13, Ф. Р-61, дело 12, с. 59], что говорит об их вовлеченности в жизнь Гижигинска.

Период 1937–1938 гг. – время репрессий. Историками он был назван «Большим террором». Независимо от происхождения, сферы деятельности, в период 1930-х годов людей арестовывали, высылали, расстреливали, а их имущество изымалось в пользу государства [26]. Не обошли репрессии и семью Брагиных. Так, в списке жителей Гижиги (53 чел.), необоснованно подвергнутых репрессиям в 1930-х гг. и реабилитированных в 1980-х гг. есть трое представителей этой семьи: Василий Иннокентьевич, Иннокентий Николаевич, Матвей Прокопьевич [11].

Заключение. В целом, анализ данных позволил проследить судьбу семьи Брагиных из Гижигинска с 1800 г.

Первая ветвь гижигинских Брагиных берет начало с купца Прокопия Прокопьевича Брагина (1800–1862) и насчитывает как минимум 118 человек (49 мужчин, 69 женщин). Семьи были достаточно многочисленны:

в них неоднократно рождалось по 5 и более детей. Часто усыновлялись дети из других семей, становились «воспитанниками» и содержались наравне с родными детьми. Среди представителей мужской линии Брагиных известны те, кто вступал брак неоднократно. Например, П.П. Брагин (1880–1862) – дважды, Р.А. Брагин (1873 г.р.) – трижды. Дети рождались вне брака, и это фиксировалось в метрических книгах Гижигинской Спасской Церкви.

Дети П.П. Брагина – Николай (1844–14.09.1897) и Василий (1831–09.06.1900) продолжили дело отца, став гильдейскими купцами и самыми крупными и известными «торговцами» в регионе. Их высокое положение в обществе, подтверждается материалами из фондов ГАМО, РГИА ДВ, историческими описаниями и данными, собранными Гижигинской археологической экспедицией.

Вторая ветвь – линия Александра (1789–11.02.1865) (брата П.П. Брагина) – менее многочисленна. Общее количество его потомков в XIX – начале XX вв. составляет около 50 человек. Возможно, что такое уменьшение связано с событиями, которые происходили в это время в Гижигинске. Ещё в XIX в. вследствие откочевки коряков от Гижигинской крепости в Анадырь и на Камчатку произошел заметный упадок города. В результате сократились торговые сделки, «расцвела» спекуляция. Частыми стали голод и заболевания, принесенные русскими и эпидемии. В конце XIX в. Гижигинск перестает быть военным, опорным пунктом [8]. История семьи Брагиных была напрямую связана с событиями, которые происходили в Гижигинске. Трагические происшествия начала XX в. отразились в судьбе членов семьи – только эпидемия и репрессии унесли из жизни более 30 человек.

Проведенное исследование позволило получить материалы о двух генеалогических линиях семьи Брагиных, а также установить родственные связи между представителями этой семьи, проживавших в Гижигинске в конце XIX – начале XX веков, с их современными потомками. Основной сферой их деятельности была торговля и управление. Это были благородные люди, которые заботились о тех, кто оказывался в затруднительном положении: усыновляли и воспитывали сирот, жертвовали деньги на медицинское и санитарное обслуживание города, строительство домов. Ум, энергия и расчетливость были чертой

практически всех представителей семьи Брагиных. На наш взгляд, перспективно продолжить поиск, анализ и интерпретацию документов, связанных с семейными отношениями и деятельностью купцов Брагиных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
2. Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 14–24.
3. Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1988. 192 с.
4. Ярков А.П. Об участии казаков Западной Сибири в освоении восточных окраин России // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 222–224.
5. Шаховской А. О начале построения Гижигинской крепости // Вестник Европы. М., 1818. Ч. 102.
6. Вдовин И.С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1995. С. 78–82.
7. Конь У.С., Понкраторова И.Ю. История города Гижигинска (1650–1920-е гг.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Благовещенск, 2019. С. 237–239.
8. Батаршев С.В., Понкраторова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С., Нестерович А.В. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2022. № 1 (38). С. 23–34.
9. Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ): ООО «НПЦ ИКЭ». Владивосток, 2020. 303 с.
10. Брагин В.В. О населении «забытого» города Гижигинска: из истории семьи Брагиных // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 20–24 апреля 2020 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 296–297.
11. Хаховская Л.Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. С. 316–318.
12. Хаховская Л.Н. Полевая работа Д.Л. Иохельсон-Бродской среди аборигенов Северо-Востока России: (на материале дневника периода Джезуповской экспедиции) // Магаданский краевед. Магадан: Охотник, 2018. С. 101–123.
13. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Фонд Д-73 «Гижигинская Спасская церковь». Оп.1. Д. 1–18; Фонд Д-24 «Гижигинское уездное управление», Оп.1. Д. 1, Фонд Р-61 «Гижигинский сельский революционный комитет». Оп.1. Д. 12.
14. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1295. «Приморское Областное правление. Прошение Гижигинского купца

Василия Брагина и переписка с Гижигинским окружным начальником о выдаче купцу Брагину грамоты на звание почетного гражданина». 13 л.

15. Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. Т.1. СПб., 1900. 694 с.

16. Сильницкий А.П. Поездка в северные округа Приморской области. Хабаровск: тип. канцелярии Приамур. ген-губернатора, 1902. 187 с.

17. Прозоров А.А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб.: тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. 388 с.

18. Арсеньев В.К. Гижигинский промысловый район. Очерк физико-географического и статистико-экономического // Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1925. № 5, 6. 40 с.

19. Бациевич С.Л. Два года в местечке Гижига Камчатской области // Известия общества горных инженеров. 1913. № 3. С. 1–32.

20. Родословная 2. Информационный портал Камчадалы.ру. [эл. доступ]. URL: http://www.kamchadaly.ru/files/doc/rodoslovyaya_2.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

21. За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1999. 215 с.

22. ПМА – полевые материалы авторов. Проект «Гижигинская археологическая экспедиция», 2019–2022 гг. (информанты – В.П. Брагин, 1954 г.р., В.В. Брагин, 1991 г.р., Л.М. Чепалова, 1974 г.р., О.С. Простоквашина, 1976 г.р.).

23. Орлов Д.И. Гильдии купеческие // Большая российская энциклопедия. [эл. доступ]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2360077 (дата обращения: 28.04.2022).

24. Перхавко В.Б., Беспалов И.В. Купечество // Большая российская энциклопедия. [эл. доступ]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2122497 (дата обращения: 01.05.2022).

25. Сидоров В. Зарождалась новая жизнь. К 60-летию района // Маяк Севера, 1986.

26. Репрессии 1930-х годов. [эл. доступ]. URL: <https://dmitschool04.ru/vehi/repressii-30-h-godov.html> (дата обращения: 14.06.2022).

REFERENCES

1. Alekseyev, A.I. Osvoeniye russkimi lyudmi Dalnego Vostoka i Russkoy Ameriki do kontsa XIX veka [The development of the Russian people of the Far East and Russian America until the end of the XIX century]. M.: Nauka, 1982. 288 s. (In Russ.).

2. Zuyev, A.S. Russkaya politika v otnoshenii aborigenov kraynego Severo-Vostoka Sibiri (XVIII v.) [Russian policy towards the Aborigines of the Extreme North-East of Siberia (XVIII century)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. T. 1. Vyp. 3: Istoriya. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2002. S. 14–24. (In Russ.).

3. Safronov, F.G. Tikhookeanskiye okna Rossii: Iz istorii osvoyeniya russkimi lyudmi poberezhnykh Okhotskogo i Beringova morey, Sakhalina i Kuril [Pacific Windows of Russia: From the history of the Russian people's exploration of the coasts of the Okhotsk and Bering Seas, Sakhalin and the Kuriles]. Khabarovsk: Khabarovskoye kn. izd-vo, 1988. 192 s. (In Russ.).

4. Yarkov, A.P. Ob uchastii kazakov Zapadnoy Sibiri v osvoyenii vostochnykh okrain Rossii [About the participation of the Cossacks of Western Siberia in the development of the eastern outskirts of Russia]. *«O Kamchatke i stranakh, kotoryye v sosedstve s neyu nakhodyatsya...»: materialy XXVIII Krashennikovskikh chteniy*. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2011. S. 222–224. (In Russ.).

5. Shakhovskoy, A. O nachale postroyeniya Gizhiginskoy kreposti [About the beginning of the construction of the Gizhiga fortress]. *Vestnik Yevropy*. M., 1818. Ch. 102. (In Russ.).
6. Vdovin, I.S. Gizhiga – gorod-krepost na Severo-Vostoke Rossii [Gizhiga is a fortress city in the North-East of Russia]. *Pamyatniki, pamyatnyye mesta istorii i kultury Severo-Vostoka Rossii*. Magadan: Magadan. kn. izd-vo, 1995. S. 78–82. (In Russ.).
7. Kon, U.S., Ponkratova I.Yu. Istoriya goroda Gizhiginska (1650–1920-ye gg.) [The history of the city of Gizhiginsk (1650–1920)]. *Materialy LIX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchennykh*. Blagoveshchensk, 2019. S. 237–239. (In Russ.).
8. Batarshchikov, S.V., Ponkratova, I.Yu., Dorofeyeva N.A., Malkov S.S., Golokhvastov M.V., Lebedeva L.S., Nesterovich A.V. Istoricheskaya arkheologiya Severa: gorod Gizhiginsk [Historical archeology of the North: the city of Gizhiginsk]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 2022. № 1 (38). S. 23–34. (In Russ.).
9. Tekhnicheskiy otchet o vypolnennykh arkheologicheskikh polevykh rabotakh (arkheologicheskoy razvedke) «Arkheologicheskkiye polevyye raboty po opredeleniyu granits territorii OAN «Gorod Gizhiginsk» v 2020 g. (Magadanskaya oblast, Severo-Evenskiy gorodskoy okrug) [Technical report on the performed archaeological field work (archaeological exploration) «Archaeological field work to determine the boundaries of the territory of the OAN «City of Gizhiginsk» in 2020 (Magadan region, Severo-Evensky city district)»]. ООО «NPT IKE». Vladivostok, 2020. 303 s. (In Russ.).
10. Bragin, V.V. O naselenii «zabytogo» goroda Gizhiginska: iz istorii semi Braginykh [About the population of the «forgotten» city of Gizhiginsk: from the history of the Bragin family]. *Materialy LX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchennykh*. Irkutsk, 20–24 aprelya 2020 g. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. S. 296–297. (In Russ.).
11. Khakhovskaya, L.N. Kamchadaly Magadanskoy oblasti (istoriya, kultura, identifikatsiya) [Kamchadaly of Magadan region (history, culture, identification)]. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2003. S. 316–318. (In Russ.).
12. Khakhovskaya, L.N. Polevaya rabota D.L. Iokhelson-Brodskoy sredi aborigenov Severo-Vostoka Rossii (na materiale dnevnika perioda Dzhhezupovskoy ekspeditsii) [Field work of D.L. Iokhelson-Brodskaya among the aborigines of the North-East of Russia: (based on the diary of the Dzhhezupov expedition period)]. *Magadanskiy krayeved*. Magadan: Okhotnik, 2018. S. 101–123. (In Russ.).
13. Gosudarstvennyy arkhiv Magadanskoy oblasti (GAMO). Fond D-73 «Gizhiginskaya Spasskaya tserkov» Op.1. D. 1–18; Fond D-24 «Gizhiginskoye uyezdnoye upravleniye», Op.1. D. 1, Fond R–61 «Gizhiginskiy selskiy revolyutsionnyy komitet». Op.1. D. 12. (In Russ.).
14. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dalnego Vostoka: RGIA DV [Russian State Historical Archive of the Far East]. F. 1. Op. 1. D. 1295. «Primorskoye Oblastnoye pravleniye. Prosheniye Gizhiginskogo kuptsa Vasiliya Bragina i prepiska s Gizhiginskim okruzhnym nachalnikom o vydache kuptsu Braginu gramoty na zvaniye pochetnogo grazhdanina». 13 l. (In Russ.).
15. Slyunin N.V. Okhotsko-Kamchatskiy kray. Yestestvenno-istoricheskoye opisaniye [Okhotsk-Kamchatka Region. Natural-historical description]. T.1. SPb., 1900. 694 s. (In Russ.).
16. Silnitskiy, A.P. Poyezdka v severnyye okrugy Primorskoy oblasti [A trip to the northern districts of the Primorsky region]. Khabarovsk: tip. kantselyarii Priamur. gen.-gubernatora, 1902. 187 s. (In Russ.).

17. Prozorov, A.A. *Ekonomicheskiy obzor Okhotsko-Kamchatskogo kraya* [Economic overview of the Okhotsk-Kamchatka Region]. SPb.: tip. SPb. t-va pech. i izd. dela «Trud», 1902. 388 s. (In Russ.).
18. Arsenyev, V.K. *Gizhiginskiy promyslovyy rayon. Ocherk fiziko-geograficheskoy i statistiko-ekonomicheskoy* [Gizhiginsky fishing district. Physical-geographical and statistical-economic essay]. *Ekonomicheskaya zhizn Dalnego Vostoka*, 1925. № 5, 6. 40 s. (In Russ.).
19. Batsevich, S.L. *Dva goda v mestechke Gizhiga Kamchatskoy oblasti* [Two years in the town of Gizhiga, Kamchatka region]. *Izvestiya obshchestva gornykh inzhenerov*. 1913. № 3. S. 1–32. (In Russ.).
20. Rodoslovnaya 2. *Informatsionnyy portal Kamchadaly.ru* [Genealogy 2. Information portal of Kamchadaly.roo]. Available at http://www.kamchadaly.ru/files/doc/rodoslovyaya_2.pdf (accessed: 22.04.2022). (In Russ.).
21. *Za nami pridut korabli: Spisok reabilitirovannykh lits, smertnyye prigovory v otnoshenii kotorykh privedeny v ispolneniye na territorii Magadanskoj oblasti* [Ships will come for us: A list of rehabilitated persons whose death sentences have been carried out on the territory of the Magadan region]. Magadan: Magadan. kn. izd-vo, 1999. 215 s. (In Russ.).
22. PMA – polevyye materialy avtorov. *Proyekt «Gizhiginskaya arkhologicheskaya ekspeditsiya»*, 2019–2022 gg. (informanty – V.P. Bragin, 1954 g.r., V.V. Bragin, 1991 g.r., L.M. Chepalova, 1974 g.r., O.S. Prostokvashina, 1976 g.r.).
23. Orlov, D.I. *Gildii kupecheskiye* [Merchant guilds]. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at https://bigenc.ru/domestic_history/text/2360077 (accessed: 28.04.2022). (In Russ.).
24. Perkhavko, V.B., Bepalov, I.V. *Kupechestvo* [Merchants]. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at https://bigenc.ru/world_history/text/2122497 (accessed: 01.05.2022). (In Russ.).
25. Sidorov, V. *Zarozhdalas novaya zhizn. K 60-letiyu rayona* [A new life was being born. To the 60th anniversary of the district]. *Mayak Severa*, 1986. (In Russ.).
26. *Repressii 1930-kh godov* [Repressions of the 1930s.]. Available at <https://dmitrschool04.ru/vehi/repressii-30-h-godov.html> (accessed: 14.06.2022). (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Понкратова Ирина Юрьевна – Северо-Восточный государственный университет.

E-mail: ponkratova1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3410-3430

Ponkratova Irina Yu. – Northeastern State University.

E-mail: ponkratova1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3410-3430

Береговых Анатолий Владимирович – Северо-Восточный государственный университет.

E-mail: beregovykh201799@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1487-9680

Beregovykh Anatoly V. – Northeastern State University.

E-mail: beregovykh201799@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1487-9680

*Статья поступила в редакцию 14.08.2022. Одобрена после рецензирования 26.08.2022. Принята 28.08.2022.
Received 14.08.2022. Approved after reviewing 26.08.2022. Accepted 28.08.2022.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

research article

UDC: 378

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.11

Professional ethics in Russian contemporary higher education

Anna L. Riabova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ ral5@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4250-9588>

Abstract. *The article discusses the sets of skills necessary for a teacher working in an innovative, changing environment. Ethical leadership is the cornerstone of a socially responsible organization, knowledge in the field of ethics and morality is relevant for Russian higher education workers in the context of global changes. In countries where the rivalry of universities in their quest for popularity has a negative impact on the development of moral principles, and education is an exclusively paid service, the process of creating generally accepted values slows down. Hence, teachers as ethical leaders face a moral dilemma: whether to follow all laws, rules, values, and beliefs or to purposefully disobey some of these. The purpose of the article is to reveal the problems of ethical leadership and analyze higher education as “soft power”. In Russian higher educational institutions, the concept of professional ethics is regarded to be of utmost significance in achieving the desired goals and objectives. The study examines innovations and changes in higher education; identifies common challenges for all cultures; examines the ethics of higher education, which is the core of motivational activity of leaders and the importance of leadership; shows the moral problems that organizations need to solve in order to meet high academic standards. The relevance of the creation of professional ethics and the importance of common values, the importance of leadership are emphasized, measures for the improvement and successful implementation of ethical reforms in the Russian community as “soft power” in the context of higher education development are shown.*

Keywords: Russian higher education; ethical values; professional ethics; standards of behavior; soft power; leadership

For citation: Riabova, A.L. Professional Ethics in Russian Contemporary Higher Education. *Russia in the Global World*. 2022; 24(47): 167–176. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.11

© Riabova, A.L. 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 378

DOI: 10.48612/RG/RGW.24.11

Профессиональная этика в российском современном высшем образовании

Рябова Анна Львовна ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ ral5@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4250-9588>

***Аннотация.** В статье рассматриваются наборы навыков необходимых преподавателю, работающему в инновационной, меняющейся среде. Этическое лидерство – краеугольный камень социально ответственной организации, знания в области этики и нравственности актуальны для работников высшего образования в условиях глобальных перемен. В странах, где соперничество университетов в их стремлении к популярности сказывается негативно на развитие нравственных принципов, и образование является исключительно платной услугой, процесс создания общепринятых ценностей замедляется. Целью статьи является выявление проблем этического лидерства и анализ российского высшего образования как «мягкой силы». В российских высших учебных заведениях для достижения желаемых целей и задач концепция профессиональной этики считается чрезвычайно важной. Исследование рассматривает инновации и изменения в российском высшем образовании; выявляет общие для всех культур этические задачи; рассматривает этику российского высшего образования, являющуюся стержнем мотивационной деятельности лидеров, делая особый акцент на значении лидерства; показывает нравственные проблемы, которые необходимо решить российским учебным организациям для соответствия высоким академическим стандартам. Подчёркивается актуальность создания профессиональной этики и влияние общих ценностей, значение лидерства, показаны меры по совершенствованию и успешной реализации этических реформ, как «мягкой силы» в российском сообществе в контексте развития и популяризации высшего образования.*

Ключевые слова: российское высшее образование; этические ценности; профессиональная этика; стандарты поведения; мягкая сила; лидерство

Для цитирования: Рябова А.Л. Профессиональная этика в российском современном высшем образовании. // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 167–176. DOI: 10.48612/rg/RGW.24.11

© Рябова А.Л., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction. In higher educational institutions, the concept of professional ethics is regarded to be of utmost significance in gaining the desired goals. Research has shown that teacher knowledge and beliefs have an impact

on students' performance [1; 2; 3; 4]. Professional ethics is referred to the principles, which the individuals need to take into account on a regular basis. The relevance of the paper is connected with the changing context of education that includes a number of crucial to the success factors. A modern view of sustainability is to do with sustaining those values which underpin change and are targeted at intercultural respectful dialogue. The author discusses the significance of professional ethics; views the types of professional ethics; reveals measures to improve professional ethics in the context of teaching innovation. In higher educational institutions, the members include, heads, professors, research scholars, administrative, technical and clerical staff members and students. They are different from each other in terms of race, religion, gender, age, personality traits of character, educational qualifications and socio-economic background. Within the educational institutions, they have their own job duties to perform. It is apparent that they need to possess essential educational qualifications and competencies in terms of their job duties, but apart from job knowledge, they need to be professional in their conduct. Usually, in higher educational institutions, the individuals are well-aware in terms of all aspects and traits that are needed to depict professionalism. But within the course of implementation of job duties as well as within the course of pursuance of educational programs, they should perceive the meaning and significance of professional ethics [5]. The important aspect about higher education is more on the level of values. The message is that ethics in higher education means the staff members have to balance high knowledge and skills with high integrity. The main areas in terms of which they benefit are targeted at maintaining good terms and relationships with others, performing their job duties in a satisfactory manner, incurring the feeling of job satisfaction and retaining their jobs. It is not only essential for the members to generate awareness and augment their understanding in terms jobs' performance, but it is vital for them to generate awareness in terms of professional ethics as well.

Research results and their discussion. The professional ethics renders a significant contribution in enabling the individuals to become good human beings as well as in achieving personal and professional goals. The ethics course is based on two main elements: moral reasoning and ethical sensitivity. The students are supposed to be able to demonstrate knowledge of important ethical systems; to formulate clearly their ethical position on an issue; to develop the

arguments, which are based upon sound inferences and clear premises; and to conduct decent library research on a topic at the end of the course [6]. Therefore, it can be stated, meaning and significance of professional ethics is recognized, when it is implemented in an appropriate manner within as well as outside the University in the Russian Federation.

The objectives of Professional Ethics are:

- to ensure that all individuals are treated with respect and courtesy and any kind of discrimination is punishable by law.
- to ensure fair treatment to all the individuals. The individuals, particularly the ones who are in leadership positions are to take care of their subordinates.
- to ensure that all the educators are knowledgeable and competent when dealing with students, teaching them and making effective use of teaching-learning methods, instructional strategies and teaching-learning materials.
- to acquire ethical understanding in terms of job duties and responsibilities.

Professional ethics contributes to the establishment of principles and moral standards of behavior. As in order to emerge into good human beings and achieve personal and professional goals, it is vital for the individuals to inculcate principles and moral standards of behavior [7].

Types of Professional Ethics. Honesty is regarded as the greatest of all human values. Violation of academic honesty, for example plagiarism, may enable the students to experience dire consequences, which may even include expulsion from the educational institutions [8]

In higher educational institutions, all the members need to carry out their job duties in a well-organized manner and achieve personal and professional goals. Diligence facilitates in putting into practice meticulousness and persistence; resourcefulness enables the individuals to exercise creativity and ingenuity; conscientiousness enables the staff members to depict industriousness, assiduousness and regularity [9]. In higher educational institutions, it is apparent that individuals cannot work in seclusion; it is indispensable to inculcate the traits of approachability and amiability. The heads of the departments and associate professors are required to organize meetings in order to discuss various matters. The staff members need to collaborate with each other and work in order to carry out the administrative functions. The

research scholars and students need to socialize with each other to acquire the understanding of academic concepts and provide solutions to academic problems and challenges; they use verbal as well as written forms of communication [10].

Morality and ethics impart knowledge and understanding among the individuals in terms of norms, values, principles and standards. When the educators are performing their job duties, they need to ensure that they not just make use of their knowledge and competencies, but also put into operation morality and ethics. These traits enable the individuals to be professional in their conduct, achieve desired outcomes and enhance the overall system of education.

The meaning of truthfulness can be understood in terms of various ways. It is referred to representing the truth, telling the facts, corresponding with what is genuine or real and speaking the truth with sincerity. For example, when professors assign research projects to their students and underline the importance of field research, then it is vital for the students to make field visits, take notes, or collect information through surveys or interviews, which they would put in their projects. In order to achieve good grades and achieve academic goals, it is vital for the researchers and students to ensure that the information is factual [4]. On the other hand, when the directors, heads, professors or other staff members are to carry out their job duties or when they need to convey any information to their superiors or subordinates or colleagues they need to ensure that the information is truthful. Therefore, it can be stated that when individuals depict truthfulness, they are able to augment professionalism, achieve desired goals, acquire rewards and appreciation and enhance the overall system of education.

Justice and autonomy are referred to as professional ethics, which render a significant contribution in generating the feeling of contentment among the individuals. It is vital to make provision of equal opportunities to all and to prohibit any form of discrimination. In most cases, when research scholars, pursuing doctoral programs are required to submit their assignments, they are provided with autonomy to set-up their own target dates. Therefore, it can be stated, justice and autonomy need to be focused upon in the right manner and right direction.

Communication is regarded as the key aspect in generating information in terms of professional ethics and depicting them. When the individuals

communicate with their colleagues, superiors and subordinates in a polite and respectful manner, they are regarded as professional and good-natured. In order to depict professional ethics, it is vital for the individuals to take into consideration various aspects in their verbal as well as written communication [11]. Therefore, it can be stated, effective communication is the life blood in leading to proper functioning of the educational institutions.

Calmness needs to be put into operation by the members throughout their jobs. In some cases, the individuals are demanding and difficult to deal with, whereas, in other cases, when the individuals have other job duties as well and are required to complete an assignment within the limited time, they may feel stressed. When the individuals possess a calm and composed nature, they are able to develop logical thinking in terms of how to cope with stressful and difficult situations. Putting into operation time management skills and forming a schedule might be helpful. Therefore, through calmness, the individuals are able to cope with problems and stressful situations in an effective manner.

In one's personal as well as professional lives, the individuals are required to undergo various psychological problems of anger, stress, anxiety and depression. The development of abilities to cope with psychological problems is regarded as professionalism. For example, when students need to work on their assignments as well as go to their jobs, they may feel stressed. But when they are determined, diligent and conscientious, they are able to develop the abilities to cope with psychological problems.

Maintaining confidentiality in professional relationships is regarded as professional ethics. This professional ethics enables the individuals to carry out their job duties in a systematic and methodical manner. In higher educational institutions, students are different from each other in terms of learning abilities. When the students experience problems and setbacks in their academic performance, they consult their professors and supervisors and receive ideas and suggestions. When the professors are engaged in a conversation with them regarding their academic performance, they usually keep the discussion confidential. Another aspect is, when heads and professors are in a discussion meeting, they usually keep the doors closed and keep it confidential. In some cases, the students also keep their grades and other information regarding their assignments confidential and do not want to share it with their fellow students. Therefore, it can be stated that maintaining confidentiality in professional

relationships is regarded as one of the important professional ethics that enables the individuals to carry out their job duties in a systematic and well-organized manner.

Conclusion. It is indispensable for the individuals to formulate measures and bring about improvements in professional ethics on a continuous basis. The various measures that are focused upon bringing about improvements in professional ethics have been stated and revealed.

In making ethical performance a strategic priority, a relevant code of ethics needs to be established. In addition, clear objectives, standards, and expectations are regarded as the key requirements for ethical performance. Therefore, when ethical performance is made as a strategic priority, it leads to making of wise and productive decisions.

Leadership skills will not only enable the individuals to improve professional ethics, but will help them to carry out other tasks and activities as well. It is the job of the leaders to guide and lead others in the right direction, provide solutions to their problems, make provision of ideas and suggestions, implement conflict resolution methods in an appropriate manner, and create amiable and pleasant working environmental conditions. Furthermore, the leaders need to be aware of modern and innovative leadership strategies.

The primary objective of the educational institutions is connected with the students' activity. Participation in various activities enables the students to bring about improvements in presentation and communication skills. Therefore, in higher educational institutions, various opportunities need to be created for encouraging students' participation in seminars, workshops and international conferences [12]. Collaborative online international projects are considered to be valuable practice. Both students and instructors are able to enhance their communication abilities, trust and reciprocity while participating in international projects.

The working environment needs to include infrastructure, materials, tools, technologies, equipment, amenities and other facilities. When all these aspects are available within the working environment, the individuals will not only perform their job duties satisfactorily, but bring about improvements in professional ethics as well.

It is vital to implement rules in educational institutions, which need to be followed by all the members. The individuals need to treat each other with respect and courtesy. Furthermore, they need to depict honesty and truthfulness in the implementation of their job duties as well as in dealing with others.

It is crucial to formulate the measures to identify the effectiveness of ethics program in generating the desired outcomes. Therefore, when the individuals implement methods and approaches to measure the effectiveness of ethics program, they are able to bring about improvements in professional ethics.

Within the working environment, it is necessary for the individuals to be committed towards their job duties and professional goals. Dedication and punctuality enable the individuals to take responsibility and assume ownership of their performance [5]. In case, they experience any problems or concerns, they are required to seek help from others.

Innovation is a highly complex process, because different individuals and cultures have different attitudes towards and beliefs about innovation. Contexts for English language education vary across the globe so policy development must be responsive to the local context. Organizational cultures lead to specific organizational structures, so that to keep everything on course and to maintain the status quo, looking only to the past for ideas and solutions [7]. Integrative cultures, on the other hand, have organizational structures that use a team approach to problem solving. Integrative organizations need leaders with a specific set of skills so that they can manage innovations effectively. Success as a leader is not only based on what one knows but also on how one interacts with others. Leading for innovation requires that leaders learn skills for leadership on the job and by participating in real team meetings or discussing among colleagues with different points of view, resolving conflicts, or caring for and supporting others in the workplace. In examining the local context, policy makers need to consider teacher knowledge and beliefs, the quality and content of teacher education programmes, local perceptions about language and language learning. Policy makers need to ensure that organizations have permeable structures that allow for cross-disciplinary interaction. They need to invest in teacher education programmes that are integrative, model innovative practice, and promote innovation.

If teachers in the Russian Federation are to adopt innovative practices, they need to be supported with appropriate in-service education that develops their proficiency and their pedagogical knowledge, and addresses their beliefs about teaching. Education is to be considered as “soft power”. Policy makers need to view teaching as a complex, cognitive activity that teachers adopt and adapt through continuing reflective practice. Professional ethics is regarded as the set of

principles, which are of utmost significance. When the individuals are well-aware of their professional ethics and put them into operation in their professional lives, they are able to benefit in a number of ways. These include, performing one's job duties well, maintaining good terms and relationships with others, incurring the feelings of pleasure and contentment, and achieving personal and professional goals. Finally, it can be stated that when all the members are able to generate information and augment their understanding in terms of these measures, they are able to improve professional ethics as well as achieve educational goals in a well-organized manner. As new possibilities for the exercise of "soft power" arises, so will new demands for its control and accountability, and with these will come new pedagogical ideas and theories. Education as soft power concerns all of us, so we should all be involved in that debate.

REFERENCES

1. Farrell, T.S.C. *Reflective practice in action*. Thousand Oaks. California: Corwin Press; 2004.
2. Borg, S. *Teacher cognition and language education: Research and practice*. London: Continuum; 2006.
3. Hayes, D. Language learning, teaching, and educational reform in rural Thailand: an English teacher's perspective. *Asia-Pacific Journal of Education*. 2010; 30:305–319.
4. Wolff, F., Borzikowsky, C. Intercultural Competence by International Experiences? An Investigation of the Impact of Educational Stays Abroad on Intercultural Competence and Its Facets. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018; 49(3):488–514. <https://doi.org/10.1177%2F0022022118754721>.
5. Ross, J.A., Bruce C. D. Professional development effects on teacher efficacy: Results of randomized field trial. *Journal of Educational Research*. 2007; 101(1): 50–60.
6. Burne, B., Lewin, K. Leadership and Change – The Case for Greater Ethical Clarity. *Journal of Business Ethics*. 2011; 108(20):239–252.
7. Gibson, J., Ivancevich, J.M., Donnelly, J.H., and Konopaske. *Organizations: Behavior, structure, processes* (Thirteenth edition). Boston: McGraw Hill-Irwin. 2009.
8. Bebeau, M.J. The Defining Issues Test and the Four Component Model: Contributions to Professional Education. *Journal of Moral Education*. 2002; 31(3): 271–295.
9. Halstead, M.J., Taylor, M.J. Learning and Teaching about Values: A Review of Current Research. *Cambridge Journal of Education*. 2000; 30(2): 169–202.
10. Murgatroyd, S., Simpson, D. *Renaissance Leadership – Leading and Rethinking the Future*. New York: Lulu Press. 2010.
11. Clarkeburn, H. The Aims and Practice of Ethics Education in an Undergraduate Curriculum: Reasons for Choosing a Skills Approach. *Journal of Higher and Further Education*. 2002; 26 (4): 307–315.
12. Riabova, A., Pogodin, S. Challenges of Contemporary Higher Education. In: Bolgov R., Atnashev V., Gladkiy Y., Leete A., Tsyb A., Pogodin S. (eds.) *Proceedings of Topical*

Issues in International Political Geography. Springer Geography. Springer, Cham. 2021.
https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_1.

ТРАНСЛИТЕРИРОВАННЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Farrell, T.S. C. Reflective practice in action. Thousand Oaks, California: Corwin Press; 2004.
2. Borg, S. Teacher cognition and language education: Research and practice. London: Continuum; 2006.
3. Hayes D. Language learning, teaching, and educational reform in rural Thailand: an English teacher's perspective. *Asia-Pacific Journal of Education*. 2010; 30:305–319.
4. Wolff, F., Borzikowsky, C. Intercultural Competence by International Experiences? An Investigation of the Impact of Educational Stays Abroad on Intercultural Competence and Its Facets. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018; 49(3):488–514. <https://doi.org/10.1177%2F0022022118754721>.
5. Ross, J.A., Bruce, C.D. Professional development effects on teacher efficacy: Results of randomized field trial. *Journal of Educational Research*. 2007; 101(1): 50–60.
6. Burne, B., Lewin, K. Leadership and Change – The Case for Greater Ethical Clarity. *Journal of Business Ethics*. 2011; 108(20):239–252.
7. Gibson, J., Ivancevich, J.M., Donnelly, J.H., and Konopaske. *Organizations: Behavior, structure, processes* (Thirteenth edition). Boston: McGraw Hill-Irwin. 2009.
8. Bebeau, M.J. The Defining Issues Test and the Four Component Model: Contributions to Professional Education. *Journal of Moral Education*. 2002; 31(3): 271–295.
9. Halstead, M.J., Taylor, M.J. Learning and Teaching about Values: A Review of Current Research. *Cambridge Journal of Education*. 2000; 30(2): 169–202.
10. Murgatroyd, S., Simpson, D. *Renaissance Leadership – Leading and Rethinking the Future*. New York: Lulu Press. 2010.
11. Clarkeburn, H. The Aims and Practice of Ethics Education in an Undergraduate Curriculum: Reasons for Choosing a Skills Approach. *Journal of Higher and Further Education*. 2002; 26 (4): 307–315.
12. Riabova, A., Pogodin, S. Challenges of Contemporary Higher Education. In: Bolgov R., Atnashev V., Gladkiy Y., Leete A., Tsyb A., Pogodin S. (eds.) *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Springer Geography. Springer, Cham. 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_1.

Сведения об авторах / Information about authors

Рябова Анна Львовна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: ral5@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4250-9588

Riabova Anna L. – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: ral5@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4250-9588

*Статья поступила в редакцию 01.07.2022. Одобрена после рецензирования 21.07.2022. Принята 28.08.2022.
Received 01.07.2022. Approved after reviewing 21.07.2022. Accepted 28.08.2022*

«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»

№ 24 (47)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Смирнова Л.В. – перевод на английский язык
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать

Усл. печ.

Печать цифровая

Тираж

Формат 60x84/16

Заказ

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»

№ 24 (47)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief

Pogodin S.N. – Executive Editor

Sidorchuk I.V. – Manuscript Editor Scientific Secretary of the Journal

Smirnova L.V. – the English Translation of

Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing
Conventional Printed Sheet

Format 60x84/16
Circulation

Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.Е. Nekotorye svedenija ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufij'skogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at <http://kremlin.ru> (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij trgovoj ekonomicheskij zhurnal*. 2011. № 12. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru